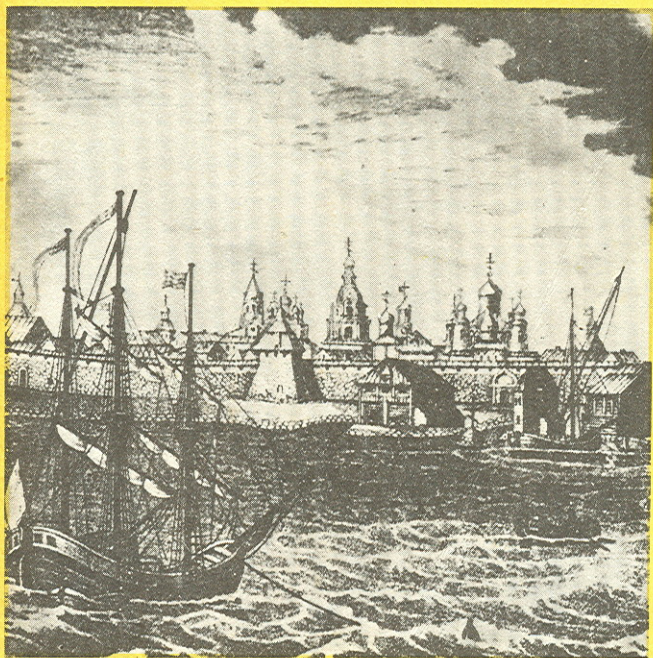
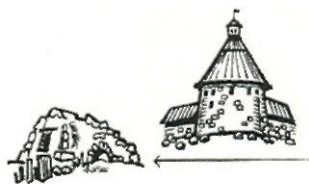
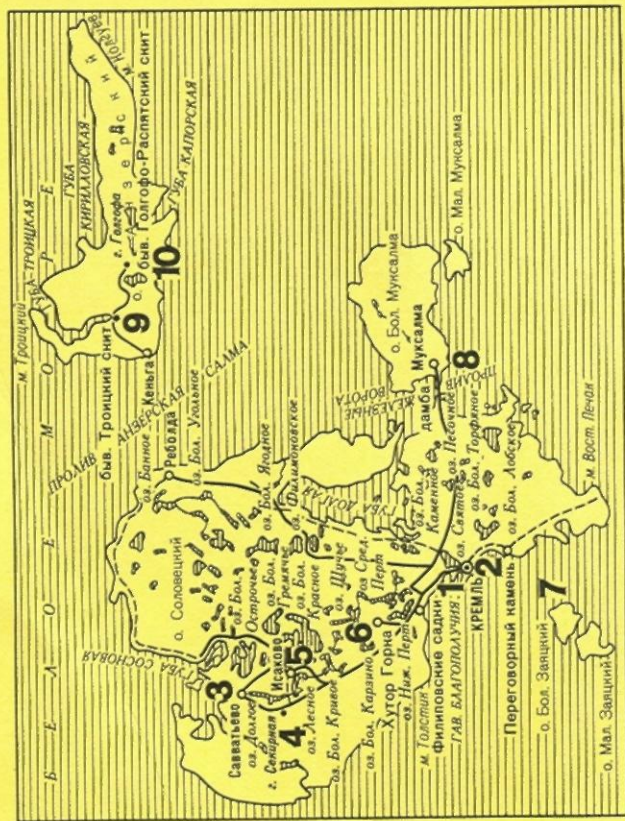

НА СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВАХ

1. Никольская башня
Соловецкого кремля.
Конец XVI в.
2. Валунный сарай
на Сельдяном мысу.
XIX в.

3. Церковь и жилой
корпус в Савватиеве.
Вторая половина
XIX в.
4. Вознесенская церковь
на Секирной горе.
1862

5. Валунный амбар
в Исакове.
Конец XIX в.
6. Дача архимандрита
на хуторе Горка.
Середина XIX в.

7. «Лабиринт» Большого
Заяцкого острова.
II—I тыс. до н. э.
8. Дамба между
Соловецким и
Мунсалымскими
островами.
Середина XIX в.

9. Троицкий скит
Анзерского острова.
XVII—XIX вв.
10. Церковь
Распятского скита
Анзерского острова.
1828

НА СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВАХ

В. В. СКОПИН

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1991

ВСТУПЛЕНИЕ

1. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ—————**11**

Возникновение монастыря (11). Соловецкий монастырь в обороне Поморья (17). «Соловецкое сидение» (22). Петр I на Соловках (24). Бомбардировка монастыря в 1854 г. (26). Соловецкая тюрьма (30). Современное состояние Соловков (32).

2. АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ МОНАСТЫРЯ—————**34**

Первые деревянные сооружения (35). «Сказание о Филиппове строении» (36). Центральный комплекс зданий (53). «Великая царская крепость». (57). Ансамбль монастыря XVII в. (71). Монастырь в XVIII — начале XX в. (80). Реставрация советского времени (86).

3. ЗА СТЕНАМИ КРЕМЛЯ—————**91**

Гидротехнические, жилые, складские, производственные и культовые сооружения поселка Соловецкий (91).

4. ПО ДОРОГАМ СОЛОВЕЦКИМ—————**115**

По озерной системе (115). Савватиево (124). Секирная гора (130). Исаково (136). Хутор Горка (139). Филипповские садки (144). «Переговорный камень» (146).

5. БОЛЬШОЙ ЗАЯЦКИЙ ОСТРОВ

Неолитические сооружения (151). Гавань (154). Церковь Андрея Первозванного (157).

4901000000-052
С—————56-90
025(01)91

6. ОСТРОВ БОЛЬШАЯ МУКСАЛМА	160
Иисусова пустынь (160). Дамба (162). Скотный двор (166). Малая Муксалма (171).	
7. АНЗЕРСКИЙ ОСТРОВ	173
Троицкий скит (174). Голгофо-Распятский скит (181). Кириллово (187). «Городок» Петра I (188). Спасательная станция (189).	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	191
ПРИМЕЧАНИЯ	193
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	197
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	198

Вступление

Соловецкие острова — земля необыкновенная. Разве не удивительно, что недалеко от Полярного круга, среди холодного северного моря, там, где и существовать трудно, на протяжении четырех тысячелетий создавались памятники культуры редкой ценности?! Все поражает здесь: и загадочные неолитические сооружения II—I тысячелетий до нашей эры, и знаменитый Соловецкий монастырь, и оригинальные технические постройки, и неповторимая красота пейзажей. Земля эта никого не оставит равнодушным. Она властно завладевает сознанием, волнуя своей древней и трагической историей.

Соловецкий архипелаг невелик. Он расположен в северной части Онежской губы Белого моря, между Карельским Поморьем и Летним берегом Онежского полуострова. Из множества мелких островов выделяются шесть сравнительно крупных, среди которых наиболее известен Большой Соловецкий остров — примерно 25 километров в длину и 16 в ширину (246 км²). Другие острова значительно меньше и расположены по сторонам от него: к востоку — Анзерский остров (47 км²), к югу — острова Большая и Малая Муксалма (17 и 0,57 км²) и с западной стороны — острова Большой и Малый Заяцкие (1,25 и 1,02 км²). Все острова отличаются сравнительно ровным рельефом с небольшими возвышениями, называемыми здесь «горами». Важную роль в их формировании сыграл лед-

ник, покрывший коренные гранитные породы мощным слоем валунов и песка моренных отложений. Плодородный слой невелик, но на удивление жизнеспособен. На небольшой территории представлены основные природные зоны Севера: смешанные леса, тайга и тундра. Разнообразный растительный и животный мир острова, сравнительно мягкий климат уже в древности привлекали сюда людей. Остатки неолитической культуры II—I тысячелетий до нашей эры — каменные «лабиринты», насыпи, дольмены — первые по времени и наиболее загадочные сооружения, расположенные на Соловках.

Однако главную славу островам принес обосновавшийся на его берегах с XV столетия знаменитый Соловецкий монастырь. «Пустынный монастырь, — писал В. О. Ключевский, — воспитывал в своем братстве особое настроение... особый взгляд на задачи иночества. Основатель его некогда ушел в лес, чтобы спастись в безмолвном уединении... к нему собирались такие же искатели безмолвия и устроили пустыню. Строгая жизнь, слава подвигов привлекали не только богомольцев и вкладчиков, но и крестьян, которые селились вокруг богатейшей обители как религиозной и хозяйственной опоры, рубили лес, ставили пачинки и деревни, расчищали нивы и «искажали пустыню». Недалеко от шумной обители возникали общины, называемые скитами. Совсем маленькое поселение монахов образовывало пустынь. Несколькими скитами и пустынями обзавелся и Соловецкий монастырь. Однако основная его особенность заключалась в том, что он был единственным на Руси монастырем, отделенным от материка десятками километров «морской пучины». Удаленность островов способствовала интенсивному освоению окружающего пространства, и чем труднее было соловчанам на неприступных северных землях, тем с большим упорством они утверждались на них. Со временем на островах были созданы многочисленные скиты, службы, промыслы, сенокосы, причалы, гавани, дамбы, каналы, поражающие зрителя своим многообразием и оригинальностью внешнего вида. Сейчас это грандиозный, расположенный на нескольких островах ансамбль, в котором каждое отдельное сооружение или комплекс зданий, играя самостоятельную роль в жизни монастыря, одновременно составляет часть целого, свя-

занного единством культурно-хозяйственного назначения. Важнейшее место в архитектурном комплексе островов, несомненно, принадлежит сооружениям самого Соловецкого монастыря. Их величественный древний вид среди холодного Белого моря до сих пор волнует всех приезжающих на Соловки.

Меньше известно о памятниках, расположенных за пределами крепостных стен. А среди них есть исключительные, такие, как садки для рыбы, водоналивной док, каналы и дамбы Большого Соловецкого острова. Поражает гавань на Большом Заяцком острове.

По древним лесным дорогам мы проследуем в отдаленные скиты, пустыни, промысловые пристанища. Морские дороги нас свяжут с соседними островами. Ни при одном монастыре не сохранилось такого большого количества культовых, промысловых, производственных и складских зданий, как при Соловецком. Знакомство с ним помогает лучше узнать малоизвестные страницы отечественного зодчества, составить представление о труде, быте и художественном творчестве людей на северных окраинах государства.

Соловецкая культура проникнута той общей высокой целью, которая веками воспитывалась в народе. Она свидетельствует о трудолюбии людей, о верности христианским добродетелям, любви к Отечеству. В глазах многих людей монастырь был местом поклонения, выступал как идеальный духовный и хозяйственный организатор. В годы опасности он защищал их от врагов, в голодные годы кормил и одевал. Жизнь соловецких «начальников» — основателей монастыря, принявших на себя первые трудности, — воспринималась как нравственный подвиг и служила примером для лучшей части братии и народа. Вот почему уже издавна, несмотря на расходы и тяжелый путь, в монастырь ежегодно приезжали тысячи людей со всей России.

Культурное влияние монастыря выходило далеко за пределы островов. Он был богатым и авторитетным заказчиком и приобретал тысячи произведений искусства как из прилегающих к Белому морю Онежской и Двинской земель, так и из городов Центральной и Северной России. Творцами соловецких памятников были и мастера-профессионалы, и рядовые крестьяне, и ремесленники, а порой и сами руководители монастыря — игумены.

Лес и море — две стихии, окружавшие соловецких поселенцев, — наполняли монастырь особой жизнью. Зимой в короткий световой день отгороженный от материка архипелаг будто замирал, замерзало море, лишь редкие лодки пробивались сквозь дрейфующие льды, глубокий снег заметал дороги, и тогда с особой силой ощущалась подвластность Соловков природной стихии.

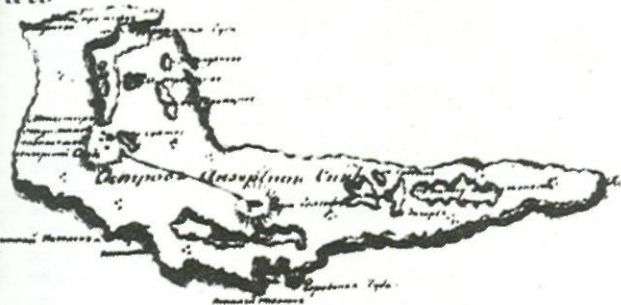
Ближе к лету, особенно белыми ночами, жизнь оживала, оттаивали лесные дороги, ходко шли по морю многочисленные ладьи, возобновлялись промыслы, строительные работы, монастырские стены с удивлением рассматривались тысячами приезжих. Заповедная северная природа вместе с памятниками истории и культуры создавали редкий по эмоциональному воздействию комплекс. И хотя сейчас нам трудно в полной мере постичь смысл культуры прошлых эпох, но приближение к ней, особая нравственно-эстетическая атмосфера, присущая соловецким памятникам, представляется важной для нашего современника.

1. Страницы истории

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МОНАСТЫРЯ. Северная земля издавна влекла людей своими богатствами. В лесах водился ценный пушной зверь, реки и озера изобиловали рыбой, морские берега открывали возможность солеварения. Однако из-за большой удаленности и трудных дорог освоение Севера шло медленно. Раньше других на завоевание «полуночных стран» вышли новгородцы. Они первыми основали промысловые поселения и становища, послужившие базой для дальнейшего продвижения к Белому морю.

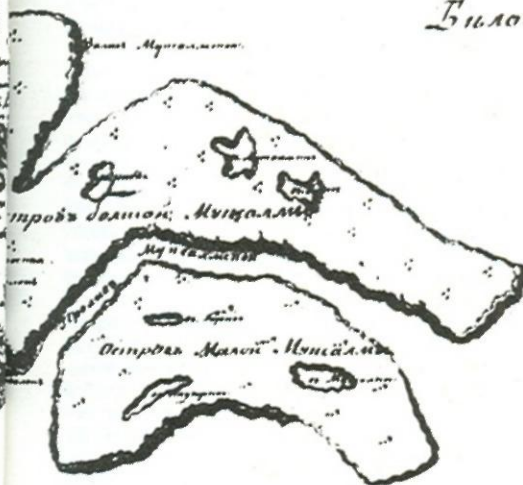
В XII—XIII веках происходит постепенная колонизация Карельского берега Белого моря, отсюда открывался кратчайший путь на Соловецкие острова. Вслед за промысловиками обширные, почти не занятые территории стали осваивать монахи. Их численность увеличивается к концу XIV столетия, когда на Руси утвердился новый тип монастыря-хозяйственника, жизнь в котором строилась на общежитийном уставе и производительном труде всех членов. Основателем одного из таких монастырей был крупнейший религиозный подвижник своего времени — Кирилл Белозерский. Сейчас трудно сказать, было ли это волею случая или следствием закономерности, но учеником Кирилла оказался будущий «начальник» Соловецкой обители — Савватий. Путь его на Соловки был не прост. После долгого проживания под руководством мудрого наставника и, видимо, после его

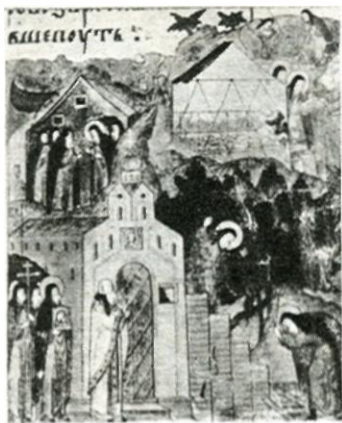
Планъ каго

Исходъ. Исааковъ. Са. и. и.

Бѣлое Море.

*План
Соловецких островов.
Рисунок начала XIX в.*

*Солеварение.
Миниатюра из рукописи
начала XVII в.
*Житие Зосимы
и Савватия**

смерти он в поисках «безмолвного» жития отправляется дальше на Север. Некоторое время он находит успокоение в малочисленном Валаамском монастыре на Лadoжском озере. Однако вскоре и этот монастырь показался ему шумным, и он ищет одинокого пристанища на малоизвестном и удаленном в море Соловецком острове. Продвигаясь вдоль Карельского берега, он узнает от местных жителей, что остров велик и необитаем, что на нем много лесов и озер. Поморы, узнав о намерении престарелого монаха в одиночестве отправиться на остров, отговаривают его, ссылаясь на преклонный возраст и трудности в добывании пропитания. Советы мирян возымели действие, и уже вскоре Савватий находит себе попутчика в лице уже наезжавшего на Соловки пустынножителя Германа. В 1429 году, преодолев опасный двухдневный путь морем, монахи вступили на облюбованную землю.

Первые годы жизни на острове складывались особенно трудно. Оторванность от материка, стихийная мощь природы наполняли жизнь постоянными лишениями. Суровый климат и скудная земля не способствовали развитию земледелия — кроме репы, ничего не удавалось вырастить. Для пополнения продовольственных запасов поселенцам приходилось обращаться к наезжавшим на остров промысловикам, а порой и самим отправляться на материк. На шестом году жизни монахов произошло несчастье. Во время отъезда Германа в Онегу неожиданно заболел и почувствовал близкую кончину Савватий. В одиночестве он отправляется на Карельский берег и там вскоре умирает. Строго говоря, Савватий не был основателем монастыря, но для будущего соловецкого монашества он несомненно является авторитетным старцем. Своими аскетическими подвигами он открыл инокам путь на Соловки, вдохновил их на будущее «благоустроение». Уже через несколько лет его мощи с почестями были перенесены на Соловецкий остров и захоронены в Спасо-Преображенском соборе.

Меньшая известность ожидала Германа. Он не имел столь яркого послужного списка, был неграмотным и принимал на себя основную тяжесть материальных забот. Но именно благодаря ему спустя год после смерти Савватия на Соловки прибыл будущий деятельный организатор монашеского жития — Зосима. Син богатых родителей из небольшого села Толвуи (на берегу Онежского озера), Зосима, желая отречься от мира, раздает имущество бедным и уходит в Поморье, на Суму-реку. Здесь он встречается с Германом, который подробно рассказывает ему о Савватии, об удобном расположении острова и возможности устройства на нем монастыря. В 1436 году, собрав необходимый «запас», они отправляются на Соловки.

Составленные после смерти первых поселенцев жития идеализируют их деяния, но едва ли следует сомневаться, что эти люди отличались редким мужеством и практическим умом. Вокруг них быстро собрались преданные люди, образовалась крепкая религиозно-хозяйственная община, приступившая к деятельному обустройству избранной ими земли: «Тружась по постом и молитвами купно же и ручным делом, иногда же землю копаху мотыгами, иногда же деревья на устои монастыря заготовляху и воду от

*Строительство
деревянной церкви.
Миниатюра из рукописи
начала XVII в.
«Житие Зосимы
и Савватия»*

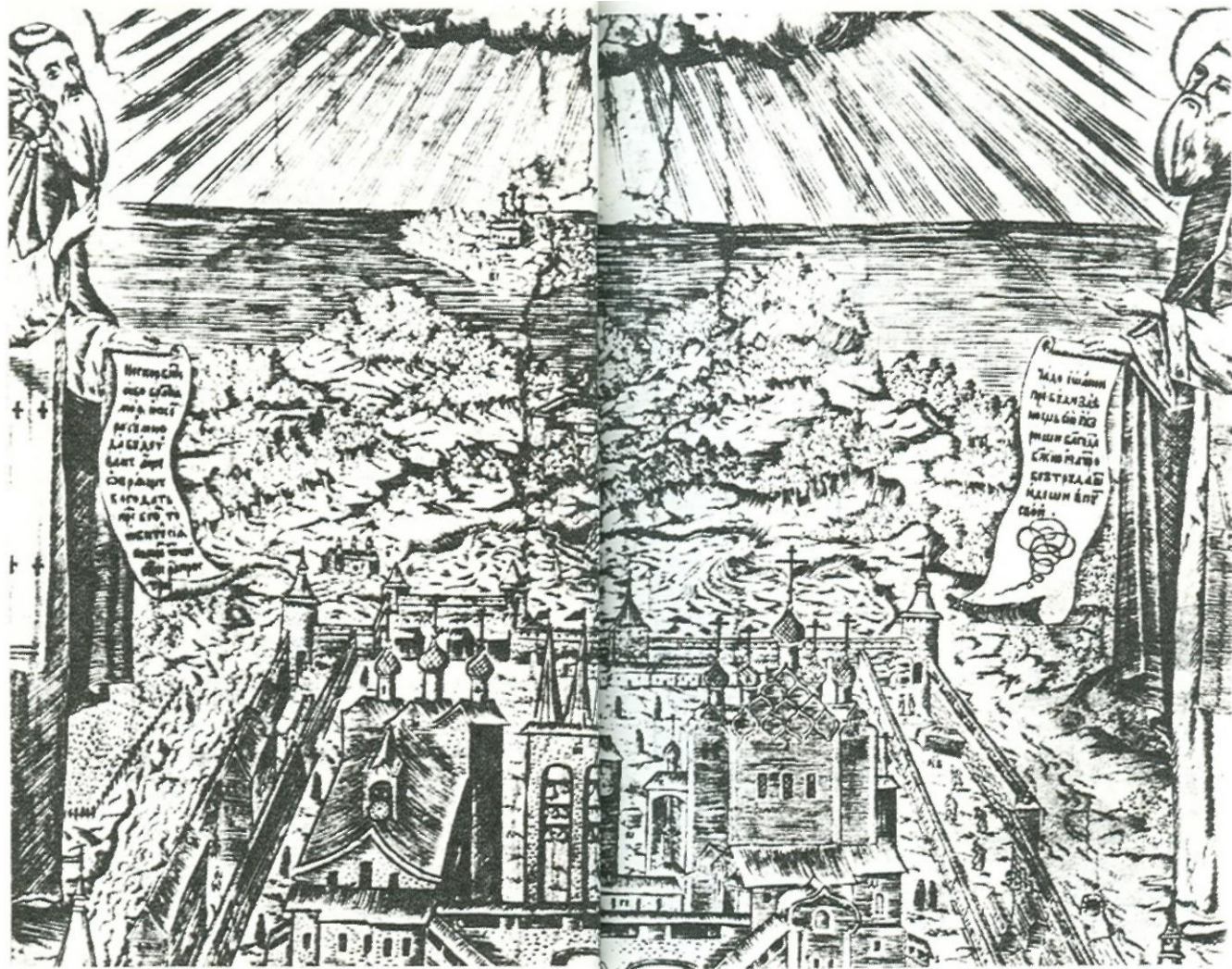
моря черпаху, и даяху торженникам на куплю, и взимаху от них всяко орудия на потребу монастырскую, и во прочих делах тружахуся и рыбную ловитву дворяху и тако от своих потов и трудов кормяхуся», — свидетельствует древнее житие.

Соловецкая обитель возникла на землях, принадлежавших Новгородской феодальной республике. Из Новгорода присылают на острова первых трех игуменов и грамоту на право владения островами; от него получают они и первые земельные и морские промысловые угодья на материковом берегу, он же отныне начинает осуществлять административный и духовный контроль над небольшим северным монастырем. После падения в 1478 году Новгородской республики Соловки входят в состав владений Великого князя Московского. Но это мало что изменило в правах монастыря..- Новые власти были заинтересованы

в существовании в пограничных северных районах миссионера, крепкого хозяина и защитника обширных территорий и потому не раз подтверждали право соловецких старцев (монахов) на владение островами.

До середины XVI столетия Соловецкий монастырь мало чем отличался от других скромных северных обителей. В Описи 1549 года перечислены три скромно обставленные деревянные церкви, скотный двор, три соляных варницы, столько же водяных мельниц, рыболовные тони да двенадцать судов. Незначительные пока земельные и водные угодья располагались на прилегавших к островам материковых побережьях. Скромность монастырского хозяйства этого времени была ярким контрастом к его последующему возвышению.

СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В ОБОРОНЕ ПОМОРЬЯ. Вторая половина XVI века оказалась решающей в судьбе монастыря — это было время его бурного развития. Под началом деятельного соловецкого игумена Филиппа Колычева один за другим строятся величественные храмы, крупные хозяйственные сооружения. Уходят за горизонт груженные солью и возвращаются с хлебом, зерном, овощами, известью, железом, необходимым имуществом соловецкие ладьи. Монастырские владения сосредоточены теперь во многих местах Поморья и Двины. Мимо монастыря по Белому морю проплывают заморские суда. Рост могущества соседа вскоре замечают иностранные державы, и прежде всего враждебно настроенная Швеция. В 1571 году, в разгар Ливонской войны, монастырь впервые становится свидетелем появления в море неподалеку от него неприятельской флотилии шведских и голландских кораблей. Незащищенная северная обитель впервые испытывает страх — в Москву срочно отправляется грамота с просьбой о защите. Однако только спустя семь лет, в 1578 году, царь сумел оказать посильную помощь и прислать из Москвы большую команду, состоявшую из воеводы, десяти стрельцов и четырех пушкарей. Тогда же вокруг монастыря начинают сооружать первую Соловецкую крепость — деревянный острог с башнями — и для ее защиты набираются девяносто пять стрельцов. Этот малочисленный и плохо обученный отряд вскоре от-

*Зосима и Савватий
с изображением
Соловецкого
монастыря.
Гравюра Василия
Андреева. 1699*

*Осада Соловецкого
монастыря царским
войском.*

Миниатюра XVIII в.

*Разорение
Соловецкого монастыря.
Миниатюра XVIII в.*

правляется на защиту Кемской волости и терпит поражение. Осложнившаяся обстановка потребовала новых мер по дополнительному укреплению обороноспособности монастыря и всего Поморья. С конца XVI столетия роль защитника Отечества взял на себя новый, каменный кремль. Невиданные доселе мощные валунные стены и башни (1582—1594 гг.) были возведены по приказу царя, но силами самого монастыря и сразу вошли в ряд крупнейших крепостей Русской земли.

До середины XIX столетия Соловецкая крепость не подвергалась нападению иноземных войск, однако на протяжении столетий ее стены служили гарантией неприкосновенности северных границ, а находившийся на содержании монастыря военный отряд не раз выступал на защиту материковых земель. В сложной обстановке Смутного времени преисполненные

уверенности в своих силах монахи так отвечали на грамоту шведского короля: «У нас в Соловецком монастыре и в Сумском остроге и во всей поморской области тот же единомышленный совет: не хотим никого из иноверцев на Московское государство царем великим князем опричь своих природных бояр Московского государства». В это тревожное время в монастыре и его острогах находилось более тысячи воинов. Только в 1637 году, ввиду уменьшения опасности вражеского нападения, многочисленное соловецкое войско было ликвидировано, оборона Поморья перешла полностью в руки игумена.

«СОЛОВЕЦКОЕ СИДЕНИЕ». К середине XVII столетия монастырское хозяйство достигает расцвета, растет его политическое и нравственное влияние не только на Севере, но и во всем государстве. В благодарность за новые земельные пожалования и льготы монастырь ссужает государство значительными денежными средствами. И тем неожиданной и сильней поразила русское общество разгоревшаяся на Соловках церковная «смута», вылившаяся в знаменитое «Соловецкое сидение» — восьмилетнюю оборону (1668—1676 гг.) монастыря от царских войск. Случилось так, что мощная церковная организация, созданная при участии государства и являвшаяся его надежной опорой, обратилась против своего господина, вступила в острую идеологическую и военную борьбу за «старую веру». Причин для столь яростного взрыва недовольства было несколько. Способствовали ему и сам высокий авторитет монастыря на Севере, и активная роль монашества в его жизнеустройстве, решительный и смелый характер монахов — мореходов, промысловиков, воинов. Хорошо известен был в монастыре сам инициатор реформы — патриарх Никон, живший в свое время на соседнем Анзерском острове. Поставленный в 1649 году на Новгородскую митрополию, а затем избранный патриархом, он не оставлял обитель своим вниманием. Но мелкие подарки не могли сгладить недовольства братии, вызванного перевозом в Москву мощей высокочтимого св. Филиппа, описанным в застраиваемый Никоном кийостровский Крестный монастырь части богатых владений. Ревниво относились соловчане к получившему самостоя-

тельность Анзерскому скиту. Но самый решительный протест вызвали проводившиеся патриархом религиозные реформы. Монахи, искушенные книжники, обладатели богатейшей библиотеки, и «мирские» поселенцы болезненно восприняли незначительные изменения в богослужебных книгах, признав их злым отступлением от истинной веры и благочестия. И когда в первых, доставленных в 1657 году в монастырь, исправленных книгах были обнаружены многие «богопротивные ереси и новшества лукавые», их решено было, не принимая к службе, спрятать.

С 1663 по 1668 год в монастыре на имя царя было составлено и послано девять челобитных, множество «сказок» и других посланий, на конкретных примерах доказывавших справедливость старой веры. Отмечая непримиримость иноков, в одной из них говорилось: «Аще ли ты, великий государь, наш помазанный божий в старой вере быти не благоволишь и книги переменить изволишь... вели, государь, на нас свой меч прислать царьской и от сего мятежного жития переселити нас на оное безмятежное и вечное житие». Время переговоров подошло к концу, и в 1668 году для усмирения непокорных на острова посылается первый отряд стрельцов. Для начала от монастыря отписываются все вотчины и промыслы, на острова запрещается доставлять деньги и припасы. В ответ на это восставшие также перешли к решительным действиям и заняли оборону вокруг монастыря.

Четыре года продолжалась пассивная осада монастыря, но результатов не дала. Для активизации действий на остров направляется новый царский воевода и более многочисленный отряд стрельцов. И вновь попытки переговорами склонить мятежников к сдаче успехом не увенчались. В отместку за их упорство вокруг монастыря сжигаются все суда, запасы сена, дров, имущество рыболовных и звериных промыслов. В 1674 году царь посылает на острова третьего воеводу, Ивана Мещаринова, со строгим приказом «мятеж искоренить вскоре». Отныне у монастыря находилось уже тысячное, хорошо вооруженное войско, немедленно приступившее к штурму его стен. Осада мятежного монастыря продолжалась до января 1676 года. Периоды спокойного противостояния чередовались со вспышками военной актив-

ности, когда нападавшие усиливали обстрел, а защитники устраивали смелые вылазки, создавали дополнительные укрепления. Значительную военную и материальную помощь осажденным оказывало население материка: крестьяне, работные люди, участники Крестьянской войны под руководством Степана Разина.

Несмотря на многие жертвы и усилившуюся цингу, ревнителю старой веры были полны решимости продолжать борьбу, но предательство одного из братии — перебежчика монаха Феокиста — склонило исход борьбы в пользу царского отряда. Темной снежной ночью, за час до рассвета, по указке Феокиста стрельцы через подземный ход пробрались к стене, проломали неглубокую закладку окна и проникли в нижние помещения Сушила. Собрав там небольшие силы, отряд неожиданно ворвался в монастырь и открыл ворота Белой башни. Устремившиеся в монастырь войска быстро сломили сопротивление восставших. Спустя день началась редкая по своей жестокости расправа над участниками мятежа. Не принявших покаяния монахов обезглавливали, палили на огне, вешали на деревьях и перекладинах, топили в прорубах, заживо морозили на льду. Лишь немногим была сохранена жизнь, но и они, дабы окончательно пресечь крамолу, были разосланы в различные монастыри. Упорство в вере и мученичество, с каким «соловецкие сидельцы» приняли смерть, создали вокруг них ореол славы. Многочисленные списки «Истории об отцах и страдальцах соловецких», написанной со слов очевидцев писателем-старообрядцем Семеном Денисовым, расходились по всей России и пользовались большой популярностью среди народа.

ПЕТР I НА СОЛОВКАХ. Начало нового этапа в истории Соловецкого монастыря совпало с прибытием на острова самого реформатора русской жизни — Петра I. Первый раз, еще юношей, царь вступает на Соловецкую землю в 1694 году. В течение трех дней он осматривает его достопримечательности, усердно молится местным «святým» и, одарив братию богатыми подарками, возвращается в Архангельск.

Значительно более содержательным было второе посещение Петром островов, в 1702 году. На сей раз

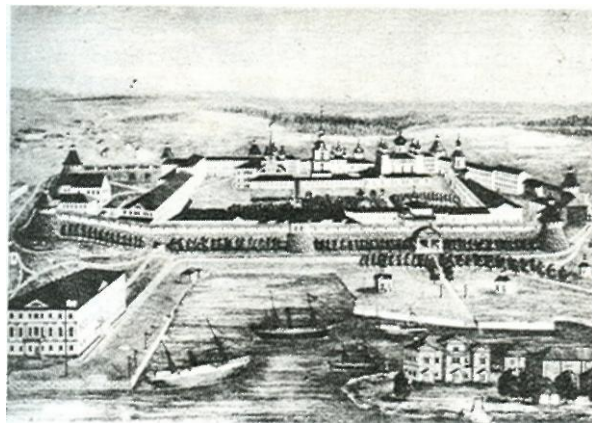
*Соловецкий
монастырь
на рисунке конца
XVIII в.*

царь прибыл в сопровождении тринадцати военных кораблей, озабоченный проблемами обороны Поморья и участия в русско-шведских боевых действиях. Недаром, сойдя с корабля, он прежде всего осматривает крепость и без колокольного звона войдя в монастырь, интересуется не только ризницей, но и Оружейной палатой. После десятидневного стояния у островов царская флотилия двинулась к Нюхче, откуда два облегченных судна по заранее проложенной «великой государевой дороге» проделали путь в сто шестьдесят верст и в районе Повенца были спущены в Онежское озеро. Отсюда через Свирь и Ладожское озеро они неожиданно вышли к шведской крепости Нотебург (Орешек) и с боем овладели ею.

Это была первая победа русских войск в борьбе за выход в Балтийское море.

БОМБАРДИРОВКА МОНАСТЫРЯ В 1854 ГОДУ. Новый взрыв общественного интереса к Соловкам вызвала в середине XIX столетия знаменитая оборона монастыря от нападения английской эскадры. Действия развивались неожиданно. Весной 1854 года, в разгар Крымской войны, на остров с большим трудом прибывает из Архангельска нарочный с сообщением об опасности вражеского нападения. Специальным предписанием решено было привести монастырь в оборонительное состояние, а церковные драгоценности отправить в Архангельск. Из состава братии, работников и богомольцев набирается отряд охотников, пересматривается старый арсенал. Однако, кроме старых, малопригодных пушек и вышедших из употребления самострелов, пистолетов, пик и бердышей, ничего обнаружить не удастся. Незначительное, но более надежное вооружение в количестве восьми пушек со снарядами прибывает из Архангельска. К середине лета соловчане как могли приготовились к отражению возможного нападения.

Решающие события произошли 6 июля, когда два шестидесятипушечных фрегата, «Бриск» и «Миранда», приблизились к Соловецкому монастырю. Пытаясь вступить в переговоры с монастырем, английская команда стала выставлять на мачтах сигнальные флаги. Однако незнакомые с морской грамотой монахи хранили молчание, а два сигнальных выстрела с корабля были восприняты как начало боевых действий. В завязавшей перестрелке одно из ядер попало в английский фрегат и, повредив его, заставило уйти за мыс. Столь дерзкий ответ возмутил англичан. Утро следующего дня началось с обмена депешами. Руководитель эскадры заявил, что монастырь, обстреляв английский флаг, выступил как военная крепость, и потребовал сдачи гарнизона вместе с вооружением. Соловецкий игумен отвечал, что монастырь открыл огонь после выстрелов с кораблей и что «оружия, флагов и других военных снарядов монастырь не имеет и поэтому сдавать нечего...». Спустя несколько часов с английских кораблей поднялись облака дыма и на монастырь понеслись первые ядра. Интенсивный обстрел обители продолжался около девяти часов, по ней было выпущено примерно тысяча восемьсот ядер и бомб, которых, по признанию английского капитана, хватило бы для разруше-

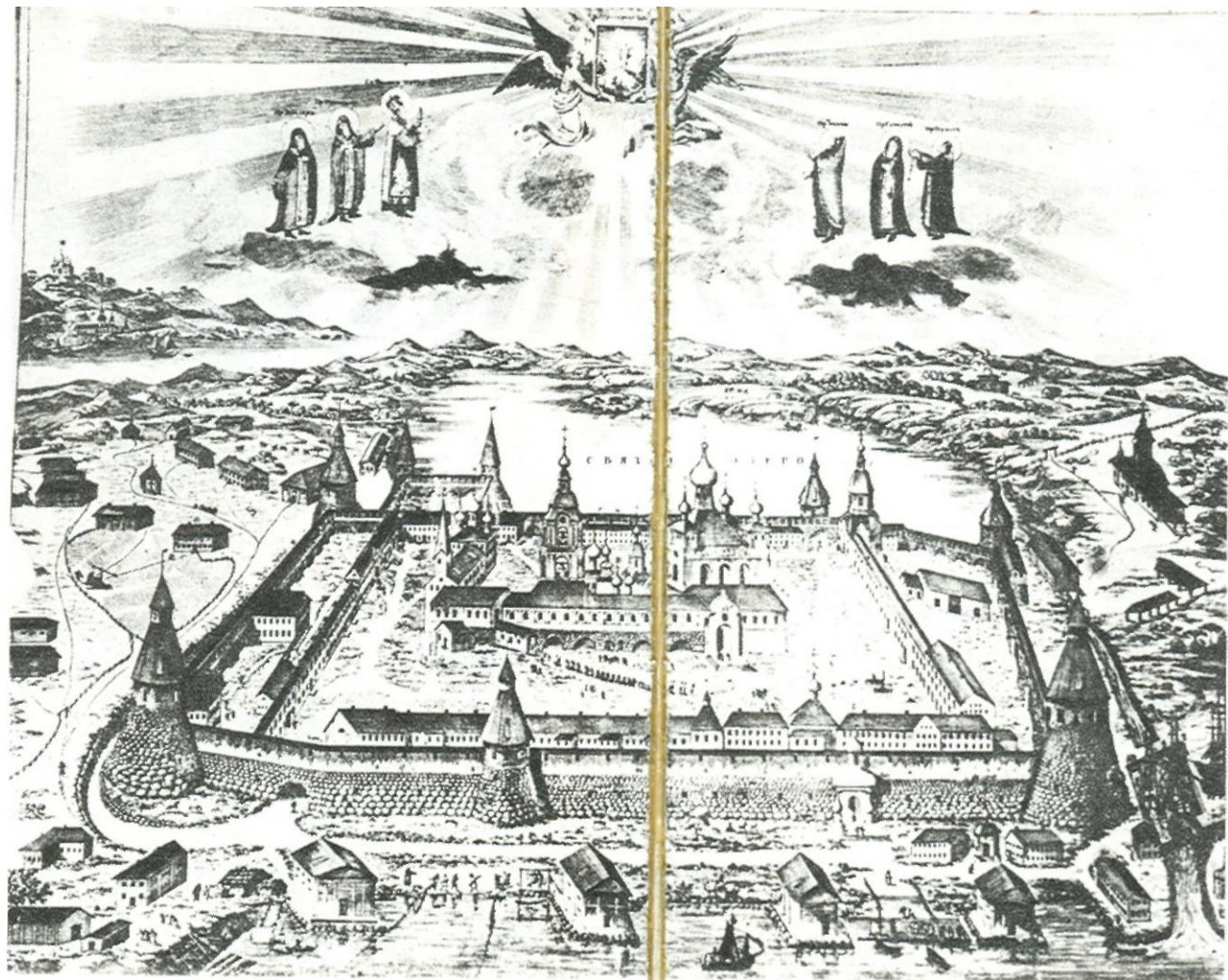

*Вид Соловецкого монастыря.
Гравюра конца XIX в.*

Изображение Соловецкого монастыря и его окружения на гравюре 1837 г.

ния нескольких городов. Превосходство англичан в вооружении оказалось бессильным перед мужеством и смекалкой защитников, мощью крепостных стен. К вечеру яростное сопротивление защитников заставило английские суда отойти от монастыря.

Подводя итог баталиям, защитники были удивлены полным отсутствием человеческих жертв. Не пострадали даже чайки, во множестве населявшие монастырь. Лишь незначительно были повреждены некоторые здания. Больше того: одно из последних ядер было обнаружено невзорвавшимся за иконой Богоматери, что и вовсе уверило защитников в промысле божьем. Героическая защита почти безоружной крепости и «чудеса», связанные с ней, резко повысили авторитет монастыря среди верующих. Значительно увеличивается количество прибывающих на Соловки паломников, приезжают туда и почетные гости, и чле-

ны императорской фамилии, и даже иностранцы, в числе которых посол Франции в России Талейран.

Интерес к истории и культуре Соловков проявляют многие ученые, писатели, художники. Вывозу и сохранению соловецкого архива способствовал историк В. Д. Греков. Среди литераторов, оставивших свои воспоминания о Соловках, мы находим имена С. В. Максимова, В. И. Немировича-Данченко, М. М. Пришвина, Б. В. Шергина и некоторых других. Из крупных художников здесь работали В. В. Верещагин, М. В. Нестеров, А. А. Борисов.

СОЛОВЕЦКАЯ ТЮРЬМА. В отечественной истории Соловки известны и как место ссылки неугодных правительству лиц и религиозных преступников. Одним из первых соловецких узников был последователь известного публициста и философа Максима Грека, сторонник нестяжательного движения Сильван (умер в монастыре в конце 20-х годов XVI столетия). В середине XVI столетия среди видных духовных лиц, сосланных сюда, был бывший игумен Троице-Сергиевой лавры нестяжатель Артемий, активно ратовавший за небогатую церковь и сознательное постижение религиозного учения. Сторонником противоположного по Духу учения был иосифлянин архиепископ Гурий Зоболоцкий. В начале XVII века шесть лет провел в монастырской ссылке крещеный татарский царевич, слуга Ивана Грозного, а одно время даже его соправитель князь Симеон Бекбулатович. Некоторое время в качестве заключенного здесь находился автор известного «Сказания» о событиях Смутного времени Авраамий Палицын. Прощенный, он с почетом был захоронен у Преображенского собора. Во второй половине столетия за несогласие с иконовскими реформами сюда были сосланы управляющий печатным двором князь Львов и бывший царский любимец архимандрит подмосковного Саввино-Сторожевского монастыря Никанор, принявшие активное участие в Соловецком восстании.

С XVIII столетия в монастырь стали поступать заключенные по решению Синода и Тайной канцелярии. Кто только не томился в специально построенном здесь остроге: раскольники, скопцы, расстриги, пьяницы, вольнодумцы. Из титулованных лиц здесь

закончил свою жизнь соратник Петра I, дипломат, управляющий Тайной канцелярией Петр Андреевич Толстой. Девятилетней ссылкой на Соловках за дворцовые интриги поплатился порученец Петра I, член Верховного тайного совета Василий Лукич Долгорукий. Драматична судьба последнего атамана Запорожской Сечи — Петра Кальнишевского, двадцать пять лет просидевшего в одиночной камере. В целом за все время существования тюрьмы количество заключенных было невелико и лишь немногим превышало триста человек. Большинство из них были осуждены за религиозные преступления. Однако суровые условия содержания ссыльных оставляли за монастырем славу жестокой тюрьмы, и это резко противоречило назначению и самому образу «святой обители». Только в 1903 году соловецкая тюрьма была упразднена. И все же спустя двадцать лет, уже в советские годы, история соловецкой тюрьмы приобрела новое, еще более трагическое продолжение.

Уже в 1920 году на островах располагался лагерь принудительных работ, который вместе с конвоем насчитывал триста пятьдесят человек. Это был один из первых исправительно-трудовых лагерей послереволюционной России. В 1923 году на островах организуется новое карательное учреждение значительно большего масштаба — Соловецкие лагеря особого назначения (СЛОН). В начале 1937 года они были преобразованы в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН). Трагический смысл аббревиатуры последнего названия сполна отразили условия содержания заключенных. Изошренные издевательства, пытки, физическое уничтожение тысяч людей придали самому слову — Соловки — зловещее звучание. На протяжении почти двух десятилетий, до 1939 года, сотни тысяч заключенных плотно заполняли помещения кремля и отдаленных скитов, осужденные жили в старых землянках, душных бараках, едва отапливаемых монастырских зданиях. Первыми на Соловки были сосланы политические противники — эсеры, меньшевики, анархисты, белогвардейцы, попадали сюда и уголовники, значительным был контингент лиц духовного звания. Политзаключенные пытались держаться сплоченно, требовали создания нормальных условий содержания. Однако администрация лагеря обычно с равнодушием относилась к протестам и

постепенно ужесточала режим. В начале 30-х годов на острова для «перековки» стали привозить раскулаченных крестьян, членов религиозных сект, творческую интеллигенцию. Обвиненные во «вредительстве», «контрреволюционной агитации» и прочих надуманных преступлениях, они жестоко страдали от тяжелых физических работ на лесоповале, торфоразработках, прокладке дорог. Во второй половине 30-х годов с ростом в стране репрессий на острова попадают многие ученые, старые партийные кадры, работники Коминтерна, работники НКВД, эмигранты, деятели культуры. Пока еще не выявлены имена всех заключенных, но известно, что в лагере томились начальник Гидрометеорологического комитета А. Ф. Вангенгейм, выдающийся философ, математик, химик, священник П. А. Флоренский. В списке соловецких заключенных мы находим историков В. П. Никольского, Н. П. Андиферова, В. В. Бахтина, М. О. Гордона, этнографов и краеведов Н. И. Виноградова, А. А. Евневича, П. К. Казаринова, поэтов и писателей Б. Н. Ширяева, Л. М. Могилянского, В. Камецкого, О. В. Волкова, художников О. Э. Браза, К. Н. Половцеву, профессора Московской консерватории Н. Я. Выгодского, крупнейшего исследователя древнерусской литературы Д. С. Лихачева. Видный реформатор украинского театра Александр Степанович Курбас и на Соловках силами заключенных артистов ставил спектакли. Культурно-просветительские программы лагеря — театр, библиотека, музей, выпуск литературного журнала — были слабым утешением для заключенных. Не многие из них пережили соловецкую ссылку. Погибшие погребены в безымянных братских могилах, разбросанных по островам. В последнее время выяснением списка заключенных и созданием экспозиции по лагерям занимается Соловецкий музей.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЛОВКОВ. В период Великой Отечественной войны в стенах монастыря располагался учебный отряд Северного флота. Известная Соловецкая школа юнг подготовила для фронта тысячи юных моряков, специалистов в различных областях военно-морского дела. По сей день съезжаются на Соловки бывшие юнги, делясь воспоминаниями

и храня память о суровой и славной странице недавней истории. В 1972 году к северу от кремля, на склоне древнего вала, во время первого слета юнг-ветеранов был установлен памятник воспитанникам учебного отряда. В честь героев юнг в поселке названы две улицы. Одна — в память Героя Советского Союза Ивана Сивко, погибшего за освобождение Севера в 1941 году, и другая — в честь Саши Ковалева, умершего от ран в 1944 году. Память о героях юнгах жива в сердцах соловчан, в музее открыта посвященная им экспозиция, периодически устраиваются слеты ветеранов.

После вывода из монастыря военных моряков возобновляется интерес к истории и архитектуре, начинаются научно-исследовательские и реставрационные работы. В 1974 году организуется Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник — единственный в своем роде хранитель культуры и своеобразной природы Севера нашей страны.

2. Архитектурный ансамбль монастыря

Западный берег Большого Соловецкого острова с монастырем на берегу неглубокого морского залива открывается постепенно. Вначале с моря видны отдельные, едва заметные возвышения, и лишь позже, по мере приближения, из-за небольших островов появляются все увеличивающиеся в размерах силуэты зданий. Панорама монастыря развернута вдоль моря, выставляя напоказ свои наиболее зрелищные западные фасады. Подготовленный многочасовым путешествием по воде и насыщенный о Соловках зритель все же с трудом сдерживает волнение при виде неожиданно открывающегося с моря «каменного града». Пустынность окружающего пейзажа и пространственная удаленность его от обжитых районов делает это видение удивительным и ярким.

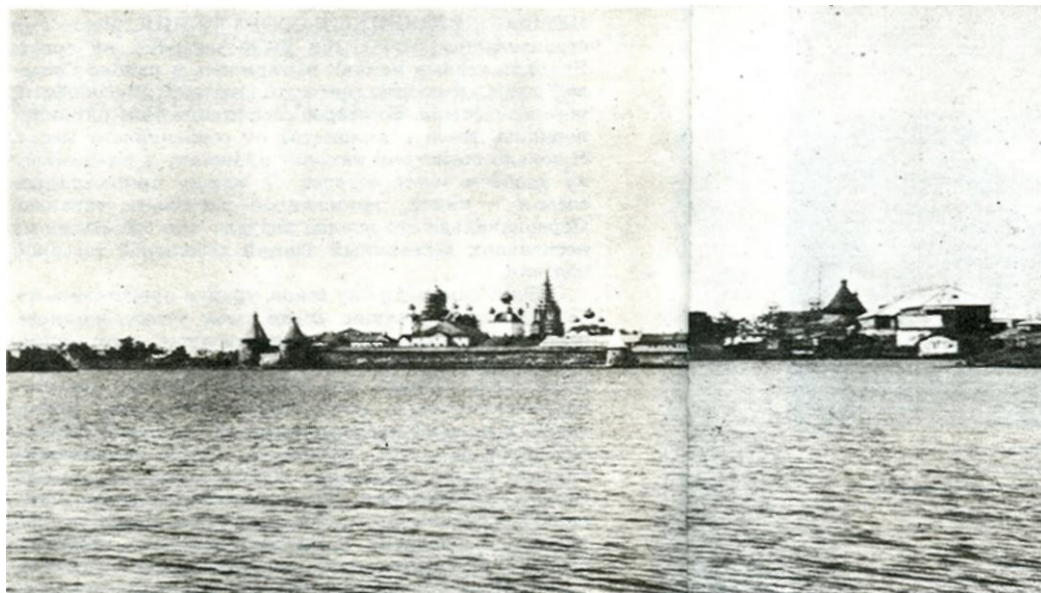
Монастырь расположен примерно в полукилометре к югу от современного причала. По пути следования к крепости все выше поднимаются над землей две башни и неширокая стена северного фасада крепости. Обойдя слева высокий земляной вал с валунным рвом, невольно останавливаешься на берегу широкого светлого озера, получившего по давней монастырской традиции название Святого. Каменные здания, таким образом, занимают узкую площадку между двумя водными преградами. Эта особенность определила рисунок плана, высокую плотность и своеобразную «фасадность» внутренней застройки.

ПЕРВЫЕ ДЕРЕВЯННЫЕ СООРУЖЕНИЯ. Место для строительства монастыря было выбрано не сразу. Вначале первые монахи высадились в районе Сосновой губы, в шестнадцать километрах от современного монастыря. Во второе свое пришествие они остановились всего в километре от современного места. И только позже они находят площадку в максимально удобном месте острова — между пресноводным озером и тихой, защищенной островами гаванью. Первоначально его вполне хватало для состоящей из нескольких деревянных зданий небольшой северной обители.

Сейчас, сквозь дымку веков, трудно представить себе сиротливо стоящие среди леса утлые жилища, скромные церковные и хозяйственные сооружения, неторопливую, хотя и обремененную заботами жизнь поселенцев. Первые деревянные строения, конечно, не сохранились, а исторические источники крайне скупы и не дают представления об их облике. Жития сообщают нам, что, прибыв на остров, подвижники вначале ставят «хижины» — скромное жилье, возможно полуземлянки. По мере прибытия новых поселенцев расчищается лес, возводится более вместительное жилье, поварня и другие службы и, конечно, основное сооружение религиозной общины — церковь.

Первой на Соловках возводится Спасо-Преображенская церковь с приделом популярного на Севере св. Николая. По названию храма и сам монастырь первоначально назывался Спасо-Преображенским. Во второй половине XV столетия строится вторая деревянная церковь — Успенская. Живя среди первозданного строевого леса, соловчане не испытывали в нем недостатка и часто обновляли здания. Поэтому уже вскоре вместо скромной Преображенской церкви начинает возводиться новая, более обширная. Однако, не достроенная до конца, она сгорает от искры костра, зажженного для отпугивания гнуса. Упорством братии строительство возобновляется, и вслед за церковью «на соборнии братству» ставится Трапезная палата, а с востока к ней «прибавляется» новая Успенская церковь.

На протяжении более чем ста лет Соловецкая обитель была деревянной, причем дважды, в 1485 и 1538 годах, почти полностью выгорала, но «нескудной помощью христолюбцев» отстраивалась заново.

*Общий вид
монастыря со стороны
Святого озера*

Перед началом каменного строительства на Соловках в середине XVI века в монастыре находились три деревянные церкви: большая шатровая Спасо-Преображенская, теплая, с трапезной, Успенская и небольшая Никольская. В них размещались около трехсот икон, сосуды, ризы, книги и прочие необходимые ценности. Спустя всего несколько лет те же церкви стояли уже каменными, и, что не менее интересно, они унаследовали от предшественниц некоторые типологические черты. Но прежде, чем это произошло, монастырь пережил невиданные ранее преобразования, инициатором которых и активным участником стал видный соловецкий игумен Филипп Колычев.

«СКАЗАНИЕ О ФИЛИППОВЕ СТРОЕНИИ». Филипп (в мире Федор) Колычев был человеком яркой,

загадочной и трагической судьбы. Выходец из Москвы, представитель известного боярского рода Колычевых, он некоторое время воспитывался при великокняжеском дворе. Однако в 1537 году, тридцати лет от роду, Федор неожиданно покидает Москву и вскоре появляется в Соловецком монастыре, а спустя десять лет уже избирается там игуменом. Восемнадцать лет управлял он вверенным ему монастырем и за это время успел превратить его из скромной обители монахов в один из крупнейших на Севере. По образному выражению одного из исследователей, ему удалось «перенести за ограду Соловецкого монастыря, где еще не совсем изжиты были традиции и строгость нравов первых поселенцев острова, привычки и широкий размах жизни крупной боярской вотчины»¹. Умный деятельный игумен прежде всего стремится облегчить условия жизни на Соловках. Среди лесов,

*Общий вид
монастыря
с Кожаной башни*

озер, болот и гор прокладываются первые многокилометровые дороги. Для постоянного притока свежей воды и удаления ее излишков с острова он идет на исключительное для Древней Руси мероприятие — соединяет семьдесят два озера каналами. Для улучшения питания работников на острове Большая Муксалма ставится скотный двор, заводятся олени, а недалеко от монастыря устраиваются садки для содержания и разведения рыбы. Соловецкий летописец с гордостью отмечает, что «при Филиппе игумене прибыли шти с маслом, да масляные приспели разные блины, пироги, крушки рыбные, кисель, яичница. Да при Филиппе игумене стали в монастырь возить огурцы и рыжики». В бытовую жизнь вводятся невиданные технические новшества: с помощью специальной системы труб производился самостоятельный разлив сваренного кваса в погреба

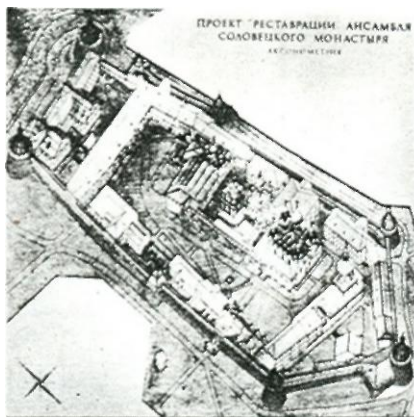

*Общий, вид
Соловецкого монастыря
со стороны бухты
Благополюция*

и бочки. Так же, без участия людей, рожь засыпалась в сушило, а придуманное решето позволило механически насыпать и веять муку и отруби.

Но особенно прославился Филипп грандиозным каменным строительством. Основой для него послужило устройство в двух километрах от монастыря кирпичного завода. И здесь им были введены новшества, позволявшие, сберегая труд работников, распахивать глину волами и разминать конями. С помощью специальных, вращаемых животными воротов готовый кирпич подавался на верх строящихся зданий.

Сейчас даже при самом беглом осмотре монастыря мы замечаем несколько периодов в его застройке, причем наиболее ценная относится к середине XVI столетия, то есть связана с игуменством Филиппа. Приступая к возведению невиданных ранее культовых сооружений, предусмотрительный игумен не

*АксонOMETрический
вид Соловецкого
монастыря.
Проект Всесоюзного
объединения
Союзреставрация»*

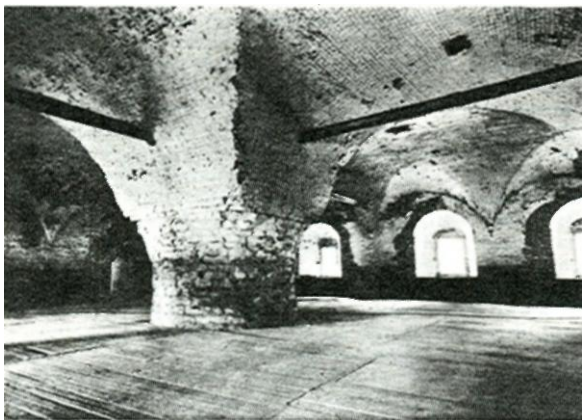
полагался только на собственные ресурсы и заранее, за несколько лет до начала работ, объявлял сбор денежных средств по многим областям Руси. Не был он в собственном монастыре затворником и неоднократно выезжал в Новгород и Москву, где встречался не только с монашеским миром, но и богатыми родственниками и другими мирскими людьми. Прибыв последний раз из Москвы (через Новгород) на Соловки в 1552 году, он, видимо, и привез с собой искусных новгородских мастеров-каменщиков Салку и Столыпу, приступивших к возведению первых монументальных зданий.

Успенская церковь встречает нас сразу же, как только мы минуем внутренние, Спасские ворота, направляясь к центральной площади монастыря. На первый взгляд это широкое массивное здание мало напоминает храм. Его культовое назначение выдает

высокое трехглавие, венчающее восточную часть. Основной же объем постройки — это двухъярусная Трапезная и примкнувшая к ней с северо-востока Келарская палата. Строительство на первых порах трапезного, а не соборного храма следует объяснить практическими потребностями — только в нем могла одновременно разместиться выросшая до двухсот человек монастырская братия. Там же она могла найти спасение от разорявших монастырь пожаров. Во вместительных помещениях первого яруса располагались такие важные службы, как мукосейная и хлебопекарная, хранились многочисленные продовольственные запасы. Здесь же находилась большая печная камера для внутрисстенного обогрева всех помещений, что имело большое значение в холодные и влажные соловецкие зимы.

Самое интересное в сооружении — это интерьер Трапезной — самой крупной, одностолпной палаты Древней Руси (около 500 м²). Ее формы всегда вызывали восхищение: «А трапезная каменная об одном столпе, чудна, света и превелика». И действительно, даже современного зрителя, привыкшего к широким, светлым, легким формам новой архитектуры, она поражает редким ощущением просторности, масштабom архитектурных членений. Не делая новых для своего времени технических открытий, зодчие добились этого путем увеличения размеров окон, высоты и ширины пролетов сводов, диаметра центрального столпа. Круглый белокаменный столп отличается особой внушительностью и даже некоторой тяжеловесностью, однако именно благодаря ему в свободном пространстве Трапезной у посетителя создается впечатление особой устойчивости и мощной силы этой архитектуры. Здесь не только совершался досконально расписанный трапезный ритуал, но во время решения важных вопросов монастырской жизни происходили жаркие споры, принимались важные решения.

Мирское впечатление производит и помещение Келарской палаты. По традиции она отводилась хозяйственному руководителю монастыря, но на практике чаще использовалась для хранения богатой посуды и прочего трапезного обихода. Интерьер Келарской невелик, он приведен к человеческому масштабу, что придает ему уютный и приветливый вид. По-

*Интерьер
Трапезной
1552—1557* *палаты.*

своему выразительны высокие своды, опирающиеся в центре на стройный восьмигранный столп. Большая толщина стен позволила устроить внутри них несколько камер для хранения имущества — характерный для Соловков способ использования внутренних помещений.

Интерьер собственно храма невелик. Как и в Келарской, вместительность его увеличена за счет внутристенных камер, в которых хранились монастырские драгоценности. Отличительной особенностью храма является его повышенная ярусность. Наверху, связанное внутристенной лестницей, расположено еще одно сводчатое помещение, в котором находились два придела: один — в честь Иоанна Предтечи (по имени патрона Ивана Грозного) и другой — в память Дмитрия Солунского. Второй престол был освящен только в 1605 году и, возможно, являлся скорым откликом

*Вид на паперть
Успенской
1602* *церкви.*

руководства монастыря на воцарение на русский престол самозванного царевича Дмитрия (Лжедмитрия I).

Следует полагать, что некоторые индивидуальные особенности памятника, и прежде всего внушительность его размеров, сложились не без активного влияния заказчика — Филиппа Колычева. Косвенным свидетельством этому может служить утверждение приезжавшего на Соловки в начале XX столетия знатока русского Севера Бориса Шергина. По его словам, он видел и даже копировал архитектурные чертежи, подписанные автором — игуменом Филиппом. Многие зависело и от новгородских зодчих. Новгородская строительная традиция проявляется в технике кирпичной кладки с включением валуна, в толщине и асимметрии лопаток, многощипцовом завершении кровель, устройстве звонницы на запад-

ной кровле (сейчас утрачена). Но даже по сравнению с новгородскими памятниками соловецкий производит архаичное впечатление. Создавая редкие по величине интерьеры, идя, по существу, на эксперимент, зодчие в большей мере исходили из практической полезности сооружения, чем внешней представительности. И все же, желая того или нет, они придали ему величие и торжественность, свойственные архитектуре своего времени. Асимметрия фасадов, неровности поверхности кладки, мощные валунные цоколи не только не лишают его целостности, но придают дополнительную живописность, характерную для здания, сделанного «от руки».

Еще поднимались вверх леса строившейся Успенской церкви, а в воображении Филиппа уже вставал новый храм, еще более величественный, чем первый. «Нескудная» помощь со стороны богомольцев и особенно царя («положившего» на собор тысячу рублей) помогли игумену убедить засомневавшуюся было братию в необходимости возведения нового Спасо-Преображенского собора. Он был построен за восемь лет (1558—1566 гг.), став важнейшим сооружением ансамбля, символом политического и духовного авторитета монастыря.

Спасо-Преображенский собор, как и Успенская церковь, поставлен на верхней площадке монастырской территории, но отнесен в противоположный ее конец. Это позволило Филиппу выделить новое сооружение в складывающемся ансамбле, подчеркнуть его главенствующую роль. Возводя храм соборного типа, он стремился придать ему особую величественность. Это выражается и в общей высоте сооружения, в наклонности его стен, устремленности ввысь плоскостей фасадов. Особенно оригинально решено завершение храма с четырьмя стоящими по углам приделами, системой кокошников между ними и сильно смещенным к востоку центральным барабаном.

Многoprестольность — а в соборе помимо основного находятся еще шесть приделов — не только усложняла внешний облик храма, но и содержала в себе последовательную идеологическую программу, желание представить соловецкий собор как своеобразный пантеон избранных святых, призванных прославлять удаленный северный монастырь. Нижние приделы находятся в правой и левой частях трехдольного ал-

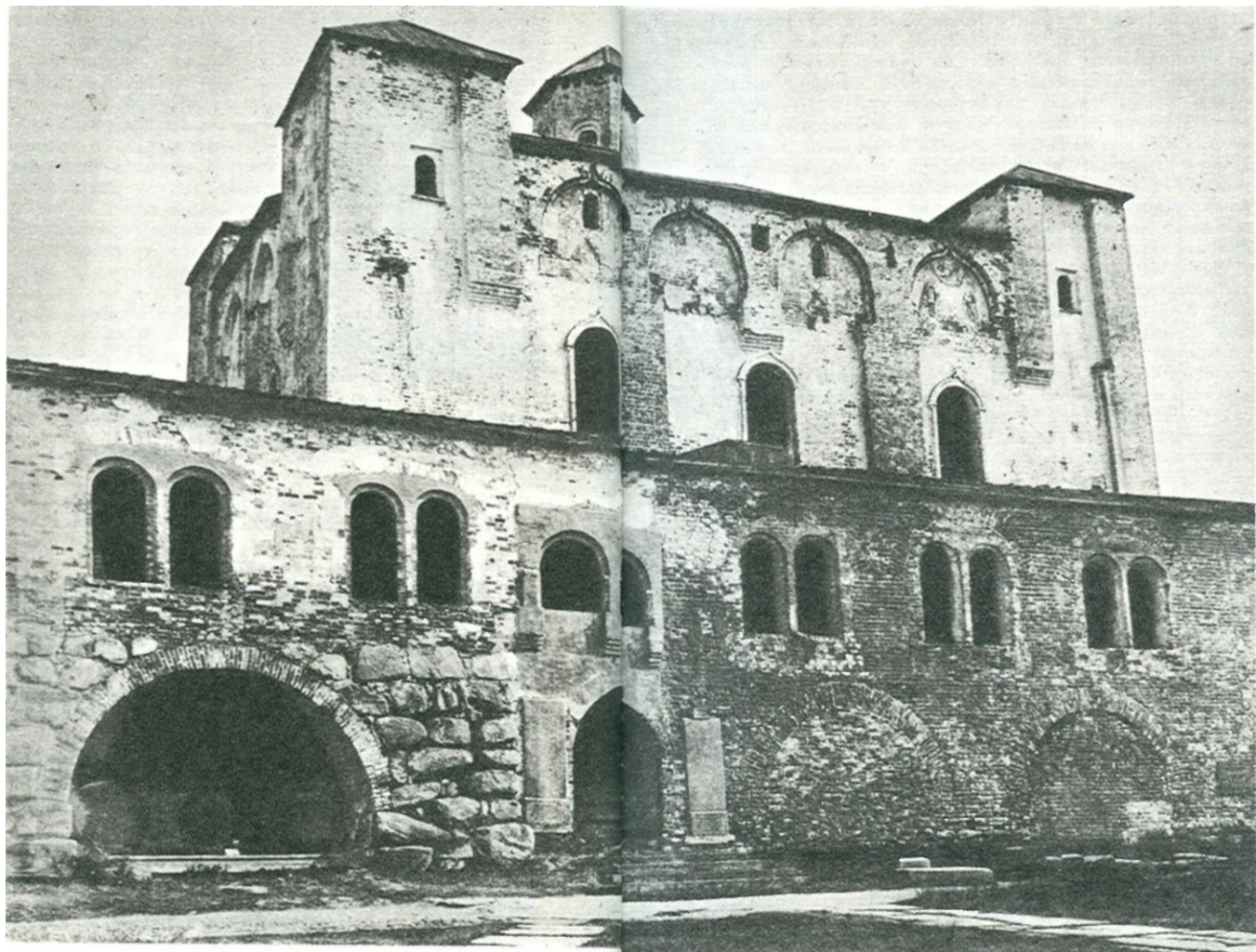

*Успенская церковь.
Общий вид с юга*

*Спасо-Преображенский собор. 1558—1566.
Вид до реставрации*

таря. Северный из них был посвящен высокочтимым «основателям» соловецким Зосиме и Савватию, в южном находился придел Архангела Михаила — популярного на Севере защитника церкви. Если нижние приделы имели как бы местное значение, то верхние отражали заслуги монастыря перед государством. Так, два из них названы в честь двенадцати и семидесяти апостолов, что ассоциировалось с деятельностью миссионеров монастыря в проповеди христианства. Два других — Иоанна Лествичника и Федора Стратилата — посвящены «небесным» покровителям царских сыновей — Иоанна и Федора.

Каждый придел — отдельный небольшой храм — выразительно завершается кокошниками, стройным барабаном и главой. Такое венчание выявляло самостоятельную роль каждого придела и одновременно составляло традиционное русское пятиглавие.

Центральный восьмигранный барабан заслуживает особого внимания. Его высокие наклонные грани воспринимаются зрителем как шатер, причем этот «шатер» сильно смещен в восточную сторону, отчего объем храма теряет характерное для архитектуры этого времени равновесие частей. Особенно это заметно при взгляде на собор с южной и северной стороны. В этом странном на первый взгляд совмещении шатровости с обычным соборным пятиглавием скрыта компромиссность и архитектурная загадочность памятника, которая волнует исследователей по настоящее время.

Интерьер собора также необычен. Его высокие своды опираются на два столба вместо обычных четырех. Это обусловило редкую поперечную ориентацию плана и одновременно приблизило к зрителю иконостас — основной центр восприятия культового здания. Роль иконостаса подчеркивается и самым светлым и высоким шатром-барабаном, который будто парит над восточной частью интерьера, создавая символический образ «неба». По контрасту с подкупольным пространством остальные части интерьера одинаковы по высоте и перекрыты крестовыми сводами. Их применение вместо привычных цилиндрических свидетельствует о знакомстве строителей с передовыми приемами русского зодчества. Большая толщина центральных столбов в значительной мере загромождала внутреннее пространство и вместе с тем (подобно столпу соловецкой Трапезной) придавала интерьеру повышенную масштабность.

Близость технических приемов и времени возведения обоих храмов указывают на то, что Спасо-Преображенский собор был построен теми же новгородскими зодчими Салкой и Столыпой. Однако индивидуальные особенности памятника, видимо, следует связывать с волей заказчика — игумена Филиппа. Он не жалел средств на его украшение. В одном из старинных житий Филиппа-митрополита читаем: «...и совершился храм велми чуден и превелик и освящена быть церковь Господа нашего Иисуса Христа Преображения в лето 1566 года августа 6 и в третий день освящена бысть церковь... преподобных отец наших Зосимы и Савватия и мощи их принесены быша в новую церковь, а прочие храмы освящены каждо во свое время и украшением укра-

шены сии божественные церкви иконами местными и деисусы и серебром обложены, и позлащены, и свечи местными и паникадилы медными, и книгами, и ризами, и сосуды серебряными, и кадилы велми украшены и ныне видимы очима. А добротисцы иконные были у него из великого Новгорода Гаврило Старой, да Илья, да Крас. От северной же страны у тое церкви всемирлостивого Спаса под храмом преподобных отец Зосимы и Савватия сам себе ископа могилу своими руками».

Лишь несколько дней оставалось Филиппу до освящения своего детища, но летом 1566 года авторитетный иерарх был призван Иваном IV на замещение места митрополита Московского — духовного руководителя Русского государства. Даже в Москве Филипп не оставлял монастырь своим вниманием. Сполна оценив жестокость происходившего в стране опричного террора, он, видимо, с грустью вспоминал свою соловецкую жизнь. Грамоты, написанные им в «пресвятую и великую обитель», полны отеческой заботы о братии: он предлагает ей самой избрать нового игумена («вы илюбите, и яз вас благославию и челом бую»), отсылает назад в монастырь деньги, взятые на дорогу в Москву, бранит братию за то, что прислали ему рыбу. Его попечением в монастырь отправляются иконы, серебряная посуда, утварь, деньги. «Да послал осми к вам братии 3 рубля милостыни на 200 братов по полуалтыну, да детям на 300 человек полтора рубля по деньге... Бога ради живите любовно», — заключает милосердный игумен в своем последнем послании в монастырь».

Попытка Филиппа обуздать разгул опричнины успехом не увенчалась. Первое время он с молчаливым осуждением взирал на дикие казни и бесчинства руководимых царем опричников, но затем проявил характер и стал публично выступать против царя: «У татар и язычников есть закон и правда, а в России нет правды; везде славится милосердие, а в России нет сострадания даже к невинным и правым. Сколько невинных людей страдает. Мы здесь приносим бескровную жертву, а за алтарем льется невинная кровь христианская. Грабежи и убийства совершаются именем царя». Спустя два года после приезда он уже стал жертвой царского произвола, был лишен сана и отправлен в ссылку в тверской Отроч монастырь.

*Общий вид
центрального
комплекса зданий*

Вскоре туда явился и палач — 23 декабря 1569 года Филипп был задушен в своей келье прибывшим по приказу царя Малютой Скуратовым. После смерти слуги Филиппа не были забыты, его останки в 1591 году были перенесены в Соловецкий монастырь, а в середине XVII века торжественно доставлены в московский Успенский собор — туда, где когда-то звучали его обличительные речи. Часть мощей святого все же оставалась в монастыре и хранилась в специальной раке в Преображенском соборе.

На протяжении XVII—XIX веков иконостас Преображенского собора украшался наиболее ценными произведениями живописи. Лишь немногие из этих памятников уцелели и хранятся в музеях Москвы, Ленинграда и Архангельска. В середине XIX столетия стены собора были расписаны малохудожественной живописью, сейчас почти полностью утраченной.

В течение столетий рядом со стенами собора в подклетах устраивались могилы крупнейших деятелей монастыря, игуменов, вкладчиков, воевод. В 1602 году на западной паперти собора была устроена каменная палата для хранения монастырской библиотеки, уже в то время насчитывавшей 481 рукописную и 38 печатных книг. Со временем менялся и внешний облик собора. Так, уже в начале XVIII столетия он лишился многоярусного закомарного завершения; в XIX столетии увеличены формы окон и глав. Среди приделов чаще всего перестраивался придел Зосимы и Савватия. По воле архангельского губернского архитектора Шахларева он в 1860 году превратился в громоздкий Троицкий Зосимо-Савватиевский собор. Лишенный сейчас большого центрального барабана, он выглядит заурядной и мало напоминающей культовое сооружение постройкой. От старого здания сохранились лишь подклеты, в скромных интерьерах которых покоился когда-то прах соловецких «преподобных» и самого создателя собора — игумена Филиппа.

С именем Филиппа летописные источники связывают два каменных сооружения хозяйственного назначения — Поварни и Сушило. С некоторыми изменениями они сохранились и представляют собой редкие образцы построек такого типа. Обе они расположены по сторонам от центрального комплекса зданий, в местах, удобных для повседневного пользования. Поварни (состоящие из Квасоваренной и Поваренной палат) устроены в северо-восточной части монастыря на берегу озера, из которого поступала пресная вода, и недалеко от Келарской и Трапезной палат. Первоначально одноэтажные, они состояли из двух связанных сениями палат. При внимательном рассмотрении на перестроенных сейчас фасадах можно заметить следы древних лопаток, прямоугольных оконных ниш, вертикальных щелей в подкровельной части, служивших, видимо, отверстиями для вентиляции. В интерьере, несмотря на многочисленные переделки, можно выделить два высоких сводчатых помещения. Для своего времени палаты являлись незаурядным сооружением, что отметили и древние жития — «поварни каменные с кельями вельми причудны».

Сушило расположено на противоположной от Поварен, юго-западной границе монастыря, недалеко от построенной Филиппом водяной мельницы. На первых

порах помимо хозяйственных целей оно играло важную оборонную роль, а в начале XVII столетия было укреплено валунным Пристенком. В первоначальном виде сооружение имело четкий и строгий силуэт. Его покоящиеся на валунном цоколе стены несколько наклонены внутрь и расчленены небольшими и редкими проемами окон, угловыми лопатками, дугами декоративных арок. Завершалось здание высокой двускатной кровлей. В нижней части Сушила размещались печи и складские помещения, вверху — два яруса одностолпных палат. С помощью внутрстенных каналов в небольших сводчатых помещениях проходила быстрая просушка зерна.

Ни один русский монастырь не знал такого размаха строительных работ, как Соловецкая обитель. Объяснение этому следует искать в благополучной исторической обстановке, сопровождавшей первые реформы Ивана IV. Спокойствие северных границ, богатство края, независимость во внутренней жизни обеспечивали монастырю рост доходов. Значительная финансовая помощь прибывала от правительственных кругов, крупного боярства и простого народа. Решающую роль в возвышении монастыря оказал Филипп. Не лишенный тщеславных побуждений, он сумел сконцентрировать скромные на первых порах ресурсы во имя прославления монастыря. Удачно использовал Филипп и культ местных «отцов» Зосимы и Савватия соловецких, не без его усилий причисленных в 1547 году к лику святых. Во многом благодаря их славе на остров стали прибывать многочисленные паломники, часто поступали богатые вклады. Путешествия по древнерусским монастырям, встречи с передовыми людьми своего времени, посещения Москвы и Новгорода способствовали расширению кругозора игумена Филиппа. Поэтому в возводимых им зданиях черты новгородской строительной школы сочетались с последними достижениями московских зодчих. Обращает на себя внимание то, что в период строительства Спасо-Преображенского собора на Красной площади в Москве возводился многопрестольный шатровый собор Pokрова на Рву (Василия Блаженного); пятиглавие и высокие крестовые своды, видимо, были вдохновлены Успенским собором Московского Кремля. Тесные культурные связи с Новгородом и Москвой позволили украсить храмы замечательными произведениями жи-

вописи и декоративно-прикладного искусства. Мощная культурная традиция, зародившаяся в это время, оказала плодотворное влияние на дальнейшее развитие монастырского ансамбля, являясь отправной точкой для последующих поколений мастеров.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЗДАНИЙ. В 1577 году центральный комплекс сооружений дополняется новой каменной Никольской церковью. Судя по немногим описаниям и старым изображениям, церковь представляла собой небольшую двустолпную постройку с папертью в западной части и одной главой в завершении центрального объема. Обычным для соловецкого зодчества здесь были: устройство хозяйственных подклетов в нижней части здания, техника кирпичной кладки с включением валуна, щипцовое завершение фасадов. Оригинальной особенностью храма было устройство в толще западной стены звонницы с висевшими в арочных проемах колоколами. Простояла первая каменная Никольская церковь недолго. В 1830 году, не имевшая, на взгляд монастырских властей, «никакой правильности» и покрытая глубокими трещинами, она была разобрана.

Новый Никольский храм был отстроен за четыре года на старых фундаментах, но в значительно больших размерах. Как и предыдущая церковь, он имеет хозяйственные подклеты. Выше них располагается продолговатая ризница, и над ней — завершающийся широко расставленным пятиглавием высокий четверик. Построенный, как отмечали современники, «в новом вкусе» храм представляет собой запоздалое сочетание барочных, классических и даже древнерусских черт. Как важную особенность нового сооружения отметим смелость его инженерного решения — высокий объем храма установлен над частью вытянутого с запада на восток помещения ризницы, причем западная стена покоится лишь на подпружной арке. Для храма и ризницы характерны большие, не разгороженные столбами и хорошо освещенные интерьеры. Несомненно, велика роль сооружения в панораме монастыря. Обогащая его силуэт, она вместе с колокольней подчеркивает центральную ось всего ансамбля, демонстрируя определенную преемственность в соловецком зодчестве разных эпох.

*Никольская церковь.
1830—1834*

Колокольня. 1777

Уже на первых изображениях монастыря XVI столетия мы обнаруживаем стоящую между Успенской и Никольской церквами деревянную звонницу. В начале следующего столетия на ее месте была возведена новая, каменная, на семи столбах, с выразительным трехшатровым завершением. Ныне существующая монументальная трехъярусная колокольня построена в 1776—1777 годах на оставшемся от предыдущей колокольни валунном основании. Черты архитектуры нового времени наиболее четко проявились в декоративном оформлении фасадов, сложившемся не без влияния западноевропейского барокко. Стены между ярусами имеют широкие многопрофильные карнизы, расчленены неглубокими филенками, украшены плоскими рустованными пилястрами. На высокой восьмигранной кровле по сторонам света помещены окна-люкарны, сложный силуэт имеет барабан, завершаю-

щийся поднявшимся на пятидесятиметровую высоту шпилем.

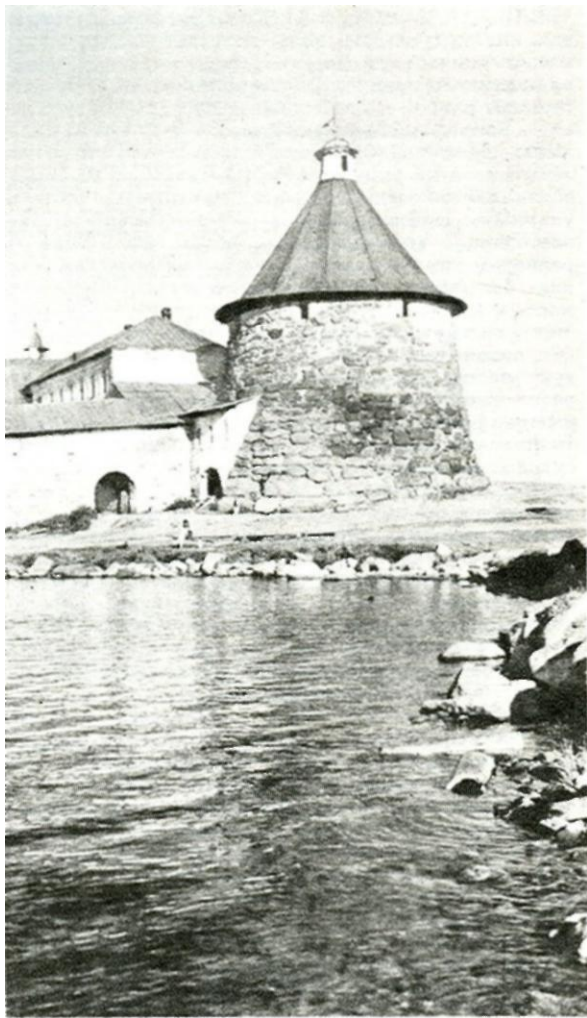
В третьем ярусе колокольни особенно любопытен прием применения столбов-аркбутанов для передачи части тяжести купола на стены нижнего яруса. За счет выступов столбов появилась ограниченная парпетом обходная галерея. В целом, несмотря на некоторую тяжеловесность, сухость и статичность рисунка, соловецкая колокольня не испортила ансамбля. Благодаря значительным размерам она удачно вписалась в комплекс окружающих ее монументальных зданий, приобрела в панораме монастыря значение ведущей вертикальной оси.

Сложившийся на протяжении столетий центральный комплекс монастырских зданий является важнейшим в ансамбле: отсюда началось его формирование и здесь сосредоточены наиболее ценные культовые сооружения. Все вместе они составляют композиционное целое, связанное редким единством идейного и объемно-планового решения. В немалой степени способствовало этому еще одно, характерное только для Соловков, сооружение — построенные в 1602 году каменные переходы. Вызванные к жизни особенностями местного климата, они соединили Преображенский собор с Успенской церковью и со всеми расположенными между ними сооружениями. Архитектурная организация большого пространства между крупными зданиями требовала от зодчих монументальных средств выражения. Для успешного решения этой задачи в качестве основного строительного материала был привлечен уже традиционный на Соловках крупный валун.

Только верхняя часть постройки — собственно галерея — выполнена из кирпича. Весомость валунной кладки в сочетании с более облегченным верхом придает переходам особую значительность и размеренный ритм. Они не только связали в единое целое крупнейшие сооружения монастыря, но и масштабно и пластически оказались созвучными крепостной ограде, обеспечив редкое единство архитектурно-пространственного решения всего ансамбля. Автором этого замечательного сооружения, как и участником строительства самой крепости, был соловецкий монах Трифон, с деятельностью которого нам предстоит познакомиться.

«ВЕЛИКАЯ ЦАРСКАЯ КРЕПОСТЬ». Ярко выраженные индивидуальные черты присущи многим сооружениям монастыря, но даже среди них своей незаурядностью выделяется Соловецкий кремль. Самое интересное в нем — необычный строительный материал — природный гранитный валун, из которого выложены его стены. Обтесанный и сглаженный многолетней работой ледника и морской воды, он не только обладал великолепными конструктивными и противударными свойствами, но и сообщал памятнику неповторимый художественный облик. Различные по размерам, конфигурации и цветовым оттенкам «дикие» булыжники придают архитектуре особую весомость и вместе с тем редкую живописность. Силуэты стен и башен тесно связаны с окружающим ландшафтом, лишены геометрической сухости, выявляют упругую пластику присущих природе форм. Особенно выразительны башни: близкие по очертаниям, они производят различное впечатление в зависимости от места их расположения и характера кладки. У одних рисунок подчеркнута асимметричен, у других более строг и геометричен, одни башни отличаются стройностью, другие выглядят приземистей и шире. Живописные качества крепости обогащает покрывающий булыжники налипной лишайник. В зависимости от освещенности и влажности атмосферы он приобретает различные оттенки — от зеленоватых тонов во влажную погоду до ярко-оранжевого в сухую. Бархатистый растительный слой смягчает холодноватую структуру камня, придает сооружению неповторимую связь с живым миром природы.

Применение валуна нельзя считать редким в истории русского оборонного зодчества. К нему обращались еще в XI столетии в Киеве, часто встречается он в новгородско-псковском строительстве XIV—XVI веков. Однако, в отличие от других крепостей, включавших булыжник в качестве компонента, Соловецкая выполнена из него почти полностью. Больше того: к этому времени применение валуна можно уже считать традиционным для Соловков. Целая культура камня существовала здесь во времена неолита, важным строительным материалом он был в сооружениях, возводимых Филиппом Колычевым. Полностью из валуна, например, выложена гавань на Заяцком острове. Его применение избавило строителей от изготовления

*Вид
на Никольскую башню
со стороны Святого
озера. 1582—1594*

*Вид на восточную
сторону крепостных
стен. Конец XVI —
начало XVII в.*

большого количества дорогостоящего кирпича, обеспечило сооружению долгую сохранность. Залежи валуна на Соловках повсеместны и практически неограниченны. Достаточно удобной представлялась доставка его к месту строительства по воде.

И все же кремль не представлял собой чисто валунную выкладку. Неровности естественного валуна скрадывались добавлением между его рядами целого или битого кирпича и известкового раствора. Но даже одинаковые по технике кладки отдельные участки стен отличались характером сочетания камня. В башнях наиболее массивный булыжник уложен в нижних частях, в то время как в верхних он постепенно уменьшается в размерах. На фоне неровной поверхности стен почти незаметны прямоугольные отверстия бойниц. Лишь в верхней части стен в связи с необходимостью частой и симметричной установки бойниц при-

менен кирпич, но и здесь он чередуется с мощными валунными вставками.

Каменная ограда монастыря появилась не сразу. До нее существовала скромная деревянная, лишь символически отделявшая обитель от наполненного заботами мира крестьян, купцов и ремесленников, приезжавших на острова и останавливавшихся за пределами монастыря. Согласно Описи 1570 года, в ограде существовало только двое ворот: Святые, со стороны гавани, и Архангельские, выходящие на «озерную» сторону¹. Старую ограду в 1578 году сменила деревянная крепость, но и она просуществовала недолго. Уже в 1582 году старый летописец сообщает: «Того же году на Соловки приехал игумен Иаков с Москвы от государю и начат делати на Соловках город каменной». Почти четырнадцать лет немалыми усилиями монахов и множества работников продолжался его строительство. Только в 1596 году последний раз были «наняты наймиты к городовому делу каменному» и крепость вошла в строй действующих.

Как и многие оборонные сооружения своего времени, она отвечала последним достижениям фортификационного искусства. Ее стены были рассчитаны на круговую оборону, имели прямую трассировку и два яруса боя. Сильно выдвинутые вперед башни позволяли успешно вести как фронтальный, так и фланговый огонь.

При разработке плана учитывались особенности ландшафта для усиления обороноспособности крепости. Из-за узкого участка между бухтой и Святым озером крепость получила форму сильно вытянутого с севера на юг пятиугольника. Восточные и западные крепостные стены, огражденные водой, не нуждались в усиленной обороне и потому не отличались ни высотой (шесть-семь метров), ни отнесенностью, ни частотой башен. Напротив, открытые в поле северная и южная стены при толщине до шести метров достигают одиннадцатиметровой высоты и снабжены близко стоящими друг к другу башнями. Особой величественностью отличаются северные — Никольская и Корожная — башни. Они расположены на значительном возвышении и торжествуют над окружающим пространством. Южная сторона крепости расположена ниже и имеет в плане форму треугольника с тремя башнями по углам. Одна из них — Белая — сильно выдвинута

вперед и вместе с Сушилом составляет острие обороны. Две другие отстоят к востоку (Архангельская) и западу (Прядильная). На высоких шатрах некоторых из башен для наблюдения за приближающимися противником устроены смотровые вышки.

Оригинальной особенностью Соловецкой крепости было включение в ее состав некоторых существующих на территории монастыря каменных хозяйственных построек. Как мы знаем, роль крепостной башни выполняло Сушило. Первоначально для обороны использовались выходящие к озеру фасады Поваренной и Квасоваренной палат. Лишь в 1614—1621 годах в связи с опасностью нападения этот участок обороны получает дополнительное укрепление. Перед палатами строится выступающий вперед и образующий внутренний дворик Пристенок с двумя небольшими башнями. Пристенок несколько нарушил четкую структуру первоначальной крепости, но сделал ее оборону более надежной.

В начале XVII столетия дополнительно укрепляются, казалось бы неприступные, северная и южная стороны крепости, где в нескольких метрах от стен устраиваются уникальные для оборонно-строительной практики того времени широкие, обложенные массивным валуном рвы. С северной стороны их верх (вал) был усилен «обвостроенным тыном» — стоящими вплотную друг к другу заостренными бревнами. Через южный ров из Святого озера в море была пропущена вода. В настоящее время сохранились лишь остатки северного рва.

Сейчас мы попадаем в монастырь через большие ворота у Никольской башни. Они были прорублены только в начале XIX века из старой бойницы. Древние проездные ворота — а их было шесть — невелики по размерам и выходят на защищенные морем и озером стороны. В вершинах их сводов (за исключением башен Пристенка) устроены специальные отверстия для поражения прорвавшегося сквозь наружные створы противника. Парадные, Святые ворота оборудованы опускной решеткой — герсой. Меньшего размера проходные ворота находились в Никольской, Корожной и Белой башнях. Их защита обеспечивалась расположением вблизи прясел стен и наличием специальных выступов валунной кладки. С появлением Пристенка в крепости прибавилось еще двое ворот.

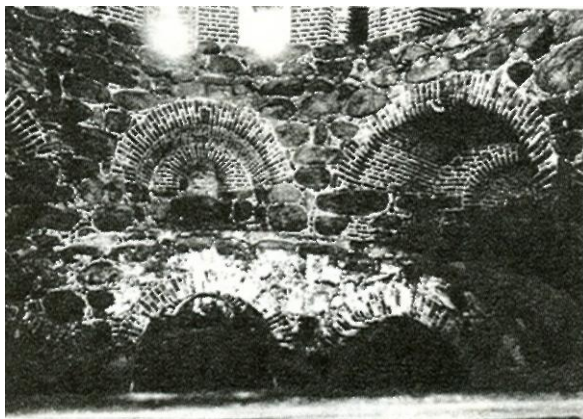
*Участок стен
между Никольской
и Корожной башнями
и валунный ров.
Конец XVI —
начало XVII в.*

*Архангельская башня.
Конец XVI в.*

Внушительно выглядит кремль изнутри. Здесь массив валуна через определенные интервалы прерывается глубокими боевыми камерами. Более облегченно решена верхняя часть стен, где площадка боевого хода ограничена кирпичным парапетом с поддерживающими кровлю прямоугольными столбами. Все это вносит в композицию фасадов структурную ясность и четкость ритма. Выразительны интерьеры башен. Многие из них лишены сейчас межэтажных деревянных перекрытий и открывают перед зрителем широкое пространство, ограниченное несимметрично расположенными ярусами бойниц.

Входы на обходную галерею устроены обычно недалеко от башен. Рядом с ними в толще стен располагаются небольшие камеры для хранения боеприпасов. Сама галерея — широкая и светлая — позволяла быстро передвигаться и вести огонь из многочислен-

*Интерьер
крепостной башни*

ных амбразур верхнего боя. Здесь обращает на себя внимание различие форм бойниц на отдельных участках крепости. Некоторая разница есть и в характере булыжной кладки на отдельных пряслах, что указывает на разновременность и определенную очередность при возведении крепости. Уместно предположить, что ежегодно в летние месяцы ставили по одной башне или пристенку по мере разборки деревянного острога. Заранее заготовленный массивный булыжник поднимался наверх с помощью блоков, известных со времен Филиппа. Одновременно на строительстве работало от ста пятидесяти до двухсот пятидесяти человек — «поморцев, онежан и иных многих волосей людей»¹. Согласно свидетельству монастырских письменных источников, автором сооружения был уроженец села Неноксы местный монах Трифон².

Казалось бы, нет оснований не доверять монастыр-

ским документам, и все же мы вправе усомниться в способности коренного помора и монаха создать столь совершенное сооружение. Внимательное изучение архивных источников в последнее время позволило лучше узнать личность мастера и уточнить степень его участия в строительстве крепости и других сооружений монастыря³. Удалось установить, что Трифон (мирское имя Терентий) принадлежал к роду богатых двинских солепромышленников Кологривовых, которые в 1570—1590-е годы жили в поморском селе Неноксы и нередко участвовали в сделках с Соловецким монастырем по продаже соли и передаче ему во владение соляных варниц. Известно также, что он является постриженником расположенного неподалеку от Неноксы Николо-Карельского монастыря и покинул его, когда строительство крепости уже началось. Следует полагать, что, как бы ни был талантлив и самобытен бывший солепромышленник и монах Трифон, он не мог сразу приступить к строительству кремля, а должен был пройти школу профессионального мастера у опытного мастера — «горо до дельца».

Таким мастером, скорее всего, был вологодский зодчий Иван Михайлов. Во вкладной монастырской книге есть запись, где сказано, что «с Вологды Иван Михайлов сын каменщик делал город каменный два года лета 7090 до 91 [1582 по 1583] за 20 рублей, вкладом по десяти рублей на год»⁴. Отсюда можно сделать вывод, что вологодский мастер работал в монастыре с начала возведения крепости и денег не брал, а оценил свой труд в довольно значительную для того времени сумму. В дальнейшем имя Ивана Михайлова с важной для нас припиской «городовой мастер» встречается в монастырских документах за 1585 и 1590 годы. Звание «городовой мастер» несомненно свидетельствует о его высоком профессиональном статусе, который имели в Древней Руси лишь немногие талантливые зодчие — авторы крупных крепостных сооружений. Небезынтересно напомнить, что в 1571 году в Вологде по воле Ивана IV прервалось строительство крупного каменного города, где имелись башни, выложенные из крупного булыжника. Возможно, именно там Иван Михайлов и был «городовым мастером», а спустя десять лет был приглашен на Соловки. Трифона в таком случае логичнее рассматривать как делового представителя монастыря

при производстве строительных работ. Сотрудничество с Иваном Михайловым позволило ему вникнуть в специфические особенности крепостного дела, а позже и самому возглавить возведение крепости и стать признанным соловецким зодчим. Замалчивание монастырских источников о роли вологодского мастера следует объяснить его эпизодическими наездами в монастырь, а также патриотическими чувствами монахов, гордившихся деятельным участием их представителя в возведении грандиозной северной цитадели.

Возведенная крепость приобрела общерусское значение. Уже в Описи 1597 года говорится о шестидесяти восьми пушках, часть которых была «монастырского кования», и большом количестве ручного оружия²¹. Неприятель, видимо, знал мощь Соловецкого кремля и приближаться к нему опасался. В 1611 году шведский отряд продвигался по Белому морю, высадился на Кузовских островах, всего в тридцати километрах от Соловков, но повернул обратно. Спустя два года монастырский отряд вытеснил с Карельского берега «литовских людей» и тушинцев. В 1623 году крепость ограждает Поморье от нападения со стороны датской морской экспедиции. Царские грамоты неоднократно напоминали монастырским властям о необходимости твердо отстаивать вверенные ему северные территории. В середине XVII века вооруженные крепости возрастают до восьмидесяти — девяноста стволов и, по оснащенности она становится одной из передовых²². Отдавая дань ее силе, древняя хроника замечает: «Круг монастыря устроен город зело крепок из дикого камня, пятеры ворота проезжая, меж ими башни пространныя и высокия. Наряду пушечного всяких пушек и пороховой казны много и свинцу прееизобильно»²³. Тогда же русский патриарх Никон назвал Соловецкий монастырь третьим по значению после Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского и «великой царской крепостию». О величии и неприступности монастырских стен слагались легенды. Путешествовавший по Руси иностранец Павел Алеппский, наслышавшись о кремле, сообщает: «Говорят, что его стены громадны, неприступны, из больших диких камней; рассказывают, что эти святые [Зосима и Савватий] заставили работать дьяволов над сооружением монастырских стен. По той причине они изумительны

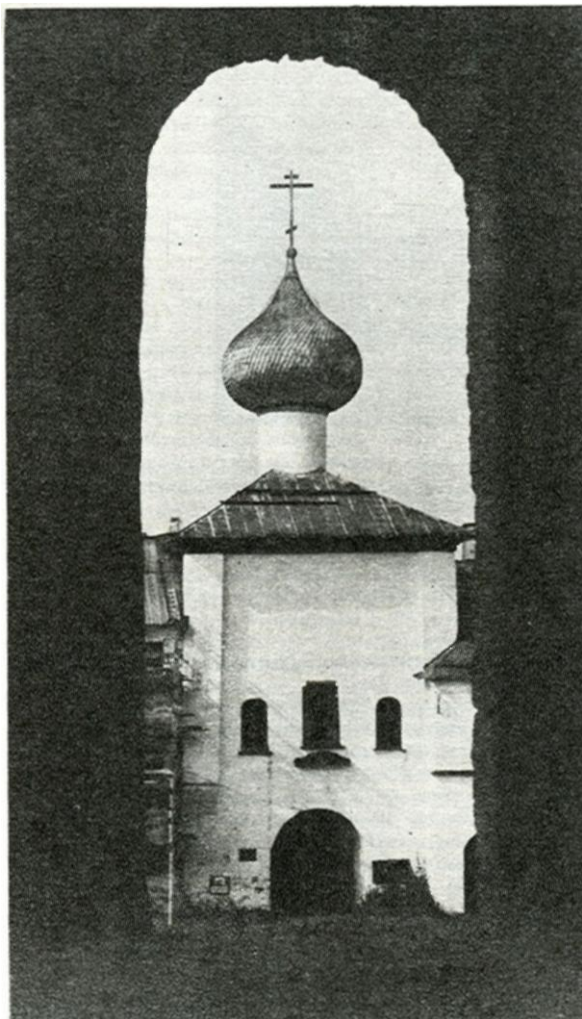
*Внутренний вид
дворика Пристенка.
XVII в.*

*Благовещенская
церковь. 1601*

по своей необыкновенной прочности и люди описывают их с удивлением»²⁴.

Такой предстала Соловецкая крепость пред царским войском в период Соловецкого бунта. Особый натиск испытали стены в последние месяцы обороны, когда на них днем и ночью обручивались каменные ядра «пудов по шти и по семи»²⁵. Но соловецкие камни не поддавались. Не помогли осаждавшим прорытые между морем и озером окопы, возведенные высокие городки, позволившие вести прицельный огонь по монастырю.

В свою очередь восставшие смело оттесняли противника, надстраивали слабые участки, устанавливали специальные щиты и рогатины, обстреливали наступающих с городских кровель. Чтобы лишить противника подступа к нижнему бою, в землю были вбиты специальные сваи, к которым крепились доски с

торчащими из них большими гвоздями²⁶. Перебежчики из монастыря сообщали, что сам бывший духовник царя, архимандрит' Саввино-Сторожевского монастыря Никанор «по башням ходит беспрепятственно и пушки кадит и водою крапит и им говорит: матушки мои голаночки [пушки, отлитые в Голландии] надежда у нас на вас, вы нас обороните».

Кратковременный, но не менее ожесточенный натиск выдержала разоруженная Соловецкая крепость в середине XIX столетия, отразив прямые попадания тяжелых и взрывоопасных английских ядер. В XVIII столетии, когда пушки молчали, в некоторых башнях и бойницах были устроены казематы для содержания узников.

Сейчас время стерло следы прошлых баталий, и все же, глядя на мощные, исполненные стихийной силы глыбы валуна, нетрудно представить себе и титанический труд по их возведению, и жестокое напряжение военных схваток, и своеобразное жизнеустойство поселенцев, вроде бы отгородившихся от мира и в то же время так ярко о себе заявивших. Кремль хочется обойти неоднократно — почти все время видишь перед собой изменчивую и одновременно мало изменившуюся под воздействием времени древность.

Утилитарные особенности сооружения на редкость слиты с его художественным обликом. Вечным и в то же время живым кажется пейзаж — уходящие от стен крепости морские дали, тревожная рябь Святого озера, обступающие небольшой поселок леса.

Крепость не была последним каменным сооружением XVI столетия. Сразу по окончании ее строительства в 1596—1601 годах возводится надвратная Благовещенская церковь. «Ставил» ее над Святыми воротами кремля тот же старец Трифон. Первоначально скромная по объему, одноглавая, с убывающей пирамидой шипцов на кровле, она в середине XIX века была расширена в западную сторону. Значительно увеличенный интерьер потерял при этом присущую ему ранее соразмерность, непритязательный и уютный вид. Далекий сейчас от первоначального и внешнего облика церкви: видоизменены окна, простая четырехскатная кровля заменила выразительное многощипцовое покрытие, снизили зрелищность архитектуры с севера и юга надстроенные келейные корпу-

са. И все же в скромном стройном облике храма с крупным валуном в нижней части и спокойной гладью фасадов угадываются черты, близкие к другим сооружениям XVI столетия, свидетельствующие об определенной преемственности и таланте строившего его мастера. Над украшением первого иконостаса работали иконописцы из Каргополя, однако позднее он был переделан и в него вставлены царские врата, вырезанные в 1633 году резчиком из Троице-Сергиевой лавры Львом Ивановым. В 1882 году иконостас был переделан вновь «с сохранением прежнего рисунка» в новой технике тиснения по левкасу. Сейчас делается попытка сохранить декоративное убранство XIX столетия, ведутся работы по очистке и укреплению живописи; в будущем намечено провести архитектурную реставрацию церкви.

В 1602 году за заслуги перед монастырем, строительство каменного города (крепости), надвратной церкви, переходов, а также большие денежные вклады в монастырскую казну Трифон был записан в монастырские книги для вечного поминовения «докуда сия обитель стоит»⁷⁰. Это было, несомненно, высокой оценкой вклада мастера в монастырское строительство. К творчеству Трифона, возможно, следует отнести и сооруженную в 1602 году рядом с переходами у Никольской церкви двухъярусную Ризничную палатку (впоследствии почти полностью перестроенную), древнюю каменную колокольню и некоторые другие сооружения начала XVII века. Косвенное основание для такого предположения дают записи в монастырских актах. В это время имя мастера неоднократно встречается в списке соборных старцев, то есть руководящей верхушки монастыря, не раз он проходит в приходно-расходных книгах как участник различных хозяйственных сделок. Наиболее интересна для нас запись от 1611 года, где «старец Трифон каменщик» упомянут в качестве жильца в монастырской каменной келье. В последний раз имя Трифона «раба божьего» (этой уважительной прижитной приписки удостоен он один) встречается во вкладных документах 1620 года⁷¹ в это время престарелый монах был уже глухим⁷². Но независимо от того, участвовал ли он в возведении нескольких последних сооружений, его роль в развитии словесного зодчества необычайно велика.

АНСАМБЛЬ МОНАСТЫРЯ XVII ВЕКА. Пафос создания, столь отчетливо проявившийся во второй половине XVI века, с началом нового столетия не ослабевает. Монастырь сравнительно безболезненно переносит Смутное время, характерное для Руси почти полным прекращением строительных работ. И напротив, приближение литовских отрядов активизирует каменное жилое строительство, так как для «мирских людей келий каменных нет, а деревянных келий за теснотою поставить в монастыре нельзя». И все же начало его следует отнести к XVI веку. Натурные исследования, выполненные реставратором В. В. Сошным в первом этаже Настоятельского корпуса (расположенного справа от Благовещенской церкви), обнаружили фрагменты кладки келий, построенных одновременно с церковью. По существу, это один из самых ранних случаев возведения каменных жилых келий в русских монастырях. К 40-м годам XVII столетия почти все кельи были уже каменными и, как и деревянные, стояли по периметру большого прямоугольного двора. Из-за перепада рельефа отдельные группы построек располагались уступами относительно друг друга, создавая свободный от монотонности ритм плоскостей. Многие из обращенных в сторону крепости стен имели выложенные из крупного булыжника высокие подпорные стенки.

Внешний вид большинства келий отличался скромностью. Размеренный ритм лишенных наличников окон, лопаток, дверей дополнялся линией карниза с несложным уступчатым орнаментом — так называемого «городка». За толстыми, покоящимися на солидных валунных цоколях стенами находилось небольшое сводчатое помещение, в котором, как правило, проживало четыре человека. В углу стояла отапливаемая из сеней печь, за продолговатыми передними сенями располагались небольшие пристройки, использовавшиеся под чуланы и дровяники. В окна были вставлены слюдяные оконницы и ставни. Всего в монастыре того времени насчитывалось пятьдесят шесть келий.

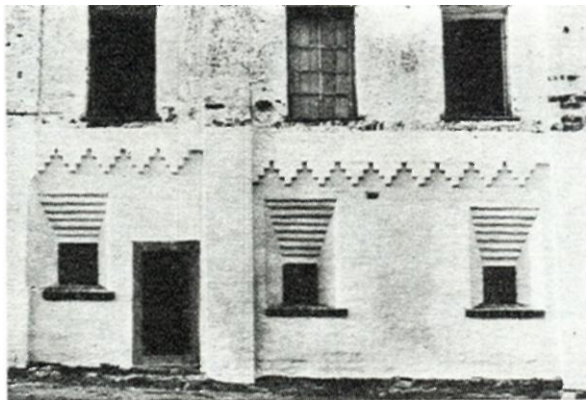
К концу столетия жилые корпуса постепенно надстраиваются. Опись 1705 года называет тридцать шесть келий «каменных властелинских и братских да пустых; да те кельи о двух житяхъ со своды покрыты тесом под одну кровлю, наподобие городской

*Наместнический,
корпус. XVII—XIX вв.*

стен»²⁹. Часть из них имели богато украшенные карнизы и фронтоны. В целом в ансамбле монастыря здания жилой архитектуры отличались соразмерностью человеку, живописной повторяемостью композиций и элементов декора. Однако к концу XVIII столетия самобытные формы древней архитектуры уступили место крайне обедненным унылым фасадным схемам классицизма, а во второй половине XIX века в результате новых переделок почти окончательно утратили прежний вид. Фрагментарная реставрация последних лет возвращает им первоначальные черты.

Северный и южный ряды келий издавна отделяли центральное ядро монастырских зданий от двух небольших хозяйственных дворишков с расположенными в них зданиями производственного и складского назначения. Постепенно и эти скромные, но необходимые в быту деревянные здания заменяются на более

*Святительский корпус.
Келья. XVII в.
Фрагмент*

долговечные — каменные. Одним из наиболее ранних и интересных хозяйственных сооружений — а именно ими прославилось соловецкое зодчество в XVII столетии — является расположенная на южном дворе мукомольная мельница. Возведение ее предположительно можно отнести к 1601 году, после того как сгорела построенная еще Филиппом деревянная. Новое, каменное двухъярусное здание первоначально состояло из двух корпусов, соединенных между собой одноярусной галереей. В одном из них располагались два механизма для размола зерна, в другом — один с толчеей для дробления крупы. Редким гидротехническим сооружением, обеспечивавшим приведение в действие механизмов, был выложенный из булыжника подземный канал, протянувшийся более чем на сто метров из Святого озера в морскую бухту. Из-за постоянных механических нагрузок мель-

*Галерея мельницы.
XVII в.*

нища и канал неоднократно чинились. В здании перекладывались своды, полы, под стены подводились новые фундаменты и арки, часто переделывалось русло канала. Во время одного из ремонтов был уничтожен юго-восточный корпус.

Сохранившаяся часть старого здания свидетельствует о существенной роли декорации в монастырской архитектуре XVII столетия и высоком исполнительском мастерстве соловецких строителей. Мельница представляет собой прямоугольный объем, к юго-восточной стороне которого пристроена двухъярусная галерея, примыкающая под углом к Сушилу. Эта часть является наиболее зрелищной. В ней конструктивная полновесность архитектурной формы органично сочетается с богатой декоративной насыщенностью. Если нижняя арка решена просто и имеет подсказанные рельефом местности нерегулярные очертания,

то ритм верхней полон гармонии и мерного чередования одинаковых опор. Неповторимую нарядность второму ярусу галереи придают полукруглые профили архивольтов, двойные валики столбов, украшенные круглыми впадинками постаменты. Более скромный, но достаточно разнообразный набор фигурной кладки присущ и другим фасадам мельницы. Их карнизы состоят из широкого пояса кирпичных выкладок, ведущую роль в которых играет сочетание «городка» и балясника — характерных декоративных мотивов соловецких памятников XVIII столетия.

Традиционность и устойчивость многих архитектурных приемов и декоративных форм в архитектуре этого времени связаны с удаленностью островов от передовых художественных центров, а также с наличием значительного количества соловецких каменщиков-профессионалов, перенимавших опыт друг у друга. В письменных источниках монастыря этого времени мы находим до трех десятков имен каменщиков-профессионалов. Помимо строительных работ они неоднократно по различным поручениям выезжали в Новгород, Каргополь, Москву. Некоторые из них были связаны с этими городами своим происхождением. Как правило, это были мирские мастера, в течение долгого времени работавшие на монастырь, а затем, обычно к старости, в него постригавшиеся. Зимой, когда строительные работы прекращались, многие из мирян разъезжались по домам или по различным монастырским поручениям. Характерно, что именно в связи с хозяйственными сделками и при расплате за разъезды имена каменщиков встречаются в денежных книгах монастырского казначейства. Это указывает на то, что за свой непосредственный профессиональный труд они денег не получали, а работали за питание, одежду и возможность иметь обеспеченную старость при зачислении в число братии. Мастера-каменщики, несомненно, исполняли наиболее ответственную часть работы, а некоторые из них, видимо, были и авторами создаваемых сооружений. Значительно более многочисленная группа рядовых «наймитов» по-прежнему набиралась из поморских крестьян на короткие летние месяцы за скромное денежное вознаграждение.

Черты традиционности особенно заметны в введенной на рубеже столетия Рухлядной палате. Она

*Рухлядная палата.
Начало XVII в.*

расположена в восточной части северного порядка келий. Помещение самой палаты занимало второй этаж, его своды опирались на один столп. Внизу также располагалась одностолпная палата — рыбный амбар. Тесно связанное с плоскостью стен декоративное убранство палат производит впечатление простоты и сдержанности, свойственной зодчеству предыдущих эпох.

В 1615 году в западной части северного двора была построена одностолпная двухъярусная Иконописная палата. Здание в течение столетий неоднократно перестраивалось, и в настоящее время в нем трудно узнать сооружение XVII века. Фрагментарные раскрытия на южном фасаде показали, что в нижней, жилой части палат проемы окон имели простую, аналогичную келейной застройке форму. Зато верхний ярус трактовался легче и разнообразнее.

*Иконописная палата.
1615. Фрагмент
южного фасада*

Имел большое количество сводчатых оконных ниш, украшенных валиком и фризом из балюсника.

С наибольшей наглядностью особенности соловецкого палатного зодчества проявляются в построенной в 1642 году и отреставрированной в настоящее время Портной палате. Она поставлена недалеко от Иконописной палаты и в целом повторяет ее первоначальный силуэт. Двухъярусное здание покоится на массивном валунном цоколе и завершается двумя высокими фронтонами. Его фасады решены неоднородно. Если западная и восточная стены имеют сравнительно четкую ритмическую организацию, то членения южного фасада менее регулярны. Живописная неоднородность фасадов продиктована утилитарными особенностями здания, а также методом работы средневекового мастера, при котором выразительность сооружения рождается в самом процессе строитель-

Портная палата. 1642

ства. Традиционные для Соловков элементы декоративного убранства — «городок», вал, балясник — усиливают праздничное звучание архитектуры, придают ей неподражаемую пластическую свободу.

Некоторые соловецкие палаты привлекают величиной внутреннего пространства. Особенно характерно это для Портной палаты, где во втором этаже высокие своды опираются на центральный восьмигранный столп. Интерьер воздействует на зрителя большими размерами, обилием света, четким и в то же время лишенным геометрической сухости ритмом окон и распалубок. В просторном помещении этого зала находилась «портная швальня» — мастерская для шитья риз и прочих одежд для братии и приезжих работников. Напротив, нижнее помещение палаты, где жили караульные Никольских ворот, раздвоено стеной и выглядит гораздо скромнее.

Значительное количество возведенных в XVII столетии монументальных сооружений (многие из которых не дошли до нашего времени и потому опущены нами) указывает на активное развитие ансамбля монастыря. Не тронутый позднейшими перестройками, он будто воплощал идеальный образ русской обители, где сопоставление различных по назначению и силуэту сооружений было объединено общим нарастанием архитектурных масс к центру. Соседство больших объемно-пространственных построек с невысокими домами, небольшими уютными двориками и узкими переходами придавало его облику живописную многоплановость. Именно таким мы видим Соловецкий монастырь на многочисленных иконописных и графических изображениях XVII—XVIII веков.

Жизнь монастыря вплоть до Соловецкого восстания отмечена заметным ростом его благосостояния. Соловецкие монахи знали не только молитвенный труд, а были деятельными работниками. Рачительно используя богатство природы, они собрали в стенах монастыря огромные богатства. Описание Московского государства середины XVII века специально уделяет внимание монастырю, указывая: «В той велицей обители иноков 370 хлеба и всяких запасов изобильно, одежды, обуви много, кормятся варнишными соляными промыслами, соль варят и сию изменяют на хлеб и пищу и на всякие запасы и на одежду и на церковные и на олтарные и городовые и монастырские и всякие потребы и живут во изобилии и не токмо сами, но и в зимнее время бывает у них в монастыре тружущихся болши 500 человек мирских людей зимовых³¹, живут во изобилии и никаких скудости не имеют».

Велика была роль монастыря как культурного центра, духовного наставника многих тысяч северных крестьян. В XVII веке в монастыре насчитывалось около полутора тысяч книг. В храмах, кельях, Казенной и Ризничной палатах были собраны тысячи икон. Над их изготовлением трудились опытные иконописцы из Новгорода, Каргополя, Холмогор, мастера из ближайших поморских сел — Сумского острога, Кеми, Сороки. Много икон отправлялось на Соловки из Вологды, Костромы и Москвы³². Лучшую часть собрания составляли иконы, поступившие в качестве

вкладов из Москвы, в том числе таких прославленных мастеров, как Назарий Истомина, Иван Савин, Карп Золотарев. О консолидации художественных сил вокруг монастыря свидетельствует существование собственной Иконописной палаты, в которой работали талантливые приезжие мастера из многих культурных центров России. В некоторых кельях проживали и работали иконописцы-монахи. Паломники, приезжие работники и гости восхищались грандиозностью строений монастыря, богатством их убранства, видимым благосостоянием, достигнутым многолетним тяжелым трудом монахов, приезжих крестьян и ремесленников. Порой благочестие уживалось с грубостью, проявлявшейся в пьянстве части братии, «нерадении», смутах, плохом обращении с работниками. Сведения об этом доходили до самого царя, и он требовал наведения должного порядка. Упорство в вере привело монахов к открытому бунту, жестокое подавление которого имело отрицательные последствия для соловецкой культуры. Почти полностью был сменен состав поселенцев, утрачены многие плодотворные традиции, сократился объем и ухудшилось качество каменного строительства. Пока прощенный государством монастырь копил силы для восстановления утраченного благополучия, изменилось само время.

МОНАСТЫРЬ В XVIII — НАЧАЛЕ XX ВЕКА. В XVIII столетии мир менялся гораздо скорее, чем это могли себе представить северные монахи. Даже приезд на Соловки Петра I не способствовал возвышению обители. Экономические и военные интересы государства ставились теперь выше благополучия крупного северного духовника. От него отписывается слюдяной промысел, а часть крестьян заставляют работать на железодельных заводах. Постепенно утасает основа богатства — соледобыча. Монахи жаловались на притеснения и недостаток средств. В первой половине XVIII века заметно ослабевает строительство. Производятся преимущественно поновления и ремонты быстро ветшавших зданий, да, незначительные пристройки к уже существующим. Для проведения большинства из них приглашаются мастера-каменщики из других районов России. Наконец, в

*Филипповская церковь.
1798*

1764 году в результате общей секуляризации церковных земель монастырь лишается почти всех своих земельных владений и значительной суммы денег. Огнине, став одним из многих монастырей первого класса, он вынужден довольствоваться положенными по штату скромными деньгами и малочисленной братией. Только спустя два года в ответ на отчаянные жалобы братии правительство находит возможным изъять его из епархиального подчинения и перевести в ведение непосредственно Святейшего Синода. Найден был выход и из экономических затруднений: многие сотни крестьян, обетников, трудников наезжают ежегодно в организованные на островах многочисленные службы и промыслы. В монастырской казне вновь скапливаются значительные суммы денег, позволившие приступить к новому монументальному строительству.

Уже указывалось, что в 1777 году в центральном комплексе зданий было возведено представительное здание колокольни. В конце столетия в ансамбль монастыря вошло новое культовое сооружение — большая больничная церковь Филиппа Митрополита. Расположена она недалеко от Спасо-Преображенского собора и в своем первоначальном виде немного уступала ему по высоте. Высотность композиции создавалась за счет многоярусности, где над четвериком основания возвышались, последовательно уменьшаясь, два восьмерика. В динамичном сопоставлении основных объемов, в сложной форме кровли и окон-люкарн угадывались черты барокко. Вместе с тем в общей простоте и ясности композиции, скупости декоративных средств отразилось влияние классики. Строили здание ярославские мастера-каменщики. В настоящее время из-за разобранной верхней части памятник утратил стройную выразительность своего силуэта. Предусматривается восстановление его первоначального вида.

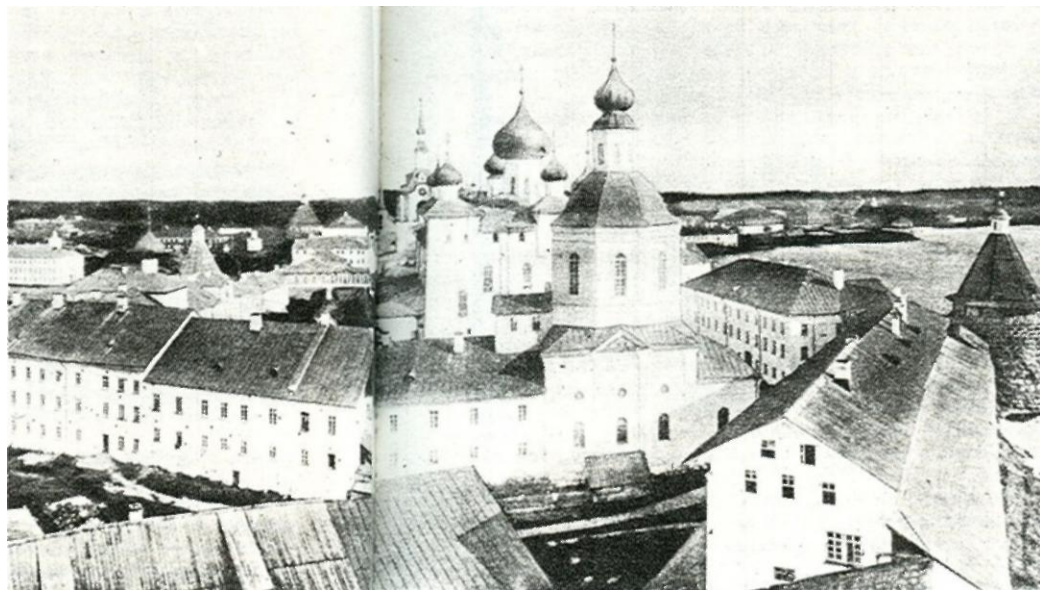
Возведение в конце столетия столь крупного храма в монастыре, и без того богатом монументальными сооружениями, свидетельствует о желании возродить былое величие обители. И в дальнейшем в течение всего XIX столетия соловецкие игумены по-своему заботились о внешнем виде вверенного им монастыря. Особенно много сделал для него архимандрит Досифей Немчинов. Это был широко образованный человек — автор изданного в 1836 году подробного описания Соловецкого монастыря. Ему было шестнадцать лет, когда он в 1796 году впервые прибыл в монастырь³⁶. Спустя тридцать лет он становится его руководителем и в течение последующих десятилетий возглавляет и подробно описывает все производимые работы по строительству. Перечислим некоторые из осуществленных им проектов. Из жилых зданий надстраивается вьюрой и третий этажи Наместнического корпуса, капитально перестраиваются расположенные справа от Святых ворот Настоятельские покои³⁷. В центральном комплексе он отстраивает уже знакомую нам Никольскую церковь. Впервые при нем были расписаны масляными красками интерьеры Успенской церкви, Трапезной, переходов и Филипповской церкви (ныне не сохранились)³⁸. Он учитывал, что крыши на Соловках «от здешних морских испарений и воздушных пере-

*Вид Соловецкого
монастыря
с юго-востока.
Фото конца XIX в.*

мен» быстро приходят в ветхость, и поэтому не жалел краски на их поновление. Стала обычной ежегодная штукатурка и побелка всех зданий монастыря, нуждавшихся в ремонте. Заботясь о пристойном виде монастыря, он произвел ремонт всех стен и башен крепости, которые «от долговременности ветхости опасны были к разрушению. Оные возобновлены и исправлены немало кирпичного починкою, так что многие лета могут³⁹ быть прочны; стоили больших трудов и издержек». Конечно, не все строительные начинания Досифея мы стали бы оправдывать сейчас. Осознание общественной и художественной ценности исторических памятников в то время только зарождалось, и он по-своему понимал и, как мог, пытался продлить жизнь величайшего северного ансамбля, который, по его словам, «при всем своем обновлении и частых поправках являет на себе неизгла-

*Вид Соловецкого
монастыря
Фото конца XIX в.*

димую печать древности, не может не исполнить сердце чувством чего-то величественного»³⁸.

При преемниках Досифея продолжали надстраиваться и расширяться жилые корпуса, ставились новые здания. Однако их невыразительные, громоздкие объемы пагубно отразились на облике монастыря, нарушив живописную слаженность его силуэта. Лишь немногие постройки органично вписывались в ансамбль. К ним, например, можно отнести невысокую валунно-кирпичную баню, построенную в 1851 году недалеко от мельницы. Отметим также многочисленные арки, перекинутые между крепостной стеной и келейными корпусами, — выразительный архитектурный мотив, позволяющий укрепить стены и оживить узкие и малопримечательные пространства.

Последним крупным сооружением в монастыре стал трехэтажный жилой корпус в северном дворе мо-

настыря около Портной палаты (1907 г.)¹⁴. Пытаясь вписать его в более древнее сооружение, строители украсили окна наличниками, имитирующими древнерусские. Однако их рисунок выглядит упрощенным, а все здание — непропорционально большим.

Но не будем забывать, что архитектурный образ бывшего монастыря — это живая история и его утраты и приобретения — результат новой жизни, нового времени, влияния которых не избежал ни один крупный ансамбль. Да и сами поздние напластования не следует воспринимать однозначно. Часто они придают определенный колорит, вызывают исторические и литературные воспоминания.

Внимания заслуживают и своеобразные задворки — узкие, порой незначительные пространства между кельями и крепостной стеной. Здесь можно любоваться пространственной выразительностью стен,

перспективной уходящих арок. Небольшие проходы, тупики, дворики являются неотъемлемой частью целого, создают собственную архитектурную среду, атмосферу тишины и уединенности, без которых неполным представляется сам образ монастыря.

За долгую историю существования Соловецкий монастырь собрал в своих руках огромное художественное богатство. В храмах хранились многочисленные святыни, главными из которых были почитаемые во всей стране мощи местных преподобных, «чудотворные» и древние иконы. Предметом особой гордости была ризница с находящимися там драгоценными евангелиями, на престольными крестами, священными сосудами и другими церковными вещами. Несомненную ценность составляли древние грамоты и книги. В конце столетия в монастыре имелась собственная живописная школа, литографическая мастерская, типография; по всей стране расходились посвященные монастырю монографии. Попасть в прославленную северную обитель стремились не только верующие и трудники, но и все культурные слои общества.

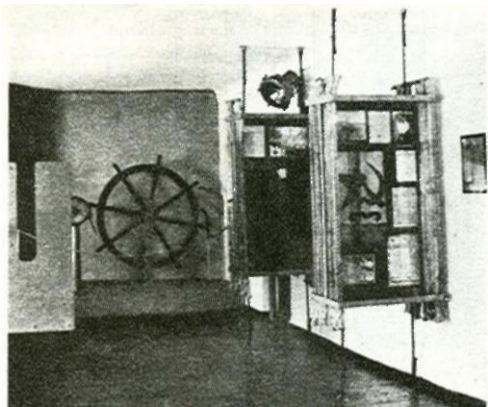
Соловецкие монахи, издавна сочетавшие идеи самоотречения во имя служения богу с трудом, конечно, не были готовы к приятию новой для них идеологии и политического устройства, проповедовавшего воинствующий атеизм. И тем не менее после революции большинство из них не были враждебно настроены к новым порядкам и в переписке с властями смиренно усматривали во всем случившемся «волю божью» и пытались хоть и в урезанном виде, но сохранять свои права.

РЕСТАВАЦИЯ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ. В 1920 году, после свержения белогвардейского правительства в Архангельске, на базе монастырского хозяйства был организован совхоз. Год спустя заведующий совхозом был назначен уполномоченным по охране, учету и регистрации памятников старины. Значительный ущерб сооружениям монастыря нанес возникший в ночь с 25 на 26 мая 1923 года пожар. Выгорели Успенская и Никольская церкви, колокольня и находившиеся в ней архив и библиотека. Преображенский и Троицкий соборы обгорели только снаружи, но в них

*Соловецкий музей.
Интерьер зала
иконописи*

пострадала часть икон. Для спасения оставшихся движимых памятников из Москвы была направлена комиссия — искусствоведы Н. Н. Померанцев, Н. И. Силин и реставратор П. Д. Барановский, которые составили подробные списки важнейших художественных ценностей. Большая часть их была вывезена в музей Москвы и Архангельска, но значительное количество произведений искусства, и особенно икон, продолжало оставаться в монастыре в распоряжении Соловецкого общества краеведения, организованного в рамках Соловецких лагерей особого назначения. Членами общества — талантливыми историками, узниками лагеря Н. В. Виноградовым и В. П. Никольским был опубликован ряд статей, посвященных древним «лабиринтам», памятникам архитектуры и иконописи. Для демонстрации произведений живописи и декоративно-прикладного искусства в Спасо-Пре-

*Соловецкий музей.
Интерьер экспозиции,
посвященной Школе юнг
Военно-Морского Флота*

обра женском соборе и Благовещенской церкви были устроены специальные экспозиции. В первой половине 30-х годов Соловецким музеем производились работы по обследованию, учету и описанию всех памятников искусства и культуры, расположенных на архипелаге. В результате ее было выявлено свыше двенадцати тысяч памятников старины. В их число помимо художественных произведений входили и естественнонаучные и производственные экспонаты, широко отражавшие материальную культуру Соловков. Большое участие в этой работе принимали научные сотрудники А. А. Евневич и П. К. Казаринов, судьбы которых, как и многих других жертв ГУЛага, пока не известны. Перед закрытием лагеря многие оставшиеся в нем произведения искусства были вывезены в ряд музеев страны, но некоторые безвозвратно погибли.

В период пребывания в монастыре военных моряков все здания использовались под жилье, учебные классы, столовую и прочие нужды, далекие от интересов музея. После их ухода перед исследователями и реставраторами встала задача предотвратить разрушение памятников, снять поздние антихудожественные наслоения и раскрыть по мере возможности первоначальный облик древнейших зданий. Наибольшее внимание при этом было обращено на центральный комплекс зданий, играющий первостепенную роль в ансамбле монастыря. За последние годы полностью отреставрированы Успенская и Никольская церкви, Портная палата. Выявлены и восстановлены важнейшие элементы архитектуры Спасо-Преображенского собора: порталы, часть паперти, главы, барабаны, кровля. Первоначальный облик возвращен части жилой застройки, укреплены стены и башни крепости. По всем зданиям монастыря проведены противоаварийные и кровельные работы, создан проект их приспособления для современных нужд.

И все же реставрационные работы в монастыре идут медленно. Существенным их недостатком остается слабая укомплектованность реставрационного участка квалифицированными кадрами, недостаточная материальная база, нерегулярность доставки на Соловки стройматериалов, незавершенность многих объектов. Лишь постепенно эти недостатки преодолеваются. Много полезного для спасения памятников сделали специалисты Всесоюзного объединения «Союзреставрация» О. Д. Савицкая, В. В. Сошин, Л. Н. Дмитриева, В. В. Владимирская, Г. Б. Бессонов, рабочие соловецкого участка Архангельской научно-реставрационной мастерской, студенты строительного отряда МГУ. К оказанию помощи Соловкам все больше привлекаются общественные и государственные организации, что позволяет надеяться на комплексное восстановление ансамбля монастыря в ближайшее десятилетие.

Для улучшения реставрационных работ на Соловках, видимо, следует принять конкретные меры по налаживанию местных традиционных производств и ремесел. В течение столетий работал на Соловках кирпичный завод, дававший ежегодно до полумиллиона кирпичей. По сей день в двух километрах от монастыря можно видеть остатки бывших карьеров для

добывания глины. Неподалеку от них стояли и сараи для обжига кирпича. Трудно представить себе, насколько бы уменьшился путь, да и стоимость привозимого из-за моря кирпича, если бы было возобновлено его производство. Уже сейчас силами созданной в поселке кузницы можно обеспечивать реставрационные работы необходимой скобянкой и прочими изделиями из металла. Но нужна инициатива и поддержка тех, кто знает дело, любит Соловки и за них отвечает.

Сейчас на территории бывшего монастыря расположены музей, райсовет, туристская база, несколько магазинов, жилье, пекарня, реставрационная мастерская. Все это, за исключением музея, не способствует целостному восприятию ансамбля. Разработан проект более целесообразного использования его площади для улучшения музейного показа и обслуживания туристов.

Особого внимания требует музей. Его экспозиции находятся сейчас в процессе формирования и постепенно пополняются новыми экспонатами и тематическими выставками, демонстрирующими многообразную деятельность монастыря, особенности его хозяйственной и культурной жизни. Значительное место занимает экспозиция, посвященная истории и реставрации соловецкой архитектуры. Гораздо скромнее отдел живописи и декоративно-прикладного искусства, что связано, как мы знаем, с массовым вывозом этих памятников в центральные музеи. Поэтому трудной, но необходимой для музея задачей является возвращение в его фонды хотя бы части вывезенных сокровищ. Составленная из местных подлинников экспозиция в живой и действующей сейчас архитектурной среде, несомненно, повысит художественное впечатление от ансамбля, наполнит его новой жизнью, которой он уже много лет ждет.

3. За стенами кремля

ГИДРОТЕХНИЧЕСКИЕ, ЖИЛЫЕ, СКЛАДСКИЕ, ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ И КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ ПОСЕЛКА СОЛОВЕЦКИЙ. Обычно приезжающие на Соловки туристы настолько захвачены неповторимым видом самого монастыря, что мало обращают внимания на сохранившиеся вокруг него жилые, хозяйственные и гидротехнические сооружения. А ведь они по-своему уникальны и являются неотъемлемой частью монастырского ансамбля, его своеобразным историко-хозяйственным фоном.

Сейчас поселок Соловецкий — современный населенный пункт с более чем тысячным населением, собственным морским причалом, аэродромом, необходимыми бытовыми, производственными и культурными учреждениями. И все же ведущее место в нем принадлежит памятникам прошлого. В течение столетий вокруг бывшего монастыря, сообразуясь с особенностями местности, возводились хозяйственные, жилые и культовые здания, без которых трудно представить себе само его существование.

Уже в первой известной нам Описи его имущества, датируемой 1514 годом, недалеко от скромной обители названы две мельницы, стоящие на ручье, и другие службы, связанные с судоходством, рыболовством и промыслом морского зверя.

По изображениям конца XVI — начала XVII века мы узнаем, что с северо-восточной части застройки.

*Вид на южную часть
поселка*

на берегу Святого озера, располагался так называемый «дворец» — группа деревянных зданий, где проживали монастырские слуги и где зачастую происходили торговые сделки между монастырем и приезжавшими на острова мирскими людьми⁴⁰. За «дворцом» на некотором расстоянии находился «конюшенный двор». С противоположной стороны монастыря, у морской губы, располагались причалы и связанные с морем службы.

В течение столетий окружающая монастырь застройка неоднократно менялась, благоустраивалась и расширялась. Сохранившиеся древние описи монастырского хозяйства и графические изображения XVII—XVIII веков дают сравнительно полную картину ее формирования, подробно фиксируют внешний вид существовавших зданий. Однако наибольший интерес представляют для нас сохранившиеся здания,

составляющие неотъемлемую часть всего комплекса монастырских построек. Одни из них обладают определенной исторической и художественной ценностью, другие сохраняют значение как памятники науки и техники, но в любом случае они существенно дополняют облик крупнейшего северного монастыря.

Соловецкая обитель, в отличие от многих других русских монастырей, не имела вокруг себя крестьянских деревень или ремесленных слобод с коренным населением. В каждой из служб работали часто сменявшие друг друга приезжие работники. Зависимость жизни от морского промысла и тесных связей с материком делали судоходство одной из важнейших отраслей монастырского хозяйства. Поэтому большинство сооружений возводилось вдоль береговой линии удобного для судов залива, получившего позднее название бухты Благополучия. Здесь всегда стояло

множество готовых к отплытию судов, рано появились тут и незамысловатые срубы для размещения приезжих паломников и купцов, такелажная служба и сараи для хранения рыбы и прочего провианта.

Учитывая важную роль морского сообщения в жизни островитян, начнем наш осмотр с одного из редчайших гидротехнических сооружений острова — Соловецкого гранитного дока. Он расположен в юго-западной стороне от кремля, рядом с его стенами. Еще в XVII столетии в этой, наиболее спокойной, части гавани располагалась «карбасная служба», состоявшая из небольшого размера сараев, предназначенных для починки, изготовления и хранения в них карбасов и прочих морских судов. По мере увеличения морского флота служба неоднократно расширялась. К концу XVIII столетия на канале, ведущем из Святого озера в море, решено было устроить морской наливной док с бассейном для захода судов, площадкой для их сушки и затворными воротами. В 1799—1801 годах док был построен, и, как сообщает архимандрит Досифей, «по выгодыности местоположения и способности сей верфи многие знатоки свидетельствуют, что еще подобной нигде не находится»⁴¹. Проработал док недолго. Со временем быстро ветшавшие деревянно-валунные конструкции вызвали необходимость замены их новым, более долговечным материалом — гранитом.

Сооружение в 40-е годы XIX столетия нового дока стало делом престижа славившегося своими постройками монастыря. Над составлением плана сооружения работал местный монах Григорий, исполнявший в монастыре должность эконома и, видимо, знакомый с устройством такого рода сооружений. Однако выполненный им проект вызвал недоверие у ведавших его утверждением государственных учреждений. Потребовалось вмешательство высшего духовенства, чтобы в 1843 году монахи смогли приступить к строительству дока⁴². Спустя три года новый док уже принимал первые суда. Значительно усовершенствованный по сравнению с прежним, он состоял из двух бассейнов. Один из них, меньший по размеру, является распределительным на пути следования воды из Святого озера. С помощью затворных устройств он регулирует уровень подачи воды в основную, шлюзовую часть. Последняя представляет собой большой резер-

*Морской док.
Первая половина
XIX в.*

вуар, соединяющийся с морем через затворные ворота. В южной стороне дока над уровнем моря возвышается широкая платформа сухого дока. При закрытых входных воротах вода из расположенного выше водораспределительного бассейна по специальному каналу поступала в резервуар с заплывшими судами и поднимала их до определенного уровня, пока они не заходили на платформу сухого дока. Подпираемые кильблоками и боковыми подпорками, они устанавливались на места, после чего через ворота вода постепенно выпускалась в море, осушая суда. Важной особенностью Соловецкого дока, отличавшей его от многих подобных сооружений своего времени, являлась исключительная рациональность его технического решения. Вместо обычно применяемой дорогостоящей насосной системы здесь использовался естественный перепад вод (примерно около восьми мет-

ров), текущих из озера в море. Незауряден внешний вид памятника — с четким планом и живописным сочетанием кладок из тесаного гранита и природного булыжника.

Строительство Соловецкого дока было вызвано к жизни все возрастающими потребностями монастыря в судах большого размера. Уже в конце 20-х — начале 30-х годов XIX столетия в монастыре «своими людьми» строятся мореходные суда «на корабельный образец» длиной 35 метров и грузоподъемностью до 700 пудов. Современники с гордостью отмечали, что «подобных кораблей красотою и величиной⁴³ ни у кого во всем здешнем Белом море не имеется». В 60-е годы монастырь оснащает пароходы, перевозившие до шестисот пассажиров, а в конце столетия приобретает современные быстроходные суда за границей.

Отвечая потребностям времени, обстраивалась и лучшая гавань русского Севера. В 1880—1881 годах док был на шесть с половиной метров удлинен и почти на полтора метра углублен; ремонтировались ворота и часть подземных каналов. Как и прежде, строительство осуществлялось собственными силами. Письменные источники отмечают трудовой вклад кузнеца — богомольца Андрея Бурова, «столяра-архитектора» монаха Аристарха, инженера-механика монаха Феоктиста и некоторых других рядовых строителей⁴⁴. Приехавшее по случаю открытия нового дока архангельское портовое начальство дало исключительно высокую оценку этому сооружению. Видимо, тогда же чудо соловецкой гидротехники было отмечено памятным гранитным обелиском, стоящим у входных ворот. Аналогичный по форме обелиск установлен с противоположной стороны входа в док в память об известных нам событиях обстрела монастыря 1854 года.

Соловецкий док и сейчас выглядит впечатляюще, став памятником строительного и гидротехнического искусства своего времени, и все же в бесполезном перетекании через него воды есть неоправданная заброшенность. Хочется видеть восстановленными механизмы старого дока, надеяться, что наступит время, когда он — единственный из сохранившихся — хотя бы в демонстрационных целях будет принимать парусные суда, ладьи и карбасы, напоминающие те.

что привозили сюда тысячи людей и необходимые для жизни грузы. Сколь редким и захватывающим сейчас может быть зрелище поднятия судов и их осушки — настоящий праздник на воде, способный привлечь сотни зрителей.

В начале XX века монастырь, обладавший значительным водным бассейном, идет на новое смелое мероприятие — рядом к доком, на потоке воды из Святого озера, устраивается единственная в своем роде монастырская гидроэлектростанция. Смысл ее строительства заключался в замене вредного для здоровья и опасного в пожарном отношении освещения на минеральных маслах дешевой электроэнергией. Оно осуществлялось по чертежам акционерного общества русских электрических заводов «Сименс и Гальске»⁴⁵, продолжалось в течение двух лет, до 1912 года. Две динамомашин, мощностью в 25 и 15 киловатт, давали энергию, достаточную для освещения монастыря невиданными здесь ранее лампочками накаливания. Скромное по размерам здание состояло первоначально из двух прямоугольных объемов. Его фасады членились большими, лучковой формы, окнами и были украшены слержанным кирпичным орнаментом, напоминая типичное для того времени здание производственного назначения. В 30-е годы оно было существенно расширено с повторением на фасадах конструктивных и декоративных форм старой части. В настоящее время от электростанции сохранились лишь стены да часть разрушенных механизмов. Будем надеяться, что и этот характерный и заметный памятник соловецкой технической культуры будет не только сохранен, но и восстановлен.

Из письменных источников известно еще об одном интересном техническом сооружении, устроенном на водном потоке из Святого озера, — поставленном в 1818 году лесопильном заводе. Не сохранившийся сейчас, он в середине столетия вызывал удивление тем, что мог работать почти без обслуживающего персонала, «ибо когда бывает пушена вода, то бревна, лежащие вне устроенного здания, сами собой постепенно втаскиваются на места распилки их и правильно распиливаются, выметывая доски по устроенному для того свозу, а опилки по желобу отходят за пильню, так что чистота на сей пильне всегдаш-

Воды Святого озера использовались монастырем на протяжении веков. И если первоначально для нужд скромной обители хватало воды небольшого лесного озера, то при Филиппе ввиду постоянного притока свежей воды появилась необходимость соединения его с системой ближайших крупных озер. Известно также, что при Филиппе производилась чистка «пруда» и делалась плотина, то есть озеро было увеличено в размерах. Судя по старым рисункам, вода озера в прошлом близко подходила к крепостным стенам, обеспечивая безопасность этого участка обороны, но впоследствии от неоднократной подсыпки грунта постепенно отодвигалась от стен. Существенно переустроивалась набережная в 80-е годы XIX столетия, когда она вначале была укреплена деревянными сваями, а затем приобрела гранитные берега. Большие тесаные, близко подогнанные друг к другу блоки с установленными на них профилированными чугунными тумбами (соединенные деревянными жердями) создали надежное и легкое ограждение, придавшее этой части поселка благоустроенный вид.

Более активному развитию южной части поселка препятствовал существовавший здесь погост, на котором с 1666 года стояла деревянная шатровая кладбищенская церковь преподобного Онуфрия. Она неоднократно ремонтировалась, но к началу XIX столетия вновь пришла в ветхость и в 1824 году была заменена каменной. В 1886 году к ней была пристроена колокольня. Кладбище при церкви занимало довольно большую, огороженную забором территорию. В настоящее время от бывшей Онуфриевской церкви видна лишь расположенная на возвышении, обложенная валуном каменная площадка, служившая для нее основанием.

Издавна большое количество паломников ставило перед монастырем проблему их расселения. Внутри обители рядовым приезжим людям жить было запрещено, поэтому гостиницы строились прямо на пристани, недалеко от монастырских стен. Уже в конце XVI столетия рядом со Святыми воротами находилась «гостиная изба» — простой деревянный сруб с двускатной кровлей. Позже, до первой трети XIX столетия, гостиницы располагались там же, но их размеры значительно превышали древние — это были большие двухэтажные здания с галереями, крыльца-

ми и множеством жилых чуланов. Сохранившиеся в настоящее время гостиницы находятся к югу и северу от бухты, в некотором удалении от монастыря. Южная носит название Архангельской и строилась в 1836 году на месте разобранной старой. Это простой, установленный на солидном каменном фундаменте прямоугольный в плане двухэтажный объем. Массивные бревна сруба обшиты тесом, на центральной части главного, северного фасада выделяется крытое крыльцо. Внутри здания идут широкие коридоры, по сторонам которых раньше располагались комнаты: внизу — четыре большие с нарами, для «черного народа»⁴⁷ и вверх — двадцать две, для «чистого народа»⁴⁸. В настоящее время старая планировка комнат изменена и приспособлена под современное жилье.

С противоположной стороны бухты, на возвышении, в 1841 году была построена Петербургская гостиница⁴⁹. Как и первая, это добротное, обшитое тесом деревянное сооружение с толстыми стенами, большим количеством окон и коридорной системой внутри. Огolosки классики просматриваются в выделении центральной оси здания фронтоном и выступающим крыльцом, в четком уравновешенном ритме оконных проемов, простой формы рамочных наличников. В постановке обеих гостиниц на столь отдаленном расстоянии есть своя логика — они венчают высшие точки берега вблизи гавани и хорошо заметны приезжающим. Расположенные по сторонам кремля, они не загораживают его панорамы, хотя имеют внушительные объемы. Менее удачно по отношению к монастырю, частично загораживая его, поставлена введенная в начале 60-х годов XIX века Преображенская гостиница — большое трехэтажное каменное сооружение, отличающееся четким, классически ясным построением плана и рациональным расположением внутренних помещений. Как и другие находящиеся вне монастыря жилые здания, гостиницы лишены особых архитектурных затей. Однако их размеры, рассчитанные на расселение многочисленных приезжающих гостей, добротность и практичность характерны для соловецкого гражданского строительства.

С противоположной от монастыря стороны бухты в море вдается небольшой узкий мыс, называемый Сельдяным. Он сравнительно поздно начал осваи-

Вид на Сельдяной мыс

ваться монастырем. В XVIII веке здесь были возведены скромные деревянные срубы канатного завода, а в стороне от него — сараи «бочкарной службы». В первой половине XIX столетия в связи с интенсивным обновлением хозяйственных служб здесь строятся салотопенный завод, амбар для хранения сала, сарай для содержания гребных судов и некоторые другие.

К крупным валунным сооружениям мыса относятся построенные в 1842⁴⁹ году салотопенный завод и амбар для хранения сала. Салотопенное производство размещалось в скромном, близком в плане к квадрату здании, перекрытом (вместе с примыкающей с восточной стороны поздней деревянной пристройкой) высокой двускатной крышей. Внутри амбара была устроена больших размеров печь с горном, в котором помещался медный котел для варки тюленьего сала.

Подобной формы валунные амбары мы еще неоднократно встретим на Соловках. При всей трудоемкости возведения таких зданий, они не требовали большого количества дорогого кирпича и отличались долговечностью. Характерны и высокие тесовые кровли, летом способствовавшие быстрому стеканию воды, а зимой — сбрасыванию излишков снега. Большие помещения под шипцами кровель часто использовались под складские помещения. Валунным постройкам нельзя отказать и в оригинальности внешнего вида, в особой живописности и связи с окружающей пейзажной средой.

Амбар для хранения сала находится на противоположном берегу мыса. При небольшой высоте и ширине он имеет почти пятидесятиметровую длину. Внешние стены выложены из крупного булыжника, чередующегося с кирпичом, внутри здания — коробовый кирпичный свод. Сверху амбар присыпан землей и дерном, что придает ему архаичный вид.

В центре мыса на возвышении расположена еще одна валунная постройка — амбар для смоления канатов, оставшийся от построенного здесь в первой половине XIX века канатного завода. Небольшой по размерам, он напоминает большую грудку валунов, возвышающуюся среди деревянных зданий. Внутри — незначительное помещение с установленным для смолы котлом. На восточном фасаде внизу сделано специальное сводчатое отверстие с печной камерой для подогрева котла.

К крупным складским помещениям мыса относятся два деревянных сарая, стоящие на его восточном берегу. Один из них (построенный в 1841 году) сохранился не полностью, он служил для хранения гребных судов, судостроительного леса, рыболовных неводов и сетей. Длина двухэтажного сарая первоначально превышала шестьдесят метров, в нем было устроено восемь ворот и два съезда, двадцать два каменных столба поддерживали его деревянные конструкции. Южная, не сохранившаяся сейчас часть сарая нависала над водой, что позволяло судам vyplывать внутрь здания, после чего их разгружали и вытаскивали из воды для установки на ремонт или зимовку.

Не меньшими удобствами отличался и стоящий за ним большой складской амбар конца XIX столе-

тия. С помощью укрепленных в воде деревянных свай и валунных фундаментов он во время прилива почти полностью нависал над водой, что позволяло судам подплывать для разгрузки непосредственно к воротам. Для удобства переноски грузов внутри сарая по его сторонам устроены галереи, обтекающие центральный трехъярусный сруб. Здание аккуратно обшито тесом и имеет внешний вид простого и ладно скроенного сооружения, близкого по формам к позднеласкисическим постройкам.

Многие поколения монастырских плотников, отдавая дань вкусам и требованиям своего времени, сумели и в XIX веке создавать в дереве запоминающиеся произведения. Не отождествляя их с народной деревянной архитектурой прошлых веков, тем не менее нельзя не заметить, что в них еще живы отголоски старых традиций, выразившиеся в логичности конструкций, в добротности срубов и их пропорциональной слаженности.

Своеобразной постройкой, возведенной в 1881 — 1882 годах в «русском стиле», было здание биостанции. В его основание вошла построенная еще в 1830 году одноэтажная сельдяная изба, в которой при реконструкции была устроена «аквариумная» комната. Второй этаж состоял из восьми больших, светлых и удобных для исследовательских работ комнат. Декоративное оформление окон, крылец, карнизов выполнено под влиянием увлечения образцами народного зодчества, щедро представленного тогда в деревянной архитектуре Севера. При всей нарядной затейливости декоративных форм в ней чувствуется и некоторая сухость рисунка, искусствен и сам прием перенесения древнерусского стилизованного убора на обшито тесом современной планировки здание. И это не удивительно, так как проект сооружения был выполнен в Петербурге архитектором-профессионалом. Однако обращение соловецких строителей к народным традициям, по-новому осмысленным в русской архитектуре второй половины XIX века, заслуживает внимания. Оно свидетельствует о чуткой реакции на явления общерусской архитектурной мысли, попытке сообщить художественную выразительность зданиям.

Устройство биостанции на Соловках диктовалось необходимостью создания постоянно действующего центра для сбора и классификации материала по био-

логии Белого моря. В ее задачу входило также расширение приемов искусственного разведения рыбы, запасы которой уже тогда были истощены. В создании биостанции принимали участие такие известные ученые, как профессор Н. П. Вагнер, председатель Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей А. Н. Бекетов и другие. За восемнадцать лет ее существования впервые была сделана опись и дана общая характеристика беломорской флоры и фауны. В 1899 году консервативное руководство монастыря добилось закрытия биостанции.

С Сельдяного мыса открывается панорама на всю бухту Благополучия — спокойный морской залив, на противоположной стороне которого перед крепостной стеной стоят, выделяясь белизной, две мемориальные часовни середины XIX века. До их возведения эта часть суши была наиболее застроенной. Здесь располагались первые гостиницы, хлебные амбары, сараи для хранения выловленной рыбы, промысловые избы. В удобных местах рано появились обложенные крупным валуном пристани. Напротив Святых ворот находилась главная, Царская пристань — дважды встречавшая Петра I. В память о его первом пребывании в конце XVII столетия здесь была поставлена Петровская часовня. По старым описаниям, она была «деревянная осьмигранная забрана тесом в столбы в косяк, на ней шатер с открышкою покрыт тесом с зубцами». Древняя часовня не сохранилась, но ее новая форма архитектуры Соловков восьмигранная форма послужила прообразом многих каменных часовен середины XIX века. К этому времени относится стоящая сейчас на ее месте каменная Петровская часовня — скромно украшенный восьмигранный объем с куполом и круглым деревянным фонарем. Стройный силуэт часовни четко выделяется на фоне величавых стен кремля, напоминая о редком для монастыря событии, происшедшем почти три столетия назад.

К северу от Святых ворот в 1858 году была установлена еще одна восьмигранная часовня — Александровская — по случаю приезда императора Александра II. Она выдержана в более парадных формах. По сторонам восьмерика через грань установлены несущие фронтоны колонны, граненую форму имеет и завершающий купол барабан.

В северо-западной стороне от кремля на вершине

холма стоит третья, и последняя, из сохранившихся у стен монастыря часовен — Константиновская. Она построена в середине 40-х годов после посещения монастыря братом царя великим князем Константином. Как и в других подобных часовнях, в интерьере стоял небольшой иконостас, крест и была надпись, напоминавшая о памятном событии.

Место, на котором стоит Константиновская часовня, в прошлом называлось Плотничной горой. Здесь на частично искусственном валу в XVII веке стояло несколько корпусов плотничной службы. На склоне горы ближе к берегу гавани располагались деревянные здания, связанные с рыболовством: кладовая для сушеной и копченой рыбы, рыбная изба, соляной, сельдяной и сальный амбары и некоторые другие скромные постройки, позже уступившие место гостиничным корпусам и взятой в гранит набережной.

Монастырская застройка к северу от крепостной ограды не отличалась плотностью. Большая часть освоенной здесь территории использовалась под огородами, несколько сооружений находилось на берегу Гагарьего озера и на морском побережье. Среди культовых сооружений этой части поселка выделяется каменная часовня Филиппа Митрополита, поставленная на берегу сильно обмелевшей заводи. Впервые описание одноименной, но деревянной часовни приведено в Описи 1705 года. «От вышеописанной плотничной службы разстоянием 350 сажень на край самый морской губы кладезь, а в нем вода свежая изрядная, тот кладезь построил преосвященный Филипп... И над тем кладезем часовня деревянная четвероугольная рублена, покрыта тесом на два ската з зубцами... Да подле тот кладезь другая часовня деревянная забрана тесом с открышкою, а шия и глава обиты чешуею деревянною. На главе крест осьмиконечный деревянной большакой, на нем распятие господне резное писано краски»⁵⁶. Возведение второй часовни было, видимо, связано с памятью о торжественном вывозе из монастыря в 1652 году мощей Филиппа Колычева. Древние часовни не сохранились, но описания их интересны для нас как пример деревянного народного зодчества XVI—XVII веков, когда еще создавались скромные и выразительные в своей простоте часовни «клетского» типа. Существующая

каменная часовня построена в середине прошлого столетия и по своим формам напоминает Петровскую, хотя по размерам несколько превосходит ее.

Огородная служба располагалась в некотором удалении от моря, в спрятанной от ветра низине. Несмотря на суровость словесцкого климата, уже в XVII веке на огородах при соответствующем уходе успевали выращивать капусту, репу, редьку, морковь и свеклу. Урожайность огорода была невелика. Рукописная запись конца XVIII столетия указывает, что «на полях удобренных сеется и снимается иногда урожайно одна репа, с посевом ячменя делан был опыт, но ранние морозы во время цвета оной побивали. В огородах, стенами монастырскими от ветра защищаемых, садят в весьма малом количестве редьку, морковь, картофель, лук, чеснок и капусту зеленую»⁵⁷. По традиции в качестве трудников на огородах работали дети. При службе были устроены деревянные кельи с сенями и полатами, несколько изб и сараев. В XIX столетии площади под огороды продолжали увеличиваться, налаживается парниковое хозяйство. Помимо земли вдоль крепостных стен огороды к концу столетия занимали всю свободную территорию от Святого озера до бывшего кожевенного завода у Гагарьего озера.

Гагарье озеро — второй расположенный на территории поселка пресноводный водоем. На его берегу издавна находилось предприятие по переработке кож и банное хозяйство монастыря. Уже Опись 1705 года указывает на существование здесь каменной двухъярусной палаты с сенями, кладовыми, амбаром для обработки кож, поварней и сушилом. В⁵⁸ стороне от палаты стояли деревянные жилые покои⁵⁹. Кожевня неоднократно перестраивалась; из первоначально небольшой (16X16 м) одноэтажной палаты в конце XIX столетия она выросла в солидный двухэтажный заводской корпус, в котором перерабатывалось ежегодно до восьми тысяч кож. Внешний вид сооружения зауряден и мало чем отличается от фасадов фабричных корпусов этого времени. В настоящее время в помещении бывшего кожевенного завода расположено предприятие по переработке водорослей.

Банное хозяйство монастыря располагалось на западном берегу озера. С 1717 года сохранилось здесь старое каменное здание бывшей монашеской бани. Первоначально это было прямоугольное, близкое к

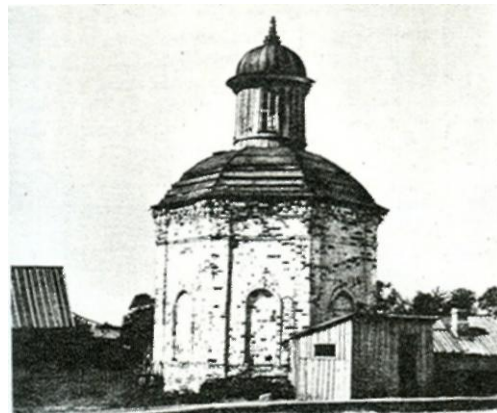
квадрату (15X 14 м) помещение, своды которого опирались на один столп⁹. В XIX столетии здание получило дополнительные каменные прикладки, изменившие его фасады и внутреннюю структуру.

Недалеко от валунной бани в середине XVIII века стояла деревянная изба — портовой и для полоскания платья, а позже деревянная мирская баня. В XIX столетии она была заменена каменной, стоящей и сейчас.

Самыми удаленными от монастыря сооружениями северной части поселка являются две смолокурни, возведение которых относится к концу 80-х годов XIX века. Это большие сводчатые кирпичные печи с установленными над ними на толстых деревянных столбах двускатными кровлями. Применение открытых деревянных конструкций обеспечивало беспрепятственную теплоотдачу стен и одновременно защиту сводов от осадков. Давно не используемые по назначению смолокурни сейчас сохраняют значение как технические памятники своего времени.

К западу от сараев сохранился небольшой деревянный дом, служивший, видимо, жильем для находившихся при смолокурных печах рабочих. Несмотря на частичные переделки, в нем проступают черты, свойственные русской жилой архитектуре предшествующего времени: предельно лаконичный силуэт, добротная прочность сруба, ясность пропорций. Продуманная целесообразность постройки выражена в простоте плана и отсутствии элементов декоративного убранства. Как и почти во всех соловецких жилых зданиях, здесь отсутствует резьба на наличниках, столь характерная для гражданских зданий на материке. Это не удивительно — они отвечали только служебному назначению, строились быстро и дешево для часто сменявших друг друга трудников и сезонных рабочих и потому лишены нарядной привлекательности, свойственной частному жилому дому.

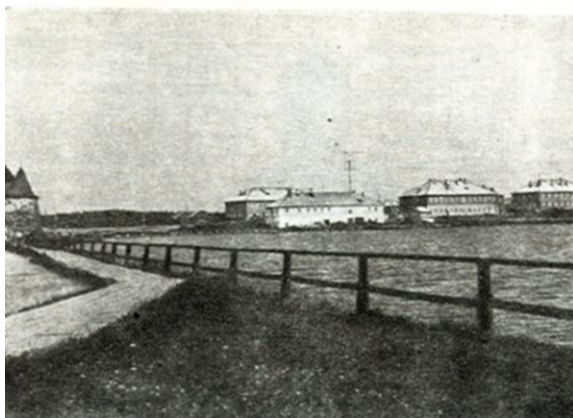
Возвращаясь назад к монастырю, можно встретить еще одну из редких, но необходимых для местного хозяйства построек — алебастровый завод. Он построен недалеко от моря, к югу от Филипповской часовни, в конце XIX столетия на месте существовавших ранее обжиговых печей для производства извести и алебастра. Здание имеет валунный низ и высокое деревянное завершение. Характерно, что его раз-

*Филипповская часовня.
Середина XIX в.*

новеликие фасады, понижающиеся в южную сторону, упираются в естественный холм, с поверхности которого устроен вход в жилое подкровельное помещение. Любопытно также, что для увеличения жесткости конструкции здания в углы валунных стен вставлены массивные бревна.

В XIX столетии по мере сноса деревянных складских сараев на берегу бухты Благополучия такие здания возводятся в северной от монастыря стороне. Среди многочисленных сооружений этого типа до настоящего времени дошло одно — простое по конструкции и скромное по размерам здание «магазина», или хлебного амбара. Оно было построено в 1830 году для инвалидной команды и имеет вид прямоугольного, обшитого тесом сруба с одним входом на лицевой стороне и небольшой галереей с навесом на столбах. Тесом сарай, видимо, был обшит позже, что

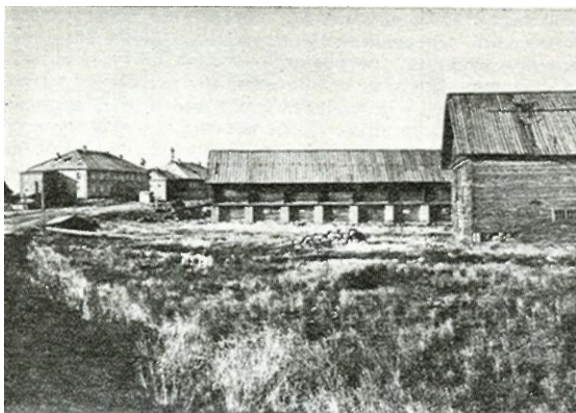
*Вид на кузницу,
училище
и Филипповский корпус
со стороны
Святого озера. XIX в.*

не нарушило его ясного и лаконичного силуэта, легко воспринимаемого на возвышении среди современной застройки поселка.

На Соловках, как и в других населенных пунктах, имевших кремли, окружающие их жилые и хозяйственные постройки группировались свободно, соотносясь с их производственным назначением и особенностями ландшафта. Решающую роль при этом играло освоение приморской и приозерной зон и, в меньшей мере, направление дорог, связывающих монастырь с отдельными скитами, пустынями, местами промыслов. Одно из древнейших направлений монастырской застройки пролегло в восточную сторону, где от Никольских ворот начиналась дорога к промысловому пристанищу Реболда и на остров Большая Муксалма. До XIX столетия застройка этой части поселка имела нерегулярное расположение, подсказан-

ное характером местности и близостью к озеру с пресной водой. Древнейшим сооружением здесь была каменная кузница, построенная в конце XVII — начале XVIII века. Впервые ее описание мы встречаем в Описи 1705 года: «За монастырем в восточную сторону за Никольскими проезжими вороты служба кузничная, а в ней строения, подле Святого озера, кузница каменная без сводов покрыта тесом, в той кузнице шесть горнов кирпичных с вкладными каменными трубами, у тех горнов восемь наковален больших и средних в колодах...». При кузнице перечислено еще несколько деревянных сооружений: небольшой сарай для угля, большая, на подполье, жилая изба для кузнецов и трудников и складской амбар. Кузница неоднократно перестраивалась, в 1841 году над ней был возведен второй этаж с восемью кельями — для проживания кузнецов и слесарей. Последняя перестройка сильно видоизменила ее, превратив в заурядное каменное здание. В нижней части фасадов под поздними напластовками сохранились и первоначальные формы древней кузницы, что указывает на возможность ее частичного восстановления.

В этой же стороне, но несколько дальше от монастыря стояли конюшенный и скотный дворы, связанная с ними дровозовная служба. При Филиппе Колычеве между монастырем и конским двором были поставлены «тын вострой... да ворота и келья». В 1570 году при описи монастырского имущества перечислены семьдесят одна лошадь и шестьдесят волов, что уже в то время указывает на значительность хозяйства, связанного с использованием тяглового скота⁶². В течение XVII столетия служба не раз перестраивалась и расширялась. Во время «Соловецкого сидения», как и многие другие монастырские службы, она была полностью разрушена, но вскоре возобновлена. В начале XVIII века на конюшенном дворе среди небольших изб для служителей своими размерами выделялась рубленая конюшня, «по пяти хлевов по стороне» и с сennиками наверху, куда вели два взвоза. Весь двор был огорожен и имел четверо ворот. В воловьем дворе находились три хлева с сennиками наверху. Неподалеку, ближе к Святому озеру, располагались: сарай для изготовления полозьев и дрововозные избы, в которых хранились телеги, дровни. Рядом со скотными дворами устраивались

*Жилые
и хозяйственные
постройки
скотного двора.
Середина XIX —
начало XX в.*

и другие хозяйственные службы. Так, в районе старого, Филипповского канала стояли известные по планам и описям XVIII столетия поварня, квасоварня, бойня, точильня, баня. Во второй половине XIX столетия здесь располагались водопойня, сарай для хранения кирпича, завод для изготовления глиняной посуды. Соловецкий летописец указывает, что близ конюшенного двора на берегу Святого озера в 1800 году был устроен завод для выгонки смолы и дегтя. Из всех сооружений сейчас сохранилось лишь сильно перестроенное, малопримечательное здание бывшего завода глиняной посуды.

В XIX столетии в связи с возобновлением скотного двора на Большой Муксалме близ монастыря остались преимущественно конюшни, сеновалы, каретный сарай и жилые дома для служителей. Некоторые из них дошли и до настоящего времени. Самым старым

является срубленный в 1830—1831 годах в северной части двора каретный сарай — двухъярусное, из крупных сосновых бревен, здание длиной одиннадцать и шириной пять сажен (23X10,6 м), в котором изготовлялись и хранились экипажи и сбруя¹⁵. В XX столетии оно было существенно расширено пристройкой западного корпуса. Старая часть в интерьере первого этажа представляет собой большое помещение с двумя рядами деревянных опорных столбов. В верхнем этаже — свободное подкровельное пространство, в которое ведет широкий валунный взвоз с бревенчатым накатом. С запада конный двор ограничивался стоявшим до недавнего времени жилым, Германовским корпусом, выстроенным в 1835 году¹⁶. Деревянный, трехэтажный, на каменном фундаменте, он имел свыше тридцати метров в длину и десять метров в ширину, в нем находилось двадцать четыре покоя для служителей. В настоящее время на месте бывшего корпуса стоит современное жилое здание.

Сохранившийся сейчас двухэтажный Филипповский корпус в прошлом замыкал композицию двора с южной стороны. Он построен в 1838 году для служителей и вольнонаемных рабочих дрововозной службы и, как и другие деревянные жилые здания Соловков, имеет крытое крыльцо, тамбур, расположенный перпендикулярно продольной оси здания, широкий коридор со множеством комнат по сторонам. Собранные из массивных бревен стены скрыты тесовой обшивкой, с простыми рамочными наличниками окон. В прошлом с запада к торцовой стене примыкала деревянная галерея, ведущая в расположенную в двадцати пяти метрах каменную кухню.

Кухня — последняя по времени одностолпная постройка на острове. Несколько вытянутый прямоугольник ее плана не позволил строителям сделать своды одинаковой кривизны, поэтому интерьер утратил четкость и ясность структуры, свойственные палатам XVI—XVII веков. Трудно сказать, что заставило каменщиков прибегать к помощи центрального столпа в столь незначительном по размерам интерьере. Судя по всему, наличие сводов в здании начала XIX века, когда уже даже на Соловках широкое распространение получили накатные потолки, было связано с потребностью в теплостойком материале, для уменьшения возможности возникновения пожара.

Примкнувшее с запада к кухне каменное здание конца XIX века в архитектурном и историческом отношении интереса не представляет. Выразительнее выглядит валунный амбар над погребом для льда, расположенный неподалеку. Его наземная часть возведена с применением булыжника и по скатам кровли задернована, что производит впечатление старинной руины, вызывающей в памяти образы первых каменных сооружений на острове.

Самой крупной хозяйственной постройкой двора являлся расположенный в стороне, у канала, сенной сарай. Его сруб обшит тесом, покрашен желтой краской, что вместе со стройными пропорциями и характером трактовки оконных проемов придает ему вид позднеклассического хозяйственного сооружения.

Со второй половины XIX столетия вновь возводимые здания этой части поселка приобретают все более регулярную ориентацию, выстраиваясь вдоль дороги от Никольских ворот к востоку. Так, сооруженные в конце XIX — начале XX века из «второсортного леса» конюшни своими торцовыми фасадами выходят на улицу и представляют собой вытянутые, прямоугольные в плане здания с воротами в первом ярусе и взвозами в подкровельное пространство⁶⁷. Для придания жесткости конструкциям в нижней части построек установлены каменные столбы.

Большое влияние на формирование линейной композиции в расположении построек этой части поселка оказало строительство здания училища, Овощного дома и стоящего напротив него через дорогу Никольского корпуса. Организация в 1859—1861 годах училища для крестьянских детей свидетельствовала о стремлении монастырского руководства заявить о себе как о поборнике просветительства на Севере. Летом при монастыре проживало около ста пятидесяти крестьянских детей, обычно выполнявших самые малоквалифицированные работы. Часть оставшихся на зиму мальчиков после работы собирали для обучения чтению, письму и закону божью; самые общие представления давались по истории и географии⁶⁸. Первоначально деревянный двухэтажный Училищный корпус с жильем и учебными комнатами напоминал расположенный рядом Дровозовный. В конце XIX столетия он был заменен новым, с кирпичным первым этажом и деревянным вторым.

*Вид на восточную
часть поселка*

Ближе к монастырю расположен Овощной корпус — небольшое деревянное двухэтажное сооружение, в архитектурном отношении малопримечательное, название которого связано с располагавшимися неподалеку огородами.

Никольский корпус был построен в 1896—1897 годах на месте старого обветшавшего здания по проекту архангельского губернского архитектора Вуколова и предназначался для проживания трудников. По своим размерам, композиции и внутренней планировке он мало чем отличался от таких же помещений поселка. Элементом новизны, нарушающим спокойную целостность его фасадов, является наличие широкого межэтажного пояса, в то время как форма оконных и дверных проемов сохранена прежней — они просто были перенесены сюда из разобранного старого здания.

В заключение упомянем еще одно сооружение, по-

ставленное в противоположном конце осматриваемой нами дороги, — Таборскую часовню. Сейчас она стоит рядом с современным аэродромом, в прошлом же была окружена лесом и едва заметна от монастыря. Свое название она получила от «таборов» — места, где имели становище прибывшие на остров для усмирения монастыря царские стрельцы. Трудно сказать, была ли часовня возведена самими стрельцами или была поставлена после их ухода на месте, где совершались массовые захоронения, но в 1691 году, еще не успевшая обветшать, она была перенесена на Заяцкий остров, а на памятном месте поставлена другая. Опись начала XVIII столетия указывает, что она была шатровой, имела с трех сторон паперть. Шатер, шея и главы были обиты деревянной чешуей. Стоящая сейчас на ее месте каменная часовня 1854 года даже отдаленно не напоминает старую. Это обычный для соловецких часовен восьмигранный, скупой оформленный объем, завершающийся деревянным фонарем.

Заканчивая осмотр расположенных вокруг монастыря сооружений, заметим, что все они широко и свободно располагаются в большой пространственной зоне. Естественно и активно взаимодействуя с окружающей природой, они создают выразительную и характерную для развитых монастырских слобод композицию. Появление отдельных регулярных образований не нарушило в целом «средневекового» типа их размещения. Сочетание построек то обнаруживает типологическую близость, то распадается на множество различных по назначению, материалу и форме зданий, образуя многоцентровую живописную панораму. Наиболее выразительные перспективы открываются со стороны водных пространств и возвышений около монастыря. И хотя часть возведенных в XIX столетии зданий несет печать строгой рациональности, отличной от художественного ощущения мира в прошлом, в самой плано-композиционной структуре, где упорядоченность соседствовала со стихийностью, проявляются отголоски старых традиций. Характерно также, что все элементы окружающей нерегулярной застройки поселка подчинены доминирующим в пространстве вертикалям колокольни и церкви внутри монастыря, монументальным формам крепости, создавая живой и целостный организм.

4. По дорогам Соловецким

От стен кремля начинаются соловецкие дороги, дарящие радость познания острова, уводящие путешественников в глубь лесов, к берегам живописных озер и обычно оканчивающиеся морским берегом. И, конечно, это пути в прошлое, к другим достопримечательностям архипелага. Соловецкие дороги позволяют лучше понять своеобразие возникшей здесь «монастырской цивилизации». Без прокладки дорог трудно представить себе глубинное освоение острова. Множество болот, озер, глухие леса и каменистая почва мешали передвижению по острову, и прошли столетия, прежде чем на месте существовавших ранее ползаросших троп появились первые грунтовые дороги. Они способствовали более полному использованию лесных богатств, устройству в удобных местах сенокосов, рыбных и морских промыслов, возведению уникальной канальной системы.

ПО ОЗЕРНОЙ СИСТЕМЕ. Летописцы не указывают нам конкретно, какие дороги были построены при Филиппе Кольчеве. Но одной из древнейших следует признать дорогу, связавшую монастырь с расположенной в северной части острова Сосновой губой. Она представляет собой глубоко вдающийся в сушу морской залив, являвшийся ранее тихим и удобным пристанищем для морских судов. Ориентиром к ней слу-

жила видимая издалека гора, получившая позже название Секирной. Житийная литература именно Сосновую губу считает местом кратковременных наездов с материка промысловиков. Сюда же вслед за ними пришли первые поселенцы-монахи. Однако близость холодного моря и потребность в питьевой воде к озерной рыбе заставили их отойти в глубь леса и остановиться на берегу большого озера, недалеко от горы. В память их пребывания место, где они жили, стало называться Савватиевом. Спустя столетия и Савватиево и гора не были забыты, а постепенно обстроились, стали местом приложения монастырских трудов и многочисленных посещений. К ним направимся и мы в нашем путешествии.

Секирная гора расположена в одиннадцати километрах от монастыря. Следуя к ней, можно выбрать две дороги. Одна из них пешеходная, почти прямая, проложена среди лесов с редкими выходами на открытые береговые пространства озер. Она подводит непосредственно к горе. Другой путь через два с половиной километра от монастыря выводит к лодочной станции. Отсюда по системе соединенных каналами озер начинается один из самых привлекательных маршрутов — лодочный. Он завершается в некотором отдалении от горы, но путь к ней позволяет ознакомиться с Савватиевой пустыней. Организованные туристические группы обычно объединяют оба маршрута, то есть проходят по своеобразному «кругу». Такой «круг» предлагаем читателю проделать и мы, и выберем для начала лодочный вариант нашего путешествия. Он несколько отвлечет нас от архитектурной тематики, но зато позволит лучше узнать соловецкую природу и уже через нее взглянуть на своеобразие местного строительного искусства. Есть в нем и определенная логика исторических событий — ведь мы будем двигаться к местам первых лет жизни постоянных поселенцев острова, основателей монастыря.

Дорога на лодочную станцию начинается от северной стены монастыря. Мы проходим мимо уже известного нам памятника юнгам, соловецкого причала и, миновав небольшую возвышенность, остаемся на долгие километры в окружении соловецкого леса. По пути любимея причудливыми сочетаниями ели, сосны, березы, рябины. Множество трав, цветов, замше-

Озеро Большой Валдай

лых валунов создают сказочную картину, удивительную для островов среди холодного моря. Иногда среди стволов мелькает сверкающая белизна озер, можно подолгу любоваться их уединенной красотой. Однако вскоре замечаешь, что по их периметру проложены тропы, а часть из них соединена неширокими проточными каналами. Соловецкая природа чутко реагирует на вмешательство в ее мир. Большое количество валуна, тонкий почвенный слой делают особенно хрупким растительный покров острова, отчего десятилетиями не зарастают лесом расчищенные, поврежденные или уничтоженные людьми или пожарами участки. А ведь памятники природы Соловков во многом так же уникальны, как и архитектурные. Они не поражают воображения ни особой величием видов, ни разнообразием флоры и фауны, зато близки нашему восприятию. Удивительно, что

в Приполярье, среди холодного моря, вдруг обнаруживаются пейзажи, знакомые и близкие жителю средней полосы или Сибири. Основное богатство архипелага — леса. Они занимают 60 процентов всех площадей, выполняют важную почвоукрепительную и ветрозащитную роль. А как богаты краски соловецкого леса, особенно осенью! Среди господствующих хвойных лесов на более открытых участках — вдоль дорог, моря, озер — выделяются несколько видов березы и ивы. Растут здесь осина, рябина, ольха, можжевельник. Надпочвенный покров богат ягодниками: черникой, брусникой, вороникой, морошкой. Радует глаз обилие разнотравья и мхов.

Чем дальше дорога уходит от берега, тем слабее сказывается влияние моря и ветра, лес становится выше, гуще, стройнее. Там, где мы видим низкий, худосочный лес, это всегда или результат хозяйственной деятельности человека — вырубки спелого делового древостоя, — или пожаров, на месте которых вырастают, как правило, менее ценные лиственные породы. Помимо местных пород деревьев в лесу можно встретить и искусственно выращенные, привитые монахами породы, такие, как кедр, лиственница, черемуха. И хотя они совершенно нетипичны для этих широт, однако хорошо прижились и даже плодоносят. Заключив наше короткое отступление о местных лесах, приведем цитату русского писателя — путешественника по Северу середины XIX столетия Сергея Васильевича Максимова: «Местность Соловецкого острова — решительный контраст со всеми соседними ей: природа словно огорчилась, истощенная в береговых тундрах и болотах, и, собравши последние оставшиеся силы, произвела на острове новый особенный мир, в котором так всем привольно и так все сродни, знакомо дальнему, заезжему человеку».

Примерно в километре от поселка справа от дороги замечаем указатель и уходящую от него в сторону хорошо протоптанную тропу, которая, изгибаясь, приводит нас к системе озер. Первое встретившееся нам на пути большое озеро называется Даниловским или Питьевым. Его второе название определяет и назначение: непосредственно из этого озера по неширокому, обложенному валуном каналу питьевая вода течет в поселок. Перед входом в канал — небольшая

будка с задвижкой для регулирования стока, а дальше довольно глубокий ров с текущей водой. Сейчас это устройство кажется бесхитрым, но оно надежно и служит уже не одно столетие. Питьевое озеро проточное и присоединено к целой системе больших соловецких озер, тянувшихся на десятки километров. Первое озеро, с которым оно соединено, называется Средний Перт, к нему мы и держим путь. Вскоре после поворота налево замечаем деревянные постройки лодочной станции.

Оживленная, хлопотливая посадка в лодки, вид уходящего вдаль водного пространства, заросших лесом берегов и высоких холмов наполняют ожиданием новых ярких открытий.

Соловецкий архипелаг насчитывает пятьсот шестнадцать озер. Подавляющее большинство их расположено на Большом Соловецком острове, и распределены они неравномерно, в основном в западной, северо-восточной и юго-восточной частях острова. И хотя они относятся к малым по размерам (в основном от пяти до пятидесяти гектаров), количество пресной воды в них значительно. За неимением на островах рек, питаются они за счет атмосферных осадков и поверхностно-грунтовых вод. Своим происхождением большинство соловецких озер связаны с ледником и находятся в разной стадии своего развития. Зарастающие озера, расположенные в районе торфяников, с водой коричневого оттенка, являются старыми; молодой возраст имеют озера на возвышенностях, с прозрачной, светлой, зеленоватого оттенка, водой. Большая часть водоемов находится в промежуточной стадии зрелости. Глубина озер невелика и в среднем колеблется от двух до пятнадцати метров; дно выложено глинами, песками, валуном, илом — в зависимости от происхождения и возраста. И конечно, соловецкие озера привлекают разнообразием формы, причудливыми изгибами берегов, характером растительности на них. На протяжении нескольких часов пути нас окружает изменчивая стихия неба, леса и воды, порой создается иллюзия полной заповедности островов, а путешественник перевоплощается в первооткрывателя.

В конце озера Большой Перт вдоль правого берега при приближении замечаем вешку-указатель входа в канал. Это один из самых коротких каналов в сис-

*Межозерный канал.
Начало XX в.*

теме, но зато отличается шириной, и лодки быстро проходят в соседнее небольшое Круглое Орлово озеро.

Современная канальная система, несмотря на свой архаический вид — выложенные валунами берега, отсутствие связующего раствора и креплений, — датируется сравнительно недавнего времени. Строили ее в начале XX века крестьяне-годовики, обетники под руководством талантливого по части строительства каналов монаха Иринарха. Однако едва ли вызывает сомнение, что проходили они по местам старых, филипповских протоков, которые соединяли кратчайшие между озерами расстояния, а позже были лишь расширены, углублены, обложены валуном. Общая протяженность соединенных озер — двенадцать километров, а каналов между ними — около тысячи шестисот метров. Наиболее характерным для Соловков

каналом является следующий по нашему пути, проложенный из Круглого Орлова в Щучье озеро. Строители не пытались делать каналы широкими и глубокими: основное их назначение — пропускать лодки и небольшие паровые катера, которые подвозили ближе к монастырю лес, сено, наловленную рыбу. Сейчас деревья смыкают свои кроны над головой проплывающих, однако раньше вдоль каналов деревья были вырублены и устроены пешеходные дороги, по ним-то с помощью веревок и протаскивались лодки из озера в озеро. Над каждым каналом был устроен переходной мостик. Не сохранились сейчас и шлюзовые ворота — остаток одного водозатворного устройства можно видеть при входе в Щучье озеро.

Щучье озеро — одно из крупнейших на архипелаге, его площадь пятьдесят пять гектаров (почти такое же по площади озеро Средний Перт). Мы не советуем без экскурсовода, самостоятельно продолжать лодочный маршрут — здесь можно легко заблудиться в заливах, губах, заводях, минуя едва заметные входы в каналы. Тем более что из Щучьего озера выходит и еще один канал, на так называемый Малый круг. Он выводит на озеро Плотичье, откуда проложен пешеходный маршрут на хутор Горка.

Следующий канал (по избранному нами Большому кругу) похож на предшествующий и связан с озером Валдай. В отличие от Щучьего оно имеет меньшее количество заводей и более чем в два раза меньшую площадь. Мы долго плывем вдоль его вытянутых берегов, сравнивая его с озерами Центральной России, Валдайской возвышенности, от которой, видимо, и получило оно свое название. Прогулка по соловецким озерам не утомляет — в пейзажную композицию включаются то ландшафты с дальними планами, то микропейзажи, образуемые мелкими заливами, подступающими к ним лесами, плавно плывут отражения облаков и берега.

Для входа в следующий канал необходимо держаться ближе к правому берегу, так как именно там прорыт фарватер в мелководной части залива. Раньше он был отмечен деревянными барьерами, которые со временем погрузились в воду. При ближайшем рассмотрении они еще заметны в ее толще. Более массивные барьеры мы встречаем при дальнейшем продвижении по каналу. Они также ограничивают его

русло, но когда-то служили своего рода пристанью при разгрузке судов. В прошлом к ним вплотную подходили деревянные помосты, на которые складывались заготовленные грузы. Остатки свай этих помостов можно видеть и сейчас в местах расширения русла.

Проплывая дальше и приближаясь к заключительной части водного маршрута — озеру Красному, мы заметим по сторонам еще один вид гидротехнических сооружений — высокие валунные подпорные стенки на склонах окружающих холмов. Техника безрастворной валунной кладки, применяемая при возведении каналов, указывает на устойчивость использования этого строительного материала на Соловецких островах. За столетия здесь выработались определенные традиции, позволяющие хотя и с большей долей условности, но сравнить неолитические валунные насыпи II тысячелетия до нашей эры с садами XVI столетия, рвы XVII века со стенами каналов начала XX. Конечно, основным условием использования валуна была широкая распространенность и доступность этого дешевого и прочного материала, однако среди стихийной, мало тронутой человеком природы Севера памятники далекого прошлого и более близкие к нам порой удивительно переключаются, создавая иллюзию существования здесь единой древней цивилизации.

Озеро Красное (бывшее Белое) — одно из самых больших на островах, его площадь двести пятьдесят гектаров. Оно имеет множество заливов и губ, а в центре несколько поросших лесом островов. По большому количеству полузатопленных пней можно догадаться, что уровень воды в нем сильно повышен, что произошло после постройки плотины в его северной части. Примерно туда же мы и будем держать путь и вскоре далеко впереди, на высокой, заросшей лесом горе, заметим конечную цель нашего маршрута — белеющий силуэт Секиро-Вознесенской церкви. Приближаясь к горе, оглядываясь по сторонам, невольно радуешься широкой и светлой глади вод, мягкой зелени обрамляющих их лесов, высокому небу. Вид церкви настраивает на исторические размышления о поколениях людей, преобразовавших эту землю, сумевших не только сохранить гармоническую с ней связь, но и украсить ее замечательными сооруже-

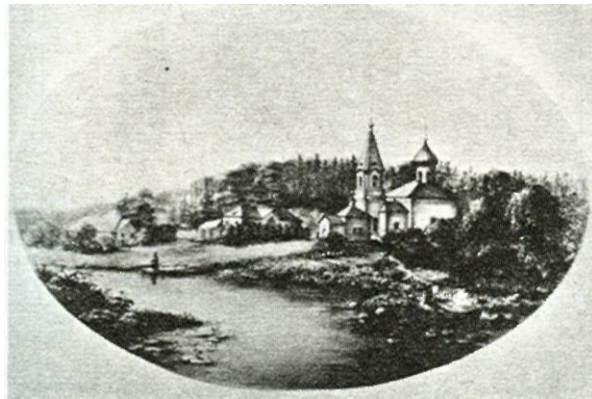
*М. В. Нестеров.
Молчанье. 1903. ГТГ.*

ниями, которые именно здесь, среди заповедной природы Севера, особенно дороги нам. Это единство состояния природы и человека, на фоне творений, созданных им, замечательно передано посетившим эти места М. В. Нестеровым в его пейзаже «Молчанье» (1903, ГТГ). На фоне темного силуэта Секирной горы с церковью наверху и часовней у подножия, розового вечернего неба в торжественном молчании на спокойном зеркале вод застыли две лодки с монахами-рыболовами. В этой «тихой песне Севера» с редкой простотой и жизненностью воспета и «душа» соловейской природы, и душа людей, составлявших с ней некогда единое целое.

От причала прямой пешеходной дороги на Секирную гору нет, и поэтому, повернув направо, мы некоторое время идем вдоль берега Красного озера, преодолевая искусственную насыпанную дамбу, позво-

лившую существенно повысить его уровень. Через несколько сот метров среди леса, на развилке двух дорог, ненадолго остановимся. Та, что идет прямо, не имеет непосредственного отношения к нашему дальнейшему маршруту, но несколько слов о ней сказать следует. Она одна из старейших, начинается от самого монастыря и, продолжаясь еще несколько километров, завершается Сосновой губой. Той самой, на берегу которой впервые высадились Савватий и Герман, где существовала монастырская солеварня, был налажен звериный и рыболовный промыслы, заведены сенокосы. В этом районе, получившем позже название Старая Сосновка, в начале XVII века (на месте «явления» здесь «чудотворной» иконы) была поставлена деревянная часовня. В настоящее время лишь по расчищенному от леса участку местности да по изображениям конца XIX столетия можно судить о месте древнейшего промыслового пристанища. Сейчас мимо него проходит дорога, уводящая вдоль морского берега и через насыпную дамбу дальше на север, где завершается у открытого моря в Новой Сосновке. Во второй половине XIX столетия в ней были построены несколько деревянных промысловых изб, часовня и пристань. Нет сейчас часовни. Избы и амбары сильно перестроены и приспособлены под временное жилье заготовителей водорослей. Определенный интерес представляет валунный амбар и пристань — характерные примеры соловецкой строительной техники.

САВВАТИЕВО. Более интересное продолжение ждет нас на дороге, поворачивающей влево. Проследовав по ней примерно два километра, мы уже в Савватиеве — месте кратковременного проживания первых поселенцев. Выбрано оно не случайно, всего в километре отсюда выход в море — Сосновая губа, а здесь защищенная от холодного морского ветра местность, на берегу сильно вытянутого Долгого, или Савватьева, озера, подходящего почти под самую Секирную гору. «Видевшие же место некое странно и ту поставиша хиз [хижины] свои близ озера мало в далее от моря яко едино поприще и начате преподобные ко трудом труды прилагати», — сообщает старинное житие. Вскоре была возведена и часовня — необходимый атрибут христианских подвижников, куда была по-

*Савватиево.
Гравюра конца XIX в.*

ставлена привезенная Савватием икона Пресвятой Богородицы.

До середины XVIII столетия пустынь имела мемориальное значение, лишь изредка навевались в нее монахи-отшельники. В 1757 году мы узнаем о покрытии кровли и снабжении образами старой часовни, устройстве новых келий «с сенми и полатями», строительстве пристани, свидетельствующих о хозяйственном ее использовании. Спустя два года была построена еще одна изба с сенями, новая конюшня и вычищена дорога, связавшая пустынь со старой Исаковской дорогой на монастырь. По наличию в пустыни настоятельских келий можно судить о кратковременных наездах туда соловецких архимандритов.

Экономическое использование Савватиева наиболее четко проявилось в XIX столетии. Летом здесь временно проживали рыболовы и сенокосцы. Постепенно

*Савватиево.
Общий вид.
Вторая половина
XIX в.*

территория лугов увеличивается, в заболоченных местах устраивается дренажная система, создается огородное и парниковое хозяйство. Для жительства прибывающих паломников строится вместительная гостиница, для работников и братии — жилые корпуса. На впадающем в озеро канале возводится монументальная валунная баня, а в стороне у дороги — каменная конюшня. Наиболее крупные сооружения скита появляются во второй половине столетия. В 1858-м — 1860-х годах недалеко от старой деревянной часовни в память о спасении обители от нападения англичан в кампанию 1854 года строится каменная церковь Смоленской Божьей Матери. Автором этой постройки был немало поработавший на монастыре архангельский губернский архитектор Шахларев. В основу объемно-пространственной композиции и декоративного решения храма положены

эkleктически понятые формы древнерусского зодчества. Квадратный объем церкви завершается простой четырехскатной кровлей, над которой в прошлом возвышался барабан с шлемовидной главой. С востока к храму примыкает большое полукружие апсиды, а с запада — небольшой притвор с традиционного вида колокольной (сейчас не сохранившейся). В непротивительности внешнего вида памятника, напоминающего о прошлых временах была своя логика, но она вскоре была нарушена пристройкой к притвору в 1886—1890 годы массивного двухэтажного корпуса. Он возводился каменщиками из Великого Устюга по законам жилой архитектуры своего времени: с аккуратной техникой кирпичной кладки и однообразной повторяемостью плоской фасадной декорации, четким ритмом вертикальных членений.

В конце столетия на территории пустыни были

*Савватиево.
Баня. XIX в.*

построены еще два жилых «братских» корпуса. Один из них в полуразрушенном состоянии стоит и по сей день. Большое количество жилья в пустыни было связано не столько с числом монахов (обычно десять-пятнадцать человек), сколько с множеством приезжавших сюда на лето работников и гостей. Объединив в себе мемориальные и хозяйственные задачи, пустынь из-за большого объема строительства отчасти утратила художественное лицо, тонкую связь с окружающей природой. Среди существующих ныне зданий, пожалуй, скромные валунные баня да руины конюшни не лишены естественности и архитектурной выразительности. Полного восстановления заслуживает здание церкви — характерный памятник эпохи, своеобразный мемориал, напоминающий о ранних страницах соловецкой истории.

В период Великой Отечественной войны на террито-

*Савватиево.
Общий вид с юга*

рии Савватиева размещалась Школа юнг Военно-Морского Флота. В отремонтированных двух больших корпусах находились классы, штаб и помещения для командно-преподавательского состава. В качестве жилья использовались выстроенные самими же юнгами землянки-кубрики. Свыше четырех тысяч мотористов, электриков, радистов, боцманов, рулевых выпустила за три года соловецкая Школа юнг.

Привлекателен пейзаж в Савватиеве. После монастырского поселка ансамбль Савватиева в прошлом наиболее обжитой и ухоженный участок острова. После глухой лесной дороги открывается широкий многоплановый пейзаж с видом на луга, большие водные пространства, памятники архитектуры. Панорамы радуют обилием света, сочными запахами луговых трав. Отсюда же открывается живописный вид на самую высокую точку острова — Секирную гору.

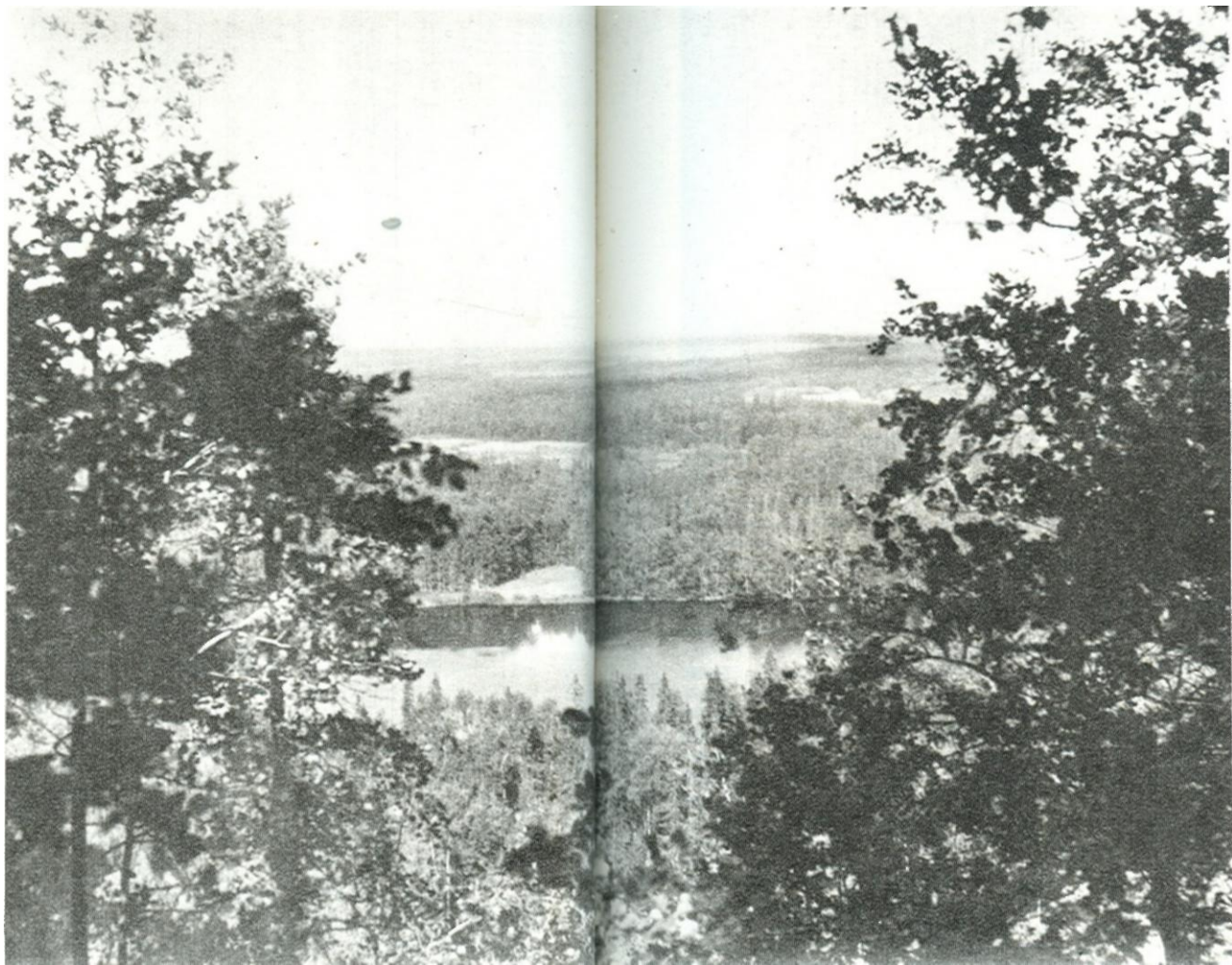

*Секирная гора.
Общий вид*

*Секирная гора.
Церковь Вознесения.
1862*

СЕКИРНАЯ ГОРА. На ней, в полутора километрах от пустыни, согласно легенде, была высечена ангелами жена рыбака, собиравшегося поселиться на острове. Поступок ангелов дал горе название, а изгнанием семьи рыбака утверждалось «свыше» право монахов на владение островами. Долгое время, овеянная легендой, она не привлекала внимания братии. Лишь в 1857 году, после отражения английского нападения, в период строительного подъема, связанного с увековечением исторических подвигов обители, монахи обращаются с просьбой о строительстве на горе Вознесенской церкви. Как и храм в Савватиеве, сооружение было возведено по проекту архитектора Шахларева и полностью завершено в 1862 году". Восьмигранный столпообразный храм в первом ярусе имел теплый придел, во втором — холодную церковь, в третьем — барабан-колокольню с четырьмя откры-

Вид с Секирной горы

Секирная гора.
Валунная баня.
Середина XIX в.

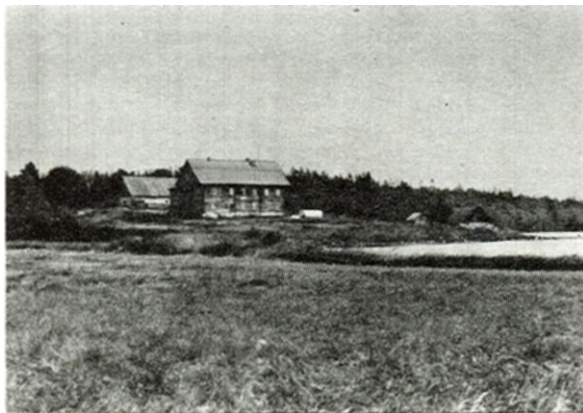
тыми проемами звона. Завершается здание покрытой лемехом главой с легким стеклянным фонарем маяка (задуманного с самого начала) и венчающей его небольшой главкой, возвышающейся от основания церкви на тридцать метров. Высота же от подошвы горы до верхней точки храма около ста метров.

Венчая вершину горы, храм имеет четко выраженную вертикальную ориентацию объема, чему способствуют скосы по диагоналям основных фасадов, угловые лопатки, отсутствие алтарного выступа и высокий третий ярус. В общем композиционном решении памятника, видимо бессознательно, архитектором воспроизведена идея храма «под колоколы», известная по ряду сооружений XV—XVI веков. Разностил декор здания: килевидные обрамления арочных окон навеяны элементами древнерусской архитектуры, карнизы — классической. Типичен для Соловков

мощный валунный цоколь. Большие окна хорошо освещают здание, своды которого опираются на два столпа. Вход в церковь — с западной стороны, где в притворах устроены лестницы, ведущие через колокольню на маяк. Последний неоднократно ремонтировался; в 1904 году для увеличения мощности керосиновых ламп в нем установлена французская линза. Вместе с современной тысячеваттной электрической лампой служит она и сейчас, видимая в ночное время с расстояния около шестидесяти километров. Отсюда же открываются волнующие панорамы на остров с его почти сплошным массивом леса, заросшими болотами, сверкающими озерами, далекой полосой моря и почти несмолкаемым шумом ветра, без которого трудно представить себе просторы Севера.

Не менее замечательный вид открывается и со старой смотровой площадки у основания церкви (ранее имевшей ограждение и навес) в северо-восточную сторону острова. Лесистый склон горы резко уходит вниз и там переходит в широкую равнину, упирающуюся у горизонта в узкую линию морского побережья. За расплывчатыми контурами Сосновой губы и светлым пятном савватиевского луга встают в воображении глухие тропы первопроходцев и их утлые жилища.

Время изменило эту местность. Места скромного жилья монахов превратились в конце XIX столетия в объекты массового паломничества, демонстрирующие богатство, славу и деловой размах монастырской жизни. Двухэтажный деревянный дом для пяти-шести монахов и приезжающих гостей был поставлен и на Секирной горе к западу от церкви. Аккуратно обшитый досками, он наиболее представительно выглядит с западной стороны, откуда, огибая его, шли приезжие. На центральной оси дома находился фронтон, крытый балкон и трехчастное окно. К северу от дома была построена конюшня, а на склоне горы — обычная для Соловков валунная баня и колодец. В целом скит имел весьма живописный и ухоженный вид — с добротными постройками, выложенными камнем тропами, подпорными стенками, садом и огородом. Хорошо устроенная дорога обходит часть горы внизу и постепенно поднимается вверх. Постройки открываются взору путника не сразу, достигая наибольшей выразительности у высокого здания церкви.

*Общий вид пустыни
XIX в.*

От подножия горы начинается дорога южного направления, ведущая в сторону монастыря. Следуя по ней, оборачиваясь, мы еще долго будем видеть стройный белый объем Вознесенского храма. Через несколько сот метров слева перед озером свернем на дорогу, за мягким изгибом которой постепенно раскрываются поросшие густой травой луга, голубизна озера, стоящие на возвышении памятники архитектуры.

ИСАКОВО. Исаково — древнейшая пустынь Соловецкого острова. Одна из записей в приходно-расходных книгах монастыря указывает, что еще в 1666 году здесь был сенокос. Однако возникла она, возможно, и раньше, еще при Филиппе, прокладывавшем первые дороги в сторону морских пристанищ, недаром она занимает промежуточное место между Сосно-

*Исакова.
Баня на берегу озера.
Конец XIX в.*

вой губой и монастырем. Видимо, еще в XVII столетии существовала в пустыни деревянная часовня в честь Исаакя Далмацкого, давшего название летнему поселению и озеру.

Важное хозяйственное значение Исаково приобрело в XVIII столетии. В 1752—1753 годах по пути из монастыря в пустынь вычищена была дорога «и камень выбрано и по сторонам покладено и мосты замощены», а вдоль нее поставлено десять верстовых столбов". В середине столетия в Исаковском и прилегающих к нему озерах и каналах располагалось большое количество рыболовных заборов с вершами. «А ходят оне рыболовы для выимки из верш рыбы по половины, на первый день одну половину, а на другой — другую», — сообщают рукописные документы. Озерная рыба: окунь, плотва, щука — была существенной прибавкой к монастырскому столу.

*Исакове.
Валунный амбар.
Конец XIX в.*

В начале XIX века на территории пустыни помимо часовни стоял двухэтажный Келейный корпус со службами. Сохранившиеся сейчас монастырские здания относятся к более позднему времени. Среди них выделяются две валунные постройки: одна из них, у озера, видимо, использовалась под баню, другая, расположенная на возвышении, — под складской сарай. Они близки по размерам и завершаются высокими двускатными кровлями, образующими по торцовым стенам стройные деревянные фронтоны. Достоинство построек подобного типа — в их масштабной соразмерности человеку, в простых и ясных пропорциях, в особом художественном впечатлении, создающемся из сочетания нерегулярной валунной кладки с классическими по очертаниям фронтонами. Традиционная побелка каменных частей здания не лишает их пластичности, а мягкая фактура дерева

придает теплоту, свойственную памятникам народного зодчества. Оба сооружения удачно расположены в пространстве: одно из них венчает высокую точку местности, другое — живописно отражается в водах озера.

Недалеко от берега стоит двухэтажный деревянный жилой дом для трудников, построенный в 1834 году. Прямоугольный в плане, он составлен из двух частей — шестистенка и прирубленного к нему позже с севера пятистенка. Более старую часть выделяет толщина бревен, достигающая пятидесяти сантиметров. Несмотря на позднюю кровлю и значительную перестройку внутренних помещений, здание дает общее представление о типе жилых деревянных построек в соловецких пустынях. Многие старые хозяйственные сооружения Исакова не сохранились до нашего времени, а построенные в недавнее время выглядят инородно и не украшают пустыни. Давно нуждается в ремонте обветшавшая баня, по существующим описаниям и изображениям может быть воссоздана часовня, которой так не хватает для поэтического облика всего ансамбля.

В Исакове завершается круг, связывающий дорогами три интересных мемориальных и хозяйственных комплекса Соловецкого острова. Теперь, вернувшись назад или пройдя вдоль берега к югу, мы выходим на дорогу, ведущую к монастырю. Отсюда можно последний раз полюбоваться торжественно возвышающейся над горой церковью Секиро-Вознесенского скита — в противоположной от нее стороне продолжение нашего маршрута. Из всех соловецких дорог эта наиболее широка и благоустроена, так как сравнительно недавно ремонтировалась, но в остальном мало чем отличается от других, проложенных среди лесов, в обход встречных холмов, озер и болот.

ХУТОР ГОРКА. Не доходя примерно трех с половиной километров до поселка у Хуторского озера (или Большой Перт), свернем налево, к бывшей Макарьевой пустыни. По свидетельству ее основателя — архимандрита Макария, она построена в 1822 году за озером Перт, при ней находятся две отдельно стоящие пустынные кельи — одна для настоятелей, временно сюда уединившихся, и другая для монашествующей

*Хутор Горка.
Лиственничная аллея*

братии, иногда здесь проживавшей. Позже на основе устроенного здесь воскобелильного завода были оборудованы оранжереи и парники с подземным подогревом почвы, где, по словам очевидцев, вызревали арбузы, дыни, огурцы, персики. В конце столетия благоприятные климатические и почвенные условия позволили устроить здесь ботанический сад, в котором было акклиматизировано довольно большое количество растений, и среди них яблоня Паласса, ирга колосистая, сирень венгерская, роза морщинистая, желтая акация и другие. Акклиматизационные и сортоиспытательные работы продолжались и в советское время, а бывшая пустынь получила название — хутор Горка.

Из подсобных помещений бывшего воскобелильного завода сохранился лишь валунный погреб-ледник для хранения продуктов. За исключением лицевого фасада

*Хутор Горка.
Валунный амбар.
Середина XIX в.*

с проемами, вся остальная часть его засыпана землей, задренована и производит впечатление руины. Стоящее перед ним ладно скроенное деревянное здание относится к 20-м годам XX века и стоит на месте старого деревянного корпуса.

Выше бывшего завода, на горе, справа, в 1854 году архимандритом Александром была поставлена часовня в честь Александра Невского (в память об отражении нападения английской эскадры). В своем современном состоянии она мало чем напоминает памятник прошлого. Восполнить ее облик позволяет описание 1866 года: «...четыреугольная снаружи и внутри обита тесом и окрашена масляными красками, на ней крест деревянный, восьмиконечный, окрашен желтою краскою. Глава покрыта железом, а крыша тесом и окрашена зеленою краскою. Вокруг главы устроены перила в виде балкона, для входа снизу

*Хутор Горка.
Александровская
часовня. 1854*

*Хутор Горка.
Поклонный крест.
XIX в.*

лестница деревянная, все раскрашены масляными красками»⁷⁴. Рядом с часовней стоял высокий деревянный крест. Он не сохранился, но похожий на него стоит на горе с противоположной стороны. Почти десятиметровый восьмиконечный крест установлен в деревянном крытом срубе, заполненном булыжником. Обычно такие кресты ставились для поклонения или по обету, но на Соловках часто играли роль ориентиров в пространстве, отмечали памятные места.

Аллея сибирских лиственниц (посадки 1933 года) постепенно выводит на вершину холма с расположенным на ней двухэтажным домом-дачей архимандрита. Здание выстроено в 60-е годы XIX века из привозной лиственницы. С лицевого и заднего фасадов оно имеет большое количество окон, прямоугольных, со ставнями внизу и сдвоенных сверху. Центральная фасадная часть выделена тройным окном

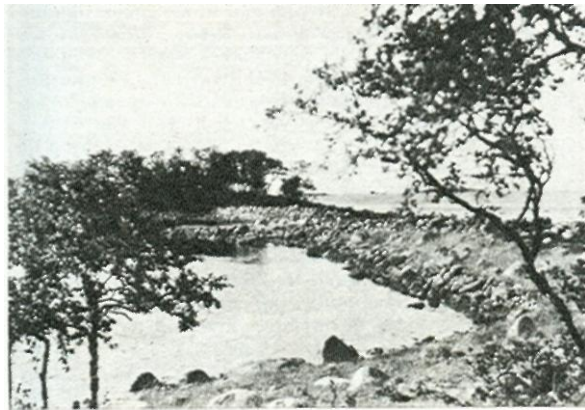

*Хутор Горка.
Дача архимандрита.
Середина XIX в.*

и мезонином, с которого открывается вид на расположенный в четырех километрах монастырь. Внутренняя планировка комнат продуманна и удобна, сохранились старые печи, винтовая лестница. В настоящее время здание используется для музейных целей. Показ достопримечательностей хутора Горка входит в специальную пешеходную экскурсию, начинающуюся от Соловецкого монастыря, в сторону которого мы теперь и проследуем.

ФИЛИППОВСКИЕ САДКИ. Примерно через два километра по правой стороне дороги между деревьями откроется один из интереснейших водоемов архипелага — Филипповские садки. Они названы в честь инициатора их устройства — игумена Филиппа Колычева, который «два пруда на море делал, людей

*Филипповские садки.
Середина XVI в.*

от себя наинмвал и монастырские люди поделали и хлебы были монастырские»¹. Пруды предназначались для разведения и содержания выловленной в море рыбы, которая по мере необходимости быстро доставлялась в монастырь к столу. Погода не всегда благоприятствовала рыбной ловле и уже в XVI столетии заставила монахов позаботиться о ее запасах впрок. Садки располагались по берегу моря и отделялись от него валунными дамбами, через которые происходила фильтрация морской воды. Использовались они, видимо, продолжительное время, так как на одной из карт начала XIX столетия они названы прудом для свежей трески. В настоящее время наиболее заметны дамбы большого пруда, состоящие из нешироких (один-два метра), но длинных валунных перемычек. Наибольшая из них, длиной сто пятьдесят метров и высотой два с половиной метра, отделя-

ет пруд от моря. Другая, гораздо ниже, перегораживает пруд посередине, отделяя более глубокую его часть от мелкой. Остатки перемычек расположенного рядом малого пруда сейчас едва заметны. Все дамбы в настоящее время сильно разрушены, а пруды в связи с происшедшим в течение четырех столетий поднятием суши сильно обмелели. Строительство садков на Соловках — явление уникальное, свидетельствующее о разносторонности, целенаправленности и высоком уровне воздействия людей на природу. Сохранение и изучение их — задача чрезвычайной важности, так как именно в последние десятилетия нанесен наибольший ущерб их состоянию. Мало что действует на человека более удручающе, чем умирающие от времени и равнодушия памятники древней культуры и техники.

«ПЕРЕГОВОРНЫЙ КАМЕНЬ». От садков уже недалеко до поселка: слышен шум работающих механизмов причала, рев двигателей машин, редкие звуки сирен, которые живо напоминают о причастности соловецких памятников к современной жизни. После водных и лесных дорог вновь удивляет масштаб монастырских зданий, к которым трудно привыкнуть даже после неоднократного и долгого с ними знакомства. Но соловецкие дороги манят новыми открытиями, и, продолжая наше путешествие, проследуем в южную от монастыря сторону, куда ведет дорога на расположенный в десяти километрах мыс Печак. Она сравнительно поздняя и появилась не ранее XIX столетия, когда на вдающемся в море возвышении была поставлена скромная промысловая изба. Сейчас это местами заросший «танцующей» березой, частью покрытый травой песчаный мыс, по сторонам которого привольно дышит море, раздаются крики чаек, шумит неугомонный северный ветер. Среди туристов особенно популярна начальная от монастыря часть пути, проложенная недалеко от моря и омываемая небольшой залив под историческим названием . Кислая губа. С противоположной, левой стороны дороги, то в отдалении от нее, то выходя на самый край, расположены красивейшие Лопские озера — ближайшие к монастырю лесные водоемы, соединенные с морем проточными каналами. Пройдя

«Переговорный камень».
Середина XIX в.

около двух километров и свернув на развилке вправо, мы выходим на невысокий, но крутой берег, у подножия которого на земле лежит едва заметная плита — исторический памятник с загадочным названием «Переговорный камень». Загадка раскрывается вскоре же по прочтении надписи на его гладкой поверхности: «Зри сие. Во время войны Турции, Франции, Англии, Сардинии с Россией здесь был переговор настоятеля архим. А. с английским офицером Антоном Н. 22 июня, в среду в 11 час. до полудня по записке начальника неприятельской военной эскадры в Белом море, требовавшего от монастыря быков (записка представлена свят. Синоду). После переговоров, благополучных для обители, настоятель возвратясь в монастырь в 1 час дня, служил в тот день в Успенском соборе литургию и молебны; служба кончилась в 4 час. В ту неделю 3 дня пост строгий был в обители

и скитах и господь в это лето не допустил воюющих нарушить иноков покой, как без милосердия они поступили в 1854 г. А. А.». Благополучный исход переговоров состоял в отказе архимандрита Александра выдать в распоряжение английской эскадры, нуждавшейся в свежем провианте, монастырский скот, после чего военные суда ушли в море.

У «Переговорного камня» посетители любят остановиться, присесть на прибрежные валуны, послушать плеск волн, окинуть взором морские дали с «плывущими» по ним дальними островами. Удивительной представляется Соловецкая земля, где так органично сплетены история и природа, политика и искусство, материальный мир и его духовная наполненность.

Далеко не все сооружения уцелели на Большом Соловецком острове. Вдоль изрезанных заливами берегов моря стояли многочисленные избы солеваров и промысловиков, на берегах лесных озер — срубы рыболовов и сенокосцев, в лесной чаще — пещеры отшельников, у дорог и памятных мест — часовни, церкви, жилые комплексы. Многие из них стерты временем, но и те, что уцелели, являются незаменимыми памятниками, раскрывающими существенные стороны культуры русского Севера. Но не только памятниками Большого Соловецкого острова ограничивается наследие Соловков. Много оригинальных сооружений прошлого встречаем мы на соседних островах. Некоторые из них — своеобразные микрозаповедники, хранящие памятники редкой ценности, значение которых еще не в полной мере осознано нами.

5. Большой Заяцкий остров

Большой Заяцкий остров невелик. Он расположен в двух с половиной километрах на запад от Большого Соловецкого острова и в пяти километрах от монастыря. Отойдя от Соловецкого причала, морской катер, избегая мели, минует прикрывающие бухту Благодолучия небольшие островки. Среди них своими размерами выделяется так называемая Бабы луда — участок суши, где в прошлом располагалась женская гостиница. В старые времена женщинам запрещалось жить близ монастыря и лишь на службу специальные лодки переправляли их в обитель. Сейчас на островке стоят современная навигационная вышка да небольшая ветхая изба.

Огибая луду и удаляясь в море, в стороне монастырских построек можно увидеть две полуразвалившиеся валунные насыпи, взятые в деревянный кожух, — остатки навигационных знаков, указывающих кратчайший и безопасный путь в бухту. Подобные валунные кучи были устроены еще Филиппом Колычевым и венчались установленными в них высокими крестами. За последние триста лет уровень суши существенно вырос и старый пролив обмелел и стал несудоходен даже для лодок.

Море всегда представляло угрозу для живших рядом с ним людей. Даже скупой на частные события Летописец Соловецкий сообщает о разбитых бурей пятнадцати ладях, груженных известью для строи-

тельства Преображенского собора. Погибло много людей. В память о них был построен на Онежском берегу Пертоминский монастырь. Но гораздо больше мореходов исчезло в пучине вод бесследно. И все же Белое море было привычной стихией для жителей Поморья. Уже житийные источники свидетельствуют о зимних передвижениях по нему, сообщали Соловки с материком и в распутицу. Для этого шились специальные лодки, кормщики которых, учитывая дрейф льдов, то вели суда по открытой воде, то тащили их волоком через льдины. Конечно, такие рейды были редкими, но и они убедительно свидетельствуют о смелости и мужестве жителей Севера, их приспособленности к жестоким условиям окружающей природы.

Глубина Белого моря в районе Соловецких островов невелика, со сложным рельефом дна, состоящего из впадин, мелей, подводных камней, небольших, выступающих над водой гряд камней — луд. Навигация осложняется колебаниями уровня воды, связанными с приливно-отливными течениями, составленными здесь один-полтора метра, с периодом, равным двенадцати часам двадцати пяти минутам.

Растительный и животный мир моря уникален. В Белом море уживаются как холодолюбивые виды, так и теплолюбивые. К последним можно отнести и морские водоросли. Сейчас они имеют для Соловков промысловое значение. Из множества известных здесь видов используются три: анфельция, фукус и ламинария. Первая из них, наиболее ценная, напоминает темно-малинового цвета мю и используется для приготовления агар-агара, применяемого в основном в кондитерской промышленности. Фукус — желтоватого цвета куст, растет на мелководье и имеет на концах ветвей характерные поплабочки, удерживающие их на плаву. Он добывается для производства кормовой муки. Морская капуста, или ламинария, — темно-зеленого цвета и наиболее значительна по размерам (до нескольких метров) — после переработки используется в пищевой промышленности и фармакологии. Ее часто можно видеть развешенной для просушки на специально приспособленных вешалах. По мере высыхания она приобретает светло-желтый тон и отдает терпким запахом моря.

В Белом море насчитывается шестьдесят видов рыб, но основные — это сельдь, навага, треска, камбала,

корюшка, морской окунь, зубатка. Наибольшую ценность представляет проходная рыба — семга. Особо следует отметить соловецкую сельдь, отличающуюся от обычной беломорской большим размером, жирностью, нежным вкусом. Местные монахи хорошо знали ее ценность и в больших количествах отлавливали. Из морских млекопитающих здесь встречается достигающая шестиметровых размеров белуха. Живут в море и два вида тюленей: нерпа и морской заяц, причем нерпа гораздо меньше морского зайца, имеющего вес до трехсот килограммов. Во время размножения в море заходит большое количество гренландского тюленя, имевшего в прошлом большое промысловое значение. Обилие здесь необходимого для питания и прочих нужд зверя способствовало в прошлом раннему заселению Соловецких островов. Следы древних стоянок первобытного человека ожидают нас на конечном пункте нашего морского путешествия — Большом Заяцком острове.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ. Подплывая к валунному причалу острова, не будем спешить осматривать стоящие рядом с ним средневековые памятники (мы к ним еще вернемся), а пройдем немного вглубь острова и остановимся недалеко от хаотичных на первый взгляд каменных груд и валунных выкладок.

После большого, укрытого лесом Соловецкого острова Заяцкий выглядит беззащитным перед ветром. На нем преобладают низкие корявые стволы «танцующей» березы. Значительные участки покрыты камнями и низкой стелющейся растительностью. Неожиданными и будто случайно уцелевшими памятниками прошлой жизни выглядят сохранившиеся сооружения. Они относятся к двум культурам — первобытного общества и средневекового христианского. Заяцкий остров — богатейший заповедник археологических памятников. Как нигде у нас в стране, здесь, на небольшой территории, представлены десятки загадочных «лабиринтов», каменных груд и других неолитических выкладок.

Чем раньше земля становится объектом человеческой деятельности, тем больше загадок она хранит для исследователей. Неолитические сооружения на берегах архипелага — одна из загадок археологии.

*Большой Заяцкий остров.
«Лабиринты» II—/ тыс.
до н. э.*

Большинство из них представляют собой так называемые «лабиринты» — невысокие (до 40 см) закругленные наземные сооружения, выложенные из небольших по размерам булыжников, по форме напоминающие спираль. За сложность и замысловатость их извивающихся линий, создающих запутанный, хотя в целом и организованный рисунок, они и получили свое название. Характерно, что «лабиринты» имеют один вход и выход. Следуя по дорожке между камнями, человек, не пересекая барьера, через некоторое время выходит на то место, откуда он начал движение. Подобные памятники помимо Соловецких островов, где их особенно много на Большом Заяцком острове, встречаются в Карелии и Мурманской области, в странах Северной Европы — Финляндии, Швеции, Норвегии, свидетельствуя о единых истоках культуры племен, заселявших эти территории.

С начала прошлого столетия русские ученые пытались разгадать тайну соловецких «лабиринтов» — их происхождение, датировку, назначение. Местное население из-за незатейливости и запутанности рисунка называло их «вавилонами», связывая их со святилищами идолов, сооружениями в честь богов.

В начале XX столетия впервые была сделана попытка связать «святые места» с другими каменными сооружениями, расположенными рядом с «лабиринтами», — курганами, дольменами. Наиболее плодотворный вклад в изучение «лабиринтов» внесли советские ученые, однако и по настоящее время нет единства мнений о назначении этих сооружений. Так, есть предположение, что «лабиринты» в комплексе с грудами камней были священным местом, связанным с заупокойным культом предков древних финских племен. Каменные груды при этом служили местом погребения, а в «лабиринтах» должны были заблудиться души умерших в случаях нежелательного для родственников посещения. Существует мнение о культово-промысловом назначении «лабиринтов», которые располагаются в прибрежной зоне вблизи морских тоней и их структура напоминает ловушки для рыбы. Отсюда следовало, что они сооружались с целью обеспечения удачного рыбного промысла. Современные исследователи соловецких «лабиринтов» пришли к выводу о пространственной и функциональной связи «лабиринтов» с каменными курганами. При разборке ряда курганов на Большом Заяцком острове были обнаружены следы захоронений и отдельные орудия труда. Данные находки позволили высказать мнение о существовании здесь протосаамских святилищ, состоявших как из сооружений культово-промыслового назначения («лабиринты»), так и погребального (каменные курганы), относящихся ориентировочно ко II—I тысячелетиям до нашей эры. В 1975 году на острове Большая Муксалма недалеко от моря была обнаружена дюнная стоянка, давшая значительное количество кремневых наконечников стрел, нуклеусов, ножей, скребков, отщепов. На основании анализа керамики с гребенчатой орнаментикой удалось установить дату — вторая половина II тысячелетия до нашей эры. Исследования неолита Соловецких островов продолжаются и в настоящее время.

Раннее заселение Соловков не означало, что они стали местом постоянного обитания приморских племен. В условиях дальнего Севера при примитивной технике каменного века использоваться они могли лишь в летнее, удобное для судоходства время. Отсутствие четких хронологических рамок бытования известных памятников препятствует установлению границы между неолитической и средневековой культурой. Не исключено, что первобытные святилища использовались беломорскими племенами и в I тысячелетии нашей эры и даже позже, вплоть до появления на побережье Белого моря первых новгородских данников, «промышленных» людей и миссионеров, постепенно внедривших здесь феодальные отношения и новые, христианские верования.

Значительное количество сохранившихся неолитических памятников свидетельствует о терпимости монахов к непонятным для них языческим сооружениям. Но утверждались и новые символы. Символы христианства — кресты не только были способом самоутверждения христианских поселенцев, но и символом их бедствий и утрат. Еще при Филиппе Колычеве множество деревянных крестов стояло здесь на каменных насыпях в память о людях, погибших в море или в тяжелой борьбе сумевших избежать морской катастрофы. До начала XX столетия обетные и поклонные кресты, сменяя друг друга, были характерным мотивом пейзажа Заяцкого острова, свидетельствуя о сложных и трагических судьбах людей, обживавших эти места.

ГАВАНЬ. Монастырские сооружения острова сосредоточены на небольшом участке в его северо-западной части, на месте, прикрытом от морского прибой соседним Малым Заяцким островом. Организация становища на острове всего в пяти километрах от монастыря лишь на первый взгляд кажется случайной. В XVI столетии скромных размеров морские суда, следуя к монастырю, в течение многих часов находились в море и, при быстрой смене погоды на Севере, часто попадали в шторм, относились в сторону ветрами и течениями. Заяцкий остров был первым прибежищем по пути следования от Двинской земли и Летнего берега Онежского полуострова к Карельскому бе-

*Большой Заяцкий остров.
Гавань, палата и поварня.
Середина XVI в.*

регу. Возможно, что в XVI столетии пристанище служило своеобразным препятствием на пути нежелательных посетителей. Неоднократно здесь бывали иностранные корабли — английские, нидерландские, датские, в период Соловецкого восстания останавливался отряд царских стрельцов. После пребывания в 1702 году Петра I значение острова возрастает — он становится памятным. В середине XIX столетия, во время нападения англичан, на нем было разграблено монастырское имущество. Восстанавливался Заяцкий (Андреевский) скит с характерной для того времени широтой, так что к концу столетия напоминал небольшой поселок, хотя по штату там числился всего один монах. В настоящее время сохранились немногие, но наиболее древние и интересные сооружения острова. Уже запись в старинном «сказании» указывает, что при Филиппе здесь была построена «пала-

та каменная с предсением, да поварня поставлена каменная же, источники ископа и проведе вод живых рекеше ключевых на прожитие... Да туте же в Заяцких игумен Филип строил становище близ палаты». От старой, имеющей форму вытянутого прямоугольника палаты в настоящее время сохранилась лишь нижняя часть. Видоизменена форма окон, отсутствует первоначальный свод. Из Описи 1705 года мы узнаем, что кровля была двускатной тесовой «с зубцами»⁸². Для утепления помещения по традиции при палате устроены сени. Небольшое, лаконичное по силуэту здание крепко покоится на земле, составляя единое целое с окружающим ландшафтом, чему в значительной мере способствует использование при строительстве природного булыжника. По существу, это одна из самых ранних валунных построек на острове, явившаяся образцом для многих других. Расположенная к югу поварня также выложена из валуна, ее размеры меньше, мельче булыжник, тоньше стены. Однако и эта скромная постройка, несмотря на значительные утраты, привлекает внимание живописной красотой валунной кладки, сопричастностью к событиям далекого прошлого.

Самое уникальное сооружение острова филипповского времени — валунная гавань. Она расположена на мысу к югу от палат. Трапезиевидной формы водоем, с размером сторон сорок (северной), двадцать (восточной), тридцать шесть (южной) и четырнадцать (западной) метров, с трех сторон ограничен валунными дамбами, широкими внизу и постепенно сужающимися кверху. С северной береговой части гавани между грядами камней устроено пять различной длины и ширины углублений для стоянки судов, а с противоположной стороны для них устроен четырехметровый проход. Размеры гавани позволяли укрываться в ней как сравнительно крупным грузовым судам, так и мелким промысловым. Посетивший в 1789 году Соловки русский путешественник А. И. Фомин так описывает ее особенности: «Гавань сия есть дело природы, но устроение вымысла и приложения человеческого. Сказывают, выстроил ее один черноризный монастырский отшельник, который, как видно по устроению, при трудолюбии и силе, обладал натуральною механикою. Под боковые ее стены, как видно, натура устроила две каменные гряды, протя-

гающиеся от берега в пролив онаго дна морского и взваливала их в стены»⁸³. Из сказанного здесь лишь легенда о черноризном монахе вызывает недоверие. Старый летописец сообщает, что гавань, как и палаты с поварней, строили «люди монастырские да игумены наймиты». Известна и запись, сделанная Филиппом на стоявшем здесь кресте, которая призывала приезжих, чтобы они «по силе своей камень же носили бы на заднюю сторону становища на угол от моря, для того чтобы волнами морскими не располоскало». И все же время не пощадило гавани. Морские волны и особенно лед припая постепенно разрушали ее; из-за поднявшейся за столетия суши и падения камней обмелел фарватер. Однако основные архитектурно-строительные особенности гавани сохранились. Уютной и желанной выглядит она среди окружающей суровой природы, свидетельствуя о строительной мудрости соловецких поселенцев, отваге ходивших в море людей.

ЦЕРКОВЬ АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО. В августе 1702 года происходит одно из самых ярких событий в истории острова: его посещает Петр I и дает распоряжение о строительстве деревянной церкви в честь своего небесного покровителя — Андрея Первозванного. Быстрота, с какой она была возведена (между 10 и 30 августа), с учетом того, что дерево заготавливалось загодя, указывает на то, что ее завезли на остров в готовом, но разобранном виде. Одновременно с ней прибыли иконостас и прочая утварь. Известно имя строителя — дворцового уставщика Ивана Стефановича Торжнева. Характер архитектурных форм памятника также свидетельствует о близости церкви к кругу московских памятников.

В настоящее время церковь Андрея Первозванного представляет собой трехчастный объем с выделяющейся центральной кубической частью (собственно храм) с примыкающими к нему с запада папертью и с востока пятигранным алтарем. Повышенный четверик завершается четырехскатной кровлей с небольшим восьмериком барабана, луковичной главкой и крестом. Простым и четким силуэтом церковь хорошо «читается» на фоне пустынного пейзажа острова, а пластичностью форм и теплотой фактуры дерева

*Большой Заяцкий остров.
Церковь Андрея
Первозванного. 1702*

контрастирует с соседними каменными сооружениями.

Современный вид Андреевской церкви далеко не полностью соответствует первоначальному облику. В ней отсутствуют окружавшая храм северная и южная крытые галереи, не сохранилось древнее крыльцо и старое завершение кровель, что, несомненно, обогащало композицию здания. На фасадах видны остатки поздней обшивки сруба, пусты интерьеры. По своему типу церковь относится к упрощенному виду ярусных храмов, распространенных в прошлом на территории, прилегающей к Москве. В качестве близких аналогий можно назвать храм из села Семеновского, Пушкинского района (1674 г.)⁸⁵, и Николая Чудотворца из села Васильевского, Серпуховского района (1682 г.)⁸⁶. Все три церкви имеют одинаковую композицию объемов с аналогичным решением руб-

ленного «в лапу» пятигранного алтаря и «в обло» самого храма и паперти. Сходна трактовка завершений храмов. Некоторые несовпадения наблюдаются лишь в характере решения галерей и в общих размерах памятников. Заяцкая является как бы уменьшенным вариантом, приспособленным к перевозке и к соловецким климатическим условиям. Если в более крупных сооружениях паперть выполняла роль трапезной, то здесь она служила для увеличения пространства церкви и для сохранения тепла. Заметим, что она (вместе с галереями) была «забрана тесом в косяк», то есть была закрытой, хотя и имела несколько окон. Андреевская церковь — украшение острова. Иногда она представляется инородным явлением среди каменных «лабиринтов», валунных зданий, на фоне моря, среди атакующих ее ветров. Но в этом вызове пространству и времени есть своя логика, ведь она появилась здесь вместе с Петром I, как памятник эпохи преобразований.

6. Остров Большая Муксалма

Дорога на Большую Муксалму также начинается от монастыря и почти на десять километров с запада на восток прорезает Большой Соловецкий остров. Обойдя Святое озеро, мы некоторое время идем вдоль аэродрома с сопутствующими ему вырубками, нагромождениями заросших уже земляных насыпей. Сразу за аэродромом, слева от дороги, на возвышении за озером, видим небольшое прямоугольное белое здание поздних келий — остаток бывшей здесь когда-то Филипповской (или Иисусовой) пустыни. Рядом с ней проходила лесом старая, построенная еще, видимо, при Филиппе дорога к Долгой губе, через которую производилась переправа на Большую Муксалму. Сейчас старая тропа лишь на первых сотнях метров производит впечатление утопанной и чем дальше, тем становится извилистей и незаметней.

ИИСУСОВА ПУСТЫНЬ. Иисусова пустынь — место памятное, связанное с пребыванием здесь на временном уединении Филиппа Колычева. Согласно легенде, свое название она получила от видения Филиппу (за год до его вызова в Москву, где он стал жертвой царского деспотизма) Иисуса Христа в терновом венце. Здесь же, по преданию, находился камень, который местный святой клял себе под голову, отдыхая. В течение долгого времени в пустыни стояла по-

*Филипповская пустынь.
Часовня.
Гравюра конца XIX в.*

священная Филиппу архаического вида часовня, сменяли друг друга деревянные кельи. В XIX столетии место тихого уединения становится мемориальным. В 1839 году вместо обветшавшей деревянной часовни строится новая, крестообразная в плане, с тремя крыльцами и элементами ордерной декорации. В 1854 году рядом и симметрично с ней с северной и южной стороны были поставлены одинаковой формы колокольня и беседка, а спустя два года часовня была «обращена» в церковь в честь Живоносного источника. Едва ли сейчас возможно восстановить весь комплекс ранее существовавших зданий. Однако поставить на старом месте древнюю по формам — известную нам по гравюрам — «клетского» типа часовню, наверное, следует. Место бывшей пустыни привлекает и своим возвышенным расположением над живописным озером, и гордо возносящимися вверх

искусственной посадки кедрами, и самой памятью о легендарной личности Филиппа.

В 20-е годы нашего столетия в районе бывшей пустыни был устроен пушной заповедник для разведения гаги, ондатры, лис, соболя. Постепенно территория заповедника расширялась, включив в себя ряд ближайших озер и часть островов Глубокой (Долгой) губы. В биосаду велась научно-исследовательская работа по различным вопросам птицеводства, звероводства, акклиматизации растений.

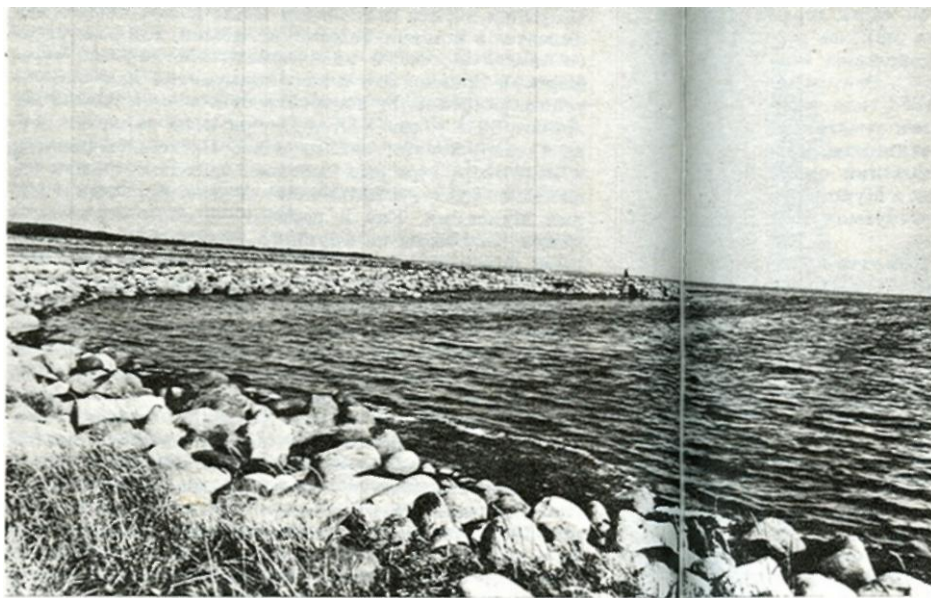
Сейчас туристский маршрут обходит стороной Иисусову пустынь. Плавный успокаивающий ритм лесной дороги изредка оживляется видом открывающегося справа или слева озера. Во второй половине лета и осенью, сойдя на обочину, почти всегда можно набрать морошки, черники, брусники; любают эти места и грибы — подберезовики, подосиновики, белые.

Благодатны дороги Соловков, и нельзя не вспомнить с чувством признательности наших предшественников, вложивших большой и умелый труд в их строительство и поддержание. Прорубались они в чаще, среди атакующего комарья и мошки, примитивными средствами. Приходилось преодолевать множество препятствий — возвышенностей, озер, болот. Часто делались искусственные подсыпки, с применением булыжника и бревен. Почти везде по краям дороги прорыты дренажные канавы, порой в стороне от нее сложены кучи валунов, приготовленных для аварийного ремонта. Но нельзя не заметить, что эти в прошлом добротно устроенные дороги годами не ремонтируются, приходят в ветхость, не выдерживают эксплуатации современным транспортом. Меры по их восстановлению вроде бы намечаются, но доживут ли дороги до этого долгожданного времени! Запущенность муксалминской дороги особенно бросается в глаза в конце пути, где ее начинают поглощать болота и нам с трудом приходится выбирать сухие участки пути.

ДАМБА. Уже за несколько сот метров угадывается приближение моря: мельче становится лес, прохладнее воздух, до слуха доносится глухой шум прибора, порывы ветра. Постепенно укрепленная по сторонам

валунная дорога становится выше и естественно выливается в мощную каменную насыпь, которая, упруго извиваясь, почти на километр протянулась через морской пролив. Это и есть знаменитая дамба Соловецких островов. Ее постройка относится к первой половине 60-х годов XIX столетия и не является первым сооружением такого рода. Несколько раньше, в 1828 году, уже был построен трехсотметровый каменный «мост», соединявший острова Большая и Малая Муксалма. Как и первая, большая Соловецкая дамба выложена из крупного валуна без скрепляющего раствора и пролегает по наиболее мелким местам морского пролива. Характерно, что на первом этапе строительства Соловецкая дамба (как и ее предшественница) не представляла собой сплошного массива, а имела деревянный переходный мост, под которым могли проплывать мелкие суда. В 90-е годы большая дамба была усовершенствована — вместо деревянного моста в ней были устроены три арки для прохода морских карбасов, а в начале нашего столетия вся она была надложена, по бокам скреплена металлическими скобами и ограждена деревянным барьером. Высота дамбы в среднем около четырех метров, ширина достигает шести метров, что сделало ее безопасной даже на случай сильного морского волнения. И все же при сильных штормах отдельные волны и брызги перекатываются через дамбу, размывая земляную присыпку и оставляя на ее поверхности морские выбросы (водоросли); постепенно подтачивается и камень в проездных арках, что требует своевременных средств защиты для сохранения этого уникального гидротехнического сооружения.

У современного посетителя едва ли вызовет удивление характер инженерного решения дамбы, в прошлом можно найти примеры более рационального и изящного решения надводных коммуникаций. И все же Соловецкая дамба выделяется среди них — она привлекает внимание особой выразительностью валунной кладки, редким примером приложения ручного труда, связью с окружающей природой. Сам строительный материал — разнообразный по величине, конфигурации и цвету булыжник — исключал подчеркнутую регулярность кладки, хотя строители тщательно подбирали камни, старались выровнять стены, сделать форму монолитной и стройной. В этом соче-

*Каменная дамба между
Большим Соловецким
и Большим
Муксалминским островами*

тании стихийности и расчета, первозданной мощи и упорядоченности — существо ее технического решения. Своими очертаниями дамба вторит соседним берегам, почти продолжает их усыпанные валунами края. Асимметрия, своеобразная органика природных форм читается в плавном и вместе с тем упругом рисунке ее силуэта, создается впечатление, что она изгибается не по желанию строителей, а под действием воды, приливных и отливных течений, прибоя. И все же природа здесь лишь подсказка, а дело — сила и разум человека, противостоящего стихии. В прошлом эта часть морского прилива называлась «Железные ворота» и отличалась мелководьем и быстрым течением. Вырывавшаяся во время отлива из гигантского резервуара — Долгой губы — вода буквально кипела на валунах; то же самое, но в обратном направлении происходило во время прилива. Монахи хорошо

знали, что пройти эти места на плотах, груженных скотом, было все равно что открыть тяжелые железные ворота. Но прошло несколько столетий, прежде чем они навсегда преодолели для себя этот опасный рубеж.

Оригинальный внешний облик Соловецкой дамбы, ее крупный масштаб и вложенный в строительство большой труд вызывают интерес к ее создателям. Многочисленные расходные книги монастыря даже не упоминают о ней, что свидетельствует о бесплатной работе здесь приезжих трудников и обетников. Уже из более поздних письменных источников мы узнаем об авторе, руководителе работ по ее возведению — крестьянине Холмогорского уезда Федоре Ивановиче Соснине, бывшем послушнике, а с 1867 года монастырском постриженнике, монахе Феоктисте. В послужном списке мастера записано, что он «послу-

шание проходит разные по строительной части вроде инженер-механика при укладке диких камней под фундаменты монастырских строений, дорожных мостов, в гавани дока для морских судов». Эти сведения конкретизируются документом от 1881 года, в котором архимандрит Мелетий с почтением отзывается о монахе, называя его «инженером-механиком, строивавшим «каменный мост» на протяжении около 300 погонных саженей между Соловецким и Муксаломским островами на проливе морском, именуемом Железными воротами».

Соловецкая дамба замечательна еще тем, что помогает нам непосредственно, вблизи ощутить дыхание волн, силу и запах ветра, безбрежный «голубой простор» моря и неба, которые так обновляют и очищают душу на Соловках и делают порой одинаково дорогими и волнующими для нас сооружения грандиозные, концентрирующие в себе духовную мощь народа, и более простые, но теснее связанные с его повседневной жизнью.

СКОТНЫЙ ДВОР. За дамбой — Большая Муксалма. Пройдя по дороге через небольшой березовый перелесок, попадем в расположение бывшего монастырского скотного двора — конечную цель нашего маршрута.

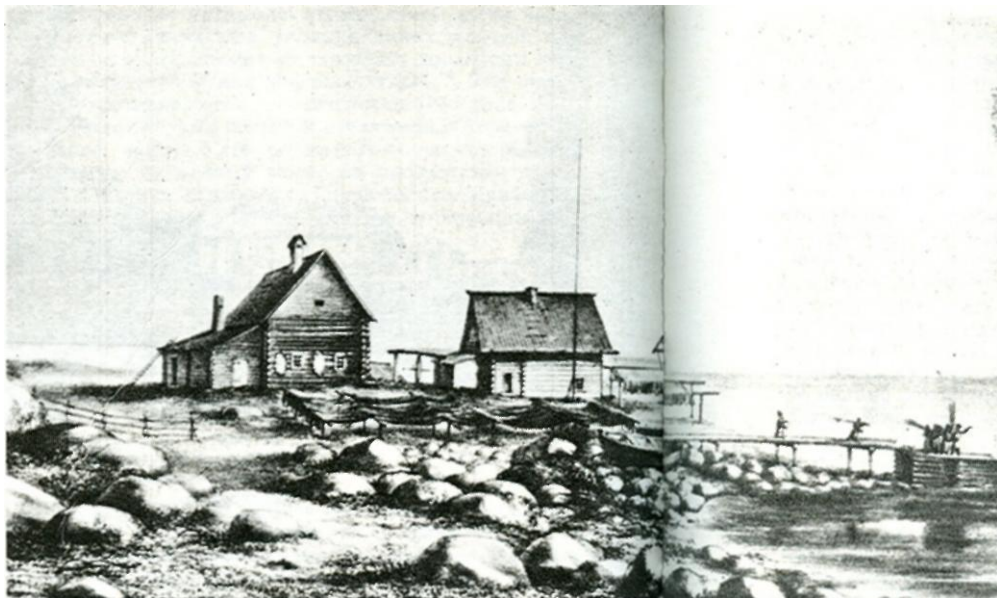
Природный мир каждого из Соловецких островов и близок друг к другу и отличен. Близок прежде всего по климату, геологическому строению, почвам, но различается по рельефу, сочетанию типов растительности и в зависимости от этого по характеру хозяйственного использования. Острову Большая Муксалма благодаря наличию значительного ровного участка местности была уготована роль монастырского пастбища. Уже из первой Описи монастыря 1514 года мы узнаем о существовании на нем рогатого скота и лошадей, переправляющихся сюда на летний период.

Сохранившиеся сейчас здания скита относятся в основном к концу XIX — началу XX века и своей стилистической направленностью мало чем напоминают архитектурные сооружения прошлого. А их здесь было немало. Первое свидетельство о существовании на острове деревянных построек относится к 1558 году, когда

*Остров
Большая Муксалма.
Хозяйственные и жилые
постройки.
Конец XIX — начало XX в.*

Филиппом Колычевым был поставлен «коровий двор». В дальнейшем исторические источники упоминают о Муксалме лишь во второй половине XVIII столетия, когда из Описи 1765 года мы узнаем о существовании здесь сенных покосов. От конца 80-х годов есть свидетельство, что на острове «издревле были скотные дворы ныне же оных не имеется», а сохранилась лишь небольшая изба. Возобновление скотоводческого хозяйства на нем, видимо, связано с уничтожением монастырского двора в Сумском остроге, откуда в 1793 году коровы были перевезены на Муксалму и здесь вновь поставлены скотный двор и кельи для пастухов. Наибольшего размаха строительные мероприятия на острове достигают в XIX столетии. В первой его трети двор неоднократно переустраивается, за счет осушения болот и вырубки леса увеличивается территория пастбища. В 1829 году от монастыря сю-

*Остров
Малая Муксалма.
Гравюра. 1884*

да переносится старая деревянная Онуфриевская церковь, получившая название часовни Власия. В середине столетия она была переименована в Рождественскую, а после строительства в 1876 году каменной церкви Сергия Радонежского перенесена на остров Малая Муксалма. Каменная церковь (сейчас не сохранилась) была построена по проекту архангельского архитектора Кармина и представляла собой скромное сооружение, состоявшее из прямоугольного в плане объема, полукруглого алтаря и паперты, над которой возвышалась небольшая колокольня. По своему облику она была близка известной нам савватиевской церкви. С ее строительством здесь организовался Сергиево-Радонежский скит, ставший местом паломничества и демонстрации хорошо организованного скотоводческого хозяйства.

Из существующих ныне сооружений старшими по

возрасту являются сохранившие лишь стены каменные скотопойня с баней. Расположены они в северной части комплекса. Это единое невысокое, выложенное из кирпича и валуна здание было построено в 1839 году и имело два помещения: в одном располагалась скотопойня «с теплой кладовой», в другом — баня для рабочих. Вода в помещения поступала по каналу из расположенных в глубине острова трех озер. Для ее сбора неподалеку от постройки был вырыт небольшой квадратный пруд с булыжными стенами и подземной трубой, через которую вода и подавалась в помещение для подогрева. Все эти постройки интересны как пример традиционности в технике возведения монастырских зданий, изобретательности в использовании природных ресурсов.

Проточной водой через каналы снабжались и многие другие хозяйственные постройки скита. В начале

80-х годов здесь находились ферма, конюшня, птичий двор, комната для сквашивания молока, которые, по свидетельству современников, напоминали крестьянские хозяйственные постройки, но различались «в приспособлениях, размерах и уходе». Существовало в скиту и несколько жилых корпусов. В 1898—1900 годах известным нам архангельским архитектором Вуколовым строится для приезжих новый деревянный Сергиевский корпус. Сейчас это двухэтажное здание первым встречает посетителей по дороге от дамбы. Как и обычно, оно поставлено на валунный фундамент, сложено из хорошего соснового леса (толщиной до 30 см), обшито тесом, имеет в целом симметричное членение фасадов и рациональное внутреннее решение. К сожалению, сейчас это сравнительно позднее, но ставшее примером исторической застройки скита сооружение сильно обветшало и требует ремонта. Недавно жертвой бесхозности стало большое двухэтажное здание скотного сарая начала XX века. Оно стояло в восточной стороне среди широкого, поросшего травой поля. Всех, кто его видел, поражали его размеры, целесообразность внутренней планировки со стойлами внизу и сеновалами наверху, массивность валунного взвоза. Памятник нуждается в восстановлении и разумной эксплуатации, как часть хозяйственного комплекса XIX — начала XX века.

В 1901—1905 годах на месте старого деревянного жилого корпуса был построен новый, каменный, специально для молочного хозяйства. Помимо погребов, кладовых помещений в нем размещались многочисленные жилые апартаменты. Автором проекта этого рядового по оформлению здания был архангельский архитектор Г. К. Иванов. Внутри сооружения обращает на себя внимание применение коридорной системы с многочисленными комнатами по сторонам и выстилка полов наборным паркетом.

Видимо, последним по времени зданием, завершившим обстройку скита, был скромный птичник, возведенный с применением как каменных, так и деревянных конструкций.

Заметим в заключение, что высокая хозяйственная ценность многих построенных в скиту сооружений не всегда равнозначна их художественной значимости. Так, лишенные ярких индивидуальных качеств, в ос-

новном крупные, четкие по силуэту сооружения скита, несмотря на тип свободно расположенного в пространстве открытого комплекса, на фоне окружающего поэтического пейзажа выглядят несколько громоздко. Не являясь значительными памятниками архитектуры, они тем не менее составляют часть быстро уходящей от нас материальной культуры прошлого и в силу того должны охраняться и восстанавливаться.

МАЛАЯ МУКСАЛМА. Остров Малая Муксалма привлекает к Большому, но его не показывают туристам, однако и здесь расположены три сооружения, которые типологически могут дополнить наше представление о соловешьей архитектуре. Первые постройки на этом небольшом и почти безлесном острове появились после строительства в 1828 году каменной дамбы для перегона скота, соединившей острова Большая и Малая Муксалма. Несколько позже здесь были заведены рыбные и звериные промыслы, также требовавшие необходимых жилых и хозяйственных зданий. В настоящее время от прежних построек сохранились два жилых сооружения, причал и часовня. Наиболее старым и интересным из них является деревянная часовня. Она установлена здесь после 1876 года и, как указывалось, является остатком сильно переделанной старой Онуфриевской церкви. Несмотря на отсутствие старого завершения, алтаря и галерей, некоторые детали конструкций свидетельствуют о сохранившихся частях прежнего здания. На это указывают, например, остатки старого косяка, дверей, форма некоторых окон да и сами размеры большого сруба, не свойственные небольшим часовням. Следует обратить внимание, что при установке перевезенной часовни она была развернута на 180 градусов так, что следы примыкания старого алтаря оказались скрыты новым притвором. При дальнейшем исследовании и реставрации памятник может занять важное место в истории деревянного культового зодчества на Соловках.

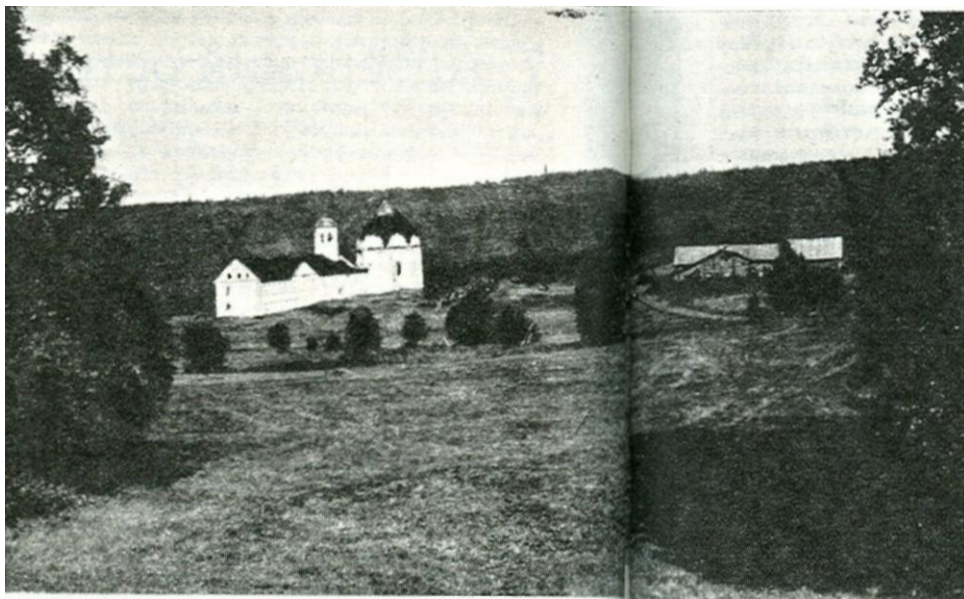
Свыше ста лет исполнилось двум промысловым измам, стоящим недалеко от берега в южной стороне острова. Оба здания срублены из солидных бревен (30—35 см) и состоят из вытянутой прямоугольной клети, разделенной стеной на жилые помещения и сени,

что характерно для простых жилых зданий прошлого. В отдельных местах построек сохранились первоначальные, традиционные для народного зодчества конструкции: самцовые фронтоны, тесовые кровли с потоками и «курицами», охлупни, что делает эти здания особенно ценными. В прошлом вплотную к домам примыкали небольшие хозяйственные амбары и чуланы, а рядом располагались вешала для просушивания сетей, ворота, обычные для удаленных приморских урочищ поминальные и обетные кресты. В скромном, непритязательном облике этих зданий отражена многовековая история промыслового освоения наших северных окраин, от Беломорского побережья до далекого «Мурмана», где уже в XVI столетии стояли монастырские срубы.

7. Анзерский остров

Мы не будем приглашать соловецких туристов на Анзерский остров. Беззащитность его природы и сооружений перед лицом неорганизованного туризма может иметь самые печальные последствия. Лишь со временем, по мере усиления мероприятий по охране природы и проведения необходимых работ по реставрации памятников архитектуры, станет возможным путешествие и на Анзер. А пока удовлетворим любопытство читателей рассказом о его архитектурных достопримечательностях.

Анзерский остров расположен в пяти километрах от Соловецкого, своим относительно большим размером, характером рельефа и растительностью наиболее близок к нему и потому еще до основания монастыря служил временным пристанищем для торговых и промысловых судов. С XVI столетия известно о существовании на нем монастырских рыболовных тоней и солеварен. В конце столетия на берегу длинного и спокойного морского залива, получившего название Троицкой губы, солеварением и морским промыслом занималось семьдесят человек. В 1583 году сюда было решено перенести с Соловков старую деревянную церковь Николая. Есть свидетельства, что соловецкий игумен Иаков пытался устроить на Анзерах еще один монастырь, но его инициатива была приостановлена царской грамотой.

*Троицкий скит.
Общий вид*

ТРОИЦКИЙ СКИТ. В начале XVII столетия, видимо из-за ограниченного количества дров для соления, остров опустел и стал привлекать внимание любителей пустынножительства. Первым и самым известным из них стал соловецкий постриженник Елеазар. С ним связано возникновение Троицкого скита, рост его благосостояния и укрепление самостоятельности. Как и многие первые монахи-подвижники, Елеазар был незаурядной личностью. Известно, что он был способным резчиком, переплетчиком, собирателем книг и даже иконописцем. Его «Грамота о видениях и откровениях» — своеобразная автобиография, в которой, несмотря на множество чудес, отчетливо прослеживаются и реальные события, описанные живым, народным языком. Из нее мы узнаем, что в 1615 году Елеазар решает «имети житие пустынное и приидох нача здати келия»⁴⁴. Вскоре к нему

прибывает еще один инок, Кирило, и молва о «подвигах» пустынножителей доходит до Москвы, откуда поступают первые пожертвования от царского дома. По литературным и архивным источникам удалось проследить историю формирования архитектурного ансамбля Анзерского Троицкого скита, представить его внешний вид на ранних стадиях существования.

В 1620 году, видимо, уже немалое число иноков обращается к государю с просьбой о создании церкви. В ответ царь посылает на остров всевозможную утварь, многочисленные иконы и «повеле у них в пустынном месте окиянской от оца соловецкие обители начальником своим, монастырскими плотниками воздвигнута церковь во имя живоначальной Троицы и к ней придел преподобного Михаила Малеинского своего государева тезоименитого ангела. И по их царскому и святительскому указу церковь поставить

по размеру тех местных и деисусный икон». В 1621 году церковь была освящена¹⁰⁰. По царскому же указу предписано было иметь на острове двенадцать человек братии и быть «в послушании» Соловецкого монастыря. Однако в 1633 году Анзерский Троицкий скит был отписан от Соловецкого монастыря и стал самостоятельным. Это уважительное отношение к анзерским старцам, возможно, было связано с заслугой Елеазара, предсказавшего царю Михаилу Федоровичу рождение долгожданного наследника.

В 1638 году признательный монарх дает девятьсот рублей денег на строительство в пустыни новой каменной с трапезной церкви, «а уставщиком каменщиком от него великого государя в Анзерский скит послан с Москвы Трефил Шарутин»¹⁰¹. Сolidные денежные вклады, присылка крупнейшего русского зодчего Трефила Шарутина, незадолго до этого строившего царский Теремной дворец в Кремле, свидетельствовали об исключительном статусе удаленного скита. И все же возможности анзерских старцев были ограничены. Дороговизна строительного материала, чрезмерно большие размеры, в которых хотел строить храм Елеазар, помешали осуществлению проекта. Лишь в 1647 году была возобновлена заготовка строительного материала для церкви, но размеры ее по указанию царя уже не должны были превышать пяти сажен. Строили церковь соловецкие каменщики, за что в монастырскую казну от Елеазара поступали большие суммы денег¹⁰². В 1650 году выстроенная за царский счет каменная Троицкая церковь с приделами Знамения и Михаила Малеина была освящена. Недалеко от нее была поставлена деревянная колокольня, собранная из бревен старой церкви. Вокруг центрального здания стояли кельи, которые, по словам самого Елеазара, были «в длину восемьдесят сажен, поперек сорок»¹⁰³. Сооружались они не без помощи известных вкладчиков, и среди них бывшего постриженника Анзерского скита и ученика Елеазара, впоследствии знаменитого патриарха Никона.

Согласно описям конца XVII — начала XVIII века, церковь состояла из храма, трапезной и притвора и была покрыта «на стропила тесовую кровлю с прибоины и подзоры и гербами». Завершалась она тремя главами, обитыми чешуей. В восточной стороне, перед алтарями, стояла деревянная четырехугольная

часовня, сооруженная над могилой умершего в 1654 году Елеазара. В композицию центральных зданий входила и шестигранная деревянная колокольня «с обламами на шести столбах» и шатром, завершавшимся вместо креста пропорцем, чтобы «знать ветров дыхание»¹⁰⁴. Деревянные кельи традиционно по сторонам света окружали основные постройки: шесть — с западной стороны и по четыре — с остальных. В стороне стояли хлебный амбар «на восьми столбовых ногах» с сушилом наверху и амбар для ржаной муки. На берегу Троицкой губы были устроены валунная пристань и якорный амбар. Тут же, на берегу, «в кострах» лежали приготовленные для строительства церкви бревна и тесницы да несколько морских судов¹⁰⁵.

Формально независимый от монастыря, находившийся под опекой и на содержании государства, Троицкий скит в экономическом и культурном отношении все же был тесно связан с ним. Из него прибывали на Анзеры каменщики и привозились строительные материалы, в состав братии, как правило, зачислялись бывшие соловецкие постриженники. На монастыре лежали заботы об обеспечении скита дровами и средствами доставки. Разделили скитские пустынники и судьбу монастыря в период Соловецкого восстания. За сочувствие и помощь продовольствием осажденной обители скит поплатился разорением и утратой имущества, а в 1682 году был вновь приписан к монастырю.

К середине XVIII столетия постепенно утрачиваются свойственная древнерусским скитским ансамблям живописность композиции и появляются новые, менее выразительные архитектурные образования. В 1740—1743 годах приезжие каменщики Федосей Иванов и Яков Прокофьев с товарищами разобрали обветшавший каменный храм и на его месте возвели новый, завершающийся барочного вида восьмигранным барабаном¹⁰⁶. Восьмигранную форму получила и сохранившаяся сейчас каменная колокольня, поставленная над папертью, перед старой трапезной. В течение столетия не раз ветшали и возобновлялись деревянные кельи, пока наконец в 1801—1803 годах не были заменены длинным каменным двухэтажным корпусом, примкнувшим к церкви. В нижней его части располагались кельи, трапезная, поварня,

погреба, часть которых была перекрыта каменными сводами; в верхней, под накатными потолками, находились настоятельские и братские кельи; завершалось здание тремя фронтонами. Новый, возведенный в строгих классических формах объем келий вместе с барочным по силуэту завершением церкви и колокольни четко выделялись на фоне окружающего их пейзажа и небольших деревянных зданий.

Последняя крупная перестройка культовых сооружений скита происходит в конце XIX столетия, когда в 1880—1884 годах по плану архангельского архитектора Введенского была вновь отстроена обветшавшая Троицкая церковь. Новый, существующий сейчас храм был возведен на прочном подсыпном грунте, на месте, где когда-то стояла надгробная часовня Елеазара Анзерского. Отвечая мемориальному назначению, основной объем здания решен в виде центрического восьмигранника с формами фасадов, имитирующими древнерусские. С запада к церкви примкнула небольшая паперть с помещением ризницы и библиотеки, органично слившаяся со старым Келейным корпусом. С незначительными изменениями сохранились колокольня XVIII века и наиболее интересное сооружение скита — трапезная XVII столетия. Ее скромное уютное помещение до недавнего времени нетрудно было узнать по низким, сомкнутым на распалубках сводам, ныне рухнувшим.

В настоящее время комплекс каменных зданий скита производит противоречивое впечатление. Прежде всего удручает аварийное состояние конструкций, требующих срочных укрепительных работ. В художественном облике памятника упрощенные классические формы вытянутого Келейного корпуса противопоставлены вертикалям неожиданно выступающей колокольни и рельефно трактованного храма. Разностильный, громоздкий массив комплекса даже среди большого, расчищенного от леса пространства выглядит непропорционально большим, непривычным для удаленного северного скита. Однако здесь, на острове с суровой природой, собранные в один объем каменные постройки были наиболее практичны. Так часто строили в Соловецком монастыре и в ряде других скитов архипелага.

В XIX столетии с размахом отстроенный Троицкий скит становится местом массового паломничества.

*Троицкий скит.
Хозяйственные
сооружения на берегу
Троицкой губы*

В 1829 году для приезжих строится большая деревянная гостиница (в XX столетии она сгорела); в середине столетия постепенно перестраиваются окружающие скит деревянные постройки складского и хозяйственного назначения. В 1837 году в традиционной для Соловков технике вадунной кладки была выстроена баня с портовойней. В прошлом через нее протекал канал, проложенный из находящегося в двухстах пятидесяти метрах пресноводного Святого озера.

Рядом с каналом к востоку от бани сохранилось стройное двухэтажное деревянное здание — остаток стоявшего здесь «млечного» двора. Хозяйственную часть помещения составляют сени: лестница и чуланы; в жилой половине большое место занимает старой кладки печь.

Ближе к берегу располагались службы, связанные с морским промыслом, и амбары для хранения все-

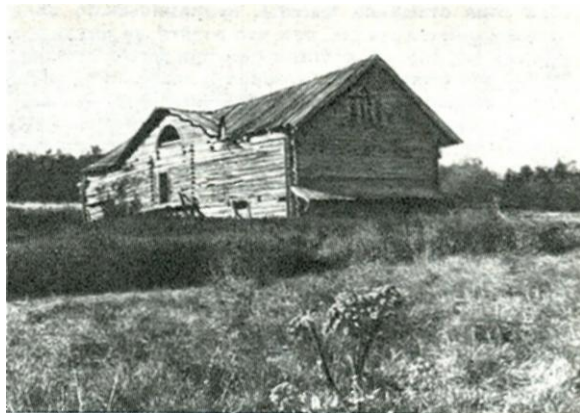
возможных припасов. На высоком склоне над большим, обложенным валуном погребом установлен деревянный, с двумя скатами кровли, сруб. Наземная часть здания с высокой кровлей, хотя и расположена на пересеченной местности и имеет различные по высоте фасады, отличается скупой выразительностью силуэта. Стройностью выделяется и расположенный напротив на возвышении складской амбар, сейчас частично разобранный и искаженный поздней пристройкой.

К 1843 году относится «новый дом деревянной на фундаменте на семи сажень с сеними, для жития и просушивания неводов и сетей, коими ловится рыба и морские тюлени»¹⁰⁹. Он стоит на берегу моря, недалеко от полуразрушенного валунного причала, и представляет собой вытянутый в плане прямоугольник, разделенный перерубом на две части. С лицевой стороны над помостом устроена открытая галерея, служившая, видимо, для развешивания сетей в дождливую погоду.

В целом деревянные сооружения скита — скромные, добротные, пропорционально сложенные — естественно выглядят на фоне окружающего северного пейзажа. Отвечая практическому назначению, они несут в себе и отголоски традиций народной архитектуры, где представление об удобстве использования было тесно связано с красотой ладно скоренного сруба и особенностями природной среды.

Элементы классицизма, проникшие в деревянную архитектуру Соловков в начале XIX столетия, не разрушили наследия прошлого, хотя порой и проявились в тесовых обшивках сруба, в завершениях зданий характерными стропильными фронтонами, прорезанными полукруглыми или трехчастными окнами.

Мастерски срублена, например, расположенная в юго-восточной части скита деревянная конюшня. Двухъярусное здание делится на три части двумя поперечными перерубами. В нижней части размещалась стойла, наверху хранилось сено. Сочетание элементов крестьянской народной архитектуры с поздними отголосками стиливых форм сообщает деревянным скитским сооружениям особое своеобразие. Несомненное очарование этим зданиям придает окружающий их ландшафт.

*Троицкий скит.
Конюшня.
Первая половина
XIX в.*

ГОЛГОФО-РАСПЯТСКИЙ СКИТ. Выросший под покровительством царского дома Троицкий скит скоро достиг благосостояния. Уже в XVII столетии монахи привлекали наемный труд для промысла рыбы и морского зверя, осуществляли выгодные торговые сделки, а к началу XVIII века от безмолвной отшельнической жизни осталось лишь предание. И, как нередко бывает, среди новых ревнителей веры нашлись люди, тяготившиеся шумом и желавшие уединенного жития. Удобным для «безмолвия» местом стала расположенная в четырех километрах от скита гора под названием Голгофа. Известный игумен Досифей, немало способствовавший в конце 20-х — начале 30-х годов XIX столетия ее обстройке, так описывал эту мало изменившуюся сейчас и примечательную местность: «Среди почти самого Анзерского острова, от Троицкого скита на восток, находится круг-

лая гора отменной высоты, вулканического вида и чрезвычайно круглая, так что взойти на оную прямо весьма трудно... С вершины ее при ясной летней погоде представляются взорам прекрасные виды: неотъемлемое для глаза пространство морских вод, на коих часто при благоприятном ветре носятся с распушенными парусами суда, и на самом острове возвышенные холмы, покрытые зеленеющим лесом, многие озера, различные по величине с разных мест и даже при подошве самой горы находящиеся, представляют величественную картину»¹. Но, видимо, не только эстетические представления заставляли селиться у горы первых пришельцев, а прежде всего необходимость иметь надежный ориентир среди окружающей «дикой» природы. Недаром именно здесь нашел себе первое пристанище Елеазар, а спустя столетие здесь поселился подвижник Паисий, к которому и пришел будущий основатель Голгофского скита монах Иисус. Судьба последнего также не была ординарной. Бывший духовник Петра I, он впал в немилость и был сослан в Соловецкий монастырь. Оттуда в 1702 году перешел жить в Троицкий скит и вскоре стал его руководителем. В 1714 году Иисус становится «начальником» нового, Голгофского скита и сразу же предпринимает меры к строительству двух каменных храмов. Из-за недостатка средств каменные храмы возведены не были, взамен их на горе была поставлена скромная деревянная церковь в честь Распятия — с восьмигранной главой, трапезной, папертью и колокольней. От царя с царицею в скит поступила богатая утварь.

В сильно перестроенном виде эту церковь, получившую название Воскресенской, можно видеть сейчас при подходе к горе по дороге из Троицкого скита. В 1833 году в связи со строительством новой, каменной церкви старая с добавлением новых бревен «для достопамятства» была перенесена вниз, под гору, и установлена на месте, где прежде стояла одинокая келья старца Паисия. При этом храм внутри и снаружи был обшит тесом, а глава — чешуей и все покрашена краской. Освящен храм был лишь в 1835 году¹. В плане церковь представляет вытянутый прямоугольник с композицией объемов, состоящих из повышенного кубического храма с восьмигранным фонарем, примыкающим с запада притвором и длин-

*Голгофский скит.
Воскресенская церковь.
1714, 1835*

ным, на двух колоннах, крыльцом. Поздняя обшивка, новое крыльцо и форма главы сильно изменили облик древнего храма, в то время как по особенностям компоновки объемов, пятигранной форме апсиды и восьмиграннику барабана он близок к церкви на Заяцком острове.

В 1718 году разбогатевший и насчитывавший тринадцать человек братии скит был неожиданно разграблен, а спустя два года, после смерти Иисуса, в нем осталось лишь два монаха. Чтобы не подвергать имущество опасности, его остатки были переданы в Троицкий скит². Однако совсем скит не запустел. По Описи середины XVIII века, наряду с тремя ветхими кельями здесь стояли три новые, надстроенные. Среди других построек перечислены старая деревянная надгробная часовня Иисуса, ветхий амбарец над колодцем да посреди горы деревянный столп для под-

*Голгофский скит.
Распятская церковь.
1828*

вески колокола¹¹³. В 1768 году по инициативе Академии наук с монастырским начальством велась переписка о возможном устройстве на горе астрономической обсерватории. Окончательного решения дело не получило.

Самая существенная обстройка скита происходит в конце 20-х — начале 30-х годов XIX столетия усилиями архимандрита Досифея, видевшего в возобновлении скита отражение благосостояния возглавляемой им обители. В то время на стосемиметровую высоту горы прокладывается и мостится пологая дорога. На вершине горы с помощью подсыпки грунта и обкладки его крупным валуном выравнивается значительная площадка, послужившая основанием для монументальной каменной церкви¹¹⁵. В 1828 году в течение теплых месяцев более ста рабочих успели закончить возведение корпуса высотой

*Голгофский скит.
Кухонный корпус.
1833*

и длиной свыше тридцати метров. Он включал в себя двухъярусную пятиглавую церковь Распятия, паперть, сени и кельи. В следующие два года происходила отделка интерьеров и над сеньями была поставлена массивная колокольня. Сооружение строилось «по учиненному в строительном комитете плану, фасаду и смете», которые, судя по всему, были составлены способным архитектором. Проектируя здание, венчающее высокий холм, он укрупнил форму, объединив в один объем помещения разного назначения. Доминирующее место в композиции занимает двухсветный четверик с надставленными, вытянутыми вверх барабанами, среди которых своими размерами выделяется центральный. С западной стороны храму отвечает утяжеленный объем колокольни, возвышающейся над вытянутым по горизонтали корпусом трапезной, паперти, сеней и келий. Декор

*Голгофский скит.
Гостиница.
Середина XIX в.*

церкви выдержан в строгих, несколько суховатых позднеклассических формах.

Современный вид здания не отражает полностью его первоначального облика из-за отсутствия стройных завершений глав и колоколни. Являясь выразительным завершением высочайшей точки архипелага, оно рассчитано на осмотр издали. Его белый, выделяющийся на фоне неба и лесов объем и сейчас привлекает внимание всех путешественников по морю, напоминая об исторических вехах в жизни острова и желании людей украсить землю, на которой они жили.

Вслед за церковью в 1831 году возводится первая гостиница, в состав которой входил крытый тесом двор со стойлами для лошадей¹⁸. В 1833 году на южном склоне строится двухэтажный каменный корпус с 18 кельями и кухней внизу и трапезнойверху. Южная часть его установлена на мощ-

ном валунном основании, компенсировавшем перепад местности. Следуя за рельефом холма, силуэт здания имеет уступчатую форму. Аналогичный по размерам и форме корпус стоял с восточной стороны церкви.

Из возведенных при Досифее зданий не сохранилась лишь деревянная гостиница с восточной стороны. Во второй половине столетия она была заменена новой, значительно больших размеров. К классическим мотивам ее оформления можно отнести фронтоны в центральных осях зданий, формы оконных проемов, ясность и цельность структуры. Однако из-за крутизны склона восточную часть дома пришлось установить на валунную подпорную стенку, а также сместить с оси симметрии дверь и балкон основного, южного фасада. Стилистическая близость сооружений скита способствует целостности художественного восприятия всего ансамбля. При ведущей роли храма, все остальные постройки раскрываются постепенно, по мере подъема на гору, выступая из-за окружающих гор деревьев. И все же, глядя сейчас на слаженный ансамбль скита, не столько радуешься его красоте, сколько досадуешь на постигший его удел и запустение. Деревянные конструкции кровель прогнили и обрушились, совсем недолго осталось стоять стенам.

В XIX веке на острове были благоустроены проложенные еще в XVIII столетии дороги. Они не только связывали между собой скиты, но и расходились по промысловым урочищам острова — Кирилловскому на восточном берегу, Капорскому — на западном, к Спасательной станции в устье Троицкой губы.

КИРИЛЛОВО. Наиболее крупный комплекс деревянных промысловых и жилых изб конца XIX века сохранился в Кирилловской рыболовной тоне, известной по рукописным источникам с XVII столетия.

Определенный исторический интерес представляет сохранившийся со второй половины XIX века амбар с погребом. Простой деревянный сруб установлен на валунном основании и в своей нижней части имеет обложенный булыжником ледник, где стояли бочки с соленой рыбой и была вырыта яма для льда. Верхняя часть амбара служила для просушивания сетей. В духе народной архитектуры здесь выполнены конструкции кровли, заполнения проемов и неко-

«Городок» Петра I.
1702

торые другие части здания. К концу столетия относился жилой дом для монастырских трудников, расположенный на одной оси между амбаром и старой баней. Вместительный деревянный сруб аккуратно обшит тесом и завершается мезонином. Следуя традициям крестьянского зодчества, здесь наряду с жилой частью, за широкими двустворчатыми воротами, предусмотрены помещения хозяйственного назначения. За домами на возвышении в прошлом стояла часовня Кирилла Новоезерского, давшая название этому месту — на редкость открытому и светлому.

«ГОРОДОК» ПЕТРА I. В Капорской губе старых промысловых изб не сохранилось. Но к востоку от нее в море стоит так называемый «городок» — высокая (около десяти метров) трехгранная, оплывшая от

времени булыжная насыпь. Она сложена русскими солдатами летом 1702 года, во время стоянки у островов флотилии Петра I. Из трех возведенных тогда «городков» сохранился лишь один. Строители мастерски использовали приливо-отливные явления — при отливе место сооружения легко достигается пешком, при приливе же становится островом, на несколько десятков метров отдаленным от берега. Забава поджидавших Петра солдат вылилась в сооружение мощного, завершившегося крестом монумента в память о пребывании здесь царя-мореплавателя, будущего императора России.

СПАСАТЕЛЬНАЯ СТАНЦИЯ. В устье Троицкой губы издавна велась ловля соловещей сельди, стояло несколько промысловых изб. В 1874 году архан-

гельское Общество оказания помощи при кораблекрушениях обратилось к настоятелю с просьбой об устройстве силами монастыря спасательной станции «у опасных троицких стамиков»¹²⁰. Вскоре станция была открыта в помещениях бывшей Троицкой то-ни, а уже на следующий год предотвратила гибель двух судов. Существующие сейчас три здания жилого и складского назначения построены в конце XIX—начале XX века, живописно расположены на свободном от леса мысу, на месте, позволяющем вести наблюдение за морем. Архитектура этих зданий мало отличается от других промысловых построек на Соловках, объединяет их и заброшенный вид, требующий срочных мер по предотвращению дальнейшего разрушения.

Во второй половине XIX столетия на острове существовали и другие сооружения промысловиков, по различным причинам недошедшие до нашего времени. С древнейших времен сохранились «лабиринты», остатки неолитических святилищ и более поздние саамские захоронения. Многие еще ждет исследователей на Анзерском да и на других Соловецких островах, сохранивших приметы быстро удаляющегося от нас прошлого — черты хозяйственного уклада, художественные традиции и духовный мир людей, творивших в суровых условиях Севера.

Заключение

Проследовав по некоторым соловецким дорогам, мы коснулись лишь части культурного наследия Соловков, коснулись достаточно бегло, кратко описав самые интересные памятники истории и архитектуры. Конечно, они не равноценны. И все же здесь, на дальних северных островах, из-за сложных условий жизни творения рук человеческих заслуживают особого уважения. Своеобразная судьба этих мест сохранила нам памятники, уже исчезнувшие в других местах России. Мы здесь находим один из редких примеров гармоничной связи художественной культуры с материальным производством и замечательным природным комплексом. Где еще на этой широте можно встретить сооружения, подобные Соловецкому кремлю? А валунная гавань, а уникальный комплекс неолитических сооружений Большого Заяцкого острова? Конечно, для восстановления их нужны большие затраты, но они будут оправданны. Ведь знание прошлого необходимо для нашего современника именно сейчас, когда проблема нравственного воспитания человека стала одной из важнейших. Пример Соловков, как места, куда столетиями в поисках духовности стекались сотни тысяч людей, приобретает особый смысл. Не только как святыню воспринимали в прошлом народы России монастырь, но и как часть русской государственности, воплощенной в незабываемых художественных образах. Защита историчес-

ких, художественных и природных ценностей имеет непосредственное отношение к повседневной действительности, так как затрагивает такие высшие критерии человеческого бытия, как духовность, нравственность, красота. Обращаясь к истории, мы не должны забывать о трагических уроках нашего времени. Наш долг — отдать дань памяти жертвам произвола и сделать все для возрождения былой славы культурного центра России.

Современная судьба Соловков — забота общая. Свыше тридцати лет ведутся реставрационные работы в кремле, но уже давно ждут восстановления многие сооружения за его пределами. Во избежание гораздо более существенных затрат необходимо в кратчайшее время провести профилактические мероприятия по их сохранению. В последнее время вышло несколько правительственных решений об ускорении социально-экономического и культурного развития Соловков, часть из которых уже воплощается в жизнь. Нарастают темпы реставрации, памятники архитектуры приспособляются для музейных и культурно-бытовых нужд. Постепенно благоустраивается территория поселка, строятся новые жилые дома и объекты коммунального хозяйства, приводятся в порядок некоторые маршруты. Однако дружный шум мощной техники вызывает и тревогу. На красивейших участках дорог, как глубокие раны, зияют свежие карьеры, часть дорог поселка уже выложена инородной здесь бетонной плитой. Вдохновленные наличием больших финансовых средств ведомства создают реальную угрозу экологическому равновесию островов. Вызывает опасения и тенденция некоторых разработчиков превратить острова в туристско-развлекательный комплекс. Заботясь об экологии природы, не следует забывать и об экологии духовности, глубокой содержательности памятников культуры Севера, ради которой люди мечтают попасть на Соловки. Уникальные памятники Соловков ждут разумных усилий по их защите, сохранению и реставрации, и тогда они снова займут достойное место среди крупнейших историко-архитектурных и природных ансамблей не только нашей страны, но и мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. II. М., 1914, с. 321.
- ² В одной из последних работ, посвященных памятникам культуры Соловецких островов, Д. С. Лихачев ставит под сомнение первую дату основания монастыря (1429 г.), относя ее ко второй половине 30-х годов XV столетия (см. кн.: Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980, с. 12—13).
- ³ ЦГАДА, ф. 181, д. 328. Патерик соловецкий XVII в., л. 107.
- ⁴ См.: *Кукушкина М. В.* Описание Соловецкого монастыря 1549 г. — «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972, с. 341—348.
- ⁵ История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899, с. 56—57.
- ⁶ Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые братством Св. Петра Митрополита под ред. Н. Субботина. Т. 3, ч. 3. М., 1878, с. 210.
- ⁷ *Савич А. А.* Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, с. 51.
- ⁸ ГПБ, Сол. 484/503. Летописец Соловецкий. XVIII в., л. 9.
- ⁹ ГВЛ, УНД, ф. 310, д. 380, л. 65 об.
- ¹⁰ См.: *Шергин В.* Избранное. М., 1977, с. 25.
- ¹¹ ГВЛ, УНД, ф. 310, д. 380, л. 68 об. — 70.
- ¹² Грамоты Святого Филиппа митрополита Московского и всея Руси в Соловецкую обитель. М., 1861, с. 5—15.
- ¹³ История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря, с. 50.
- ¹⁴ См.: *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977, с. 23—24.
- ¹⁵ ЛОИИ, кол. 2, д. 121, л. 20—20 об.
- ¹⁶ Летописи и хроники. 1980. М., 1981, с. 240.
- ¹⁷ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 5, л. 58 об., 81; д. 213, л. 50 об., 68 об.
- ¹⁸ См.: *Досифей.* Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836, с. 86.
- ¹⁹ См.: *Буров В. А., Скопин В. В.* О времени строительства крепости Соловецкого монастыря и ее

- зодчем монахе Трифоне. — В кн.: Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., «Наука», 1985, с. 58—70.
- ЛОИИ, кол. 2, д. 125, л. 262.
- Там же, д. 127, л. 113—114 об.
- ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 40, л. 159 об. — 161; ф. 125, 1676 г.
- Арсеньев Ю. В. Описание Москвы и Московского государства по неизданному списку космографии конца XVII в. М., 1911, с. 15.
- Алеппский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию. Кн. 7. М., 1898. с. 126.
- ЦГАДА, ф. 125, д. 16, л. 11.
- Там же, д. 20, л. 5.
- ЛОИИ, кол. 152, л. 283; ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 217, л. 72 об., 181 об., 194 об.
- ЛОИИ, кол. 152; ЦГАДА, ф. 1201, оп. 217, л. 72 об., 181 об., 194 об.
- ОРГП ММК, ф. Сол. монастыря, д. 1240, л. 315 об. — 319.
- ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 214, л. 73, 74, 91 об.; д. 217, л. 5, 5 об., 6 об.; д. 244, л. 49 об., 75, 85 об.; д. 245, л. 7 об. и др.
- Арсеньев Ю. В. Указ. соч., с. 15—16.
- См.: Скопин В. В. Иконописцы на Соловках в XVI—середине XVIII в. — В кн.: Древнерусское искусство. М., 1989, с. 285—309.
- ЦГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 1126, л. 2; БАН, Арханг. д. 507, л. 55 об., 65 об.
- ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1, д. 4, л. 194—196.
- ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 109, л. 4.
- Там же.
- Там же, оп. 113, д. 1689, л. 2.
- Досифей. Указ. соч. с. 7—8.
- ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1, д. 122, 1907 г., л. 4 об.
- Там же, ф. 1201, оп. 1, д. 909, л. 98, 132, 134.
- Досифей. Указ. соч., с. 198, 264—265.
- ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 123, д. 1513, л. 1—8 об.
- ЦГИА г. Москвы, ф. 420, оп. 1, д. 1161, л. 2 об.
- ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1, т. 41, д. 127, л. 1—8.
- Там же, д. 185, 1910 г.
- Там же, ф. 187, оп. 2, д. 199, л. 17 об. — 18.
- ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 117, д. 1439, л. 17—17 об.
- Там же, оп. 192, д. 1378, л. 2
- Там же, оп. 119, д. 1562, л. 2.

- Там же, оп. 133, д. 1378, л. 2.
- ЦГИА г. Москвы, ф. 420, оп. 1, д. 1161, л. 280 об.
- ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1, д. 207, л. 1—10, 32.
- ОРГП ММК, ф. Сол. монастыря, д. 1240, л. 334.
- Там же.
- ГВЛ, ОР, ф. 178, д. 4302, л. 14 об.
- ОРГП ММК, ф. Сол. монастыря, д. 1240.
- ЦГАДА, ф. 1201, д. 826, л. 34.
- Постройка датируется на основании клейма на кирпиче, проставленного в 1887 году.
- ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 111, д. 752, л. 4. об.
- ОРГП ММК, ф. Сол. монастыря, д. 1240, л. 345—355.
- ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 122, д. 1378, л. 2.
- ЛОИИ, кол. 2, д. 121, л. 43.
- ОРГП ММК, ф. Сол. монастыря, д. 1240, л. 349—353.
- ЦГИА г. Москвы, ф. 420, оп. 1, д. 1160, л. 35 об.
- Там же, д. 64.
- ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 117, д. 1426, л. 2 об.
- ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1, д. 122, 1907 г., л. 12. Одно из зданий конюшен в недавнее время сгорело и на основании обмеров было восстановлено.
- ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 141, д. 245, л. 1—5 об.
- ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1, д. 52, л. 1—10 об.
- Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск, 1984, с. 136.
- ЦГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 328, л. 87 об.
- БАН, Арханг. д. 507, л. 68.
- ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 2, д. 70, л. 6 об.
- ЦГАДА, ф. 1201, оп. 5, д. 5608, л. 187 об. — 188 об.
- ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 2, д. 70, л. 6 об.
- ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 484, л. 63.
- Там же, д. 484, л. 63.
- Там же, оп. 2, д. 171, л. 4 об.
- ОРГП ММК, ф. Сол. монастыря, д. 1285, л. 271.
- ГПБ, ОР, Сол. 484/503, л. 9.
- Там же, ф. 21, д. 1038, л. 11 об.
- ОРГП ММК, ф. Сол. монастыря, д. 1240, л. 362 об.
- Фомин А. И. Описание Белого моря с его берегами и островами. Спб., 1797, с. 167—168.
- ГПБ, ОР, Сол. 484/503, л. 9, 11 об.
- Сейчас храм находится на территории Московского областного краеведческого музея (Новоиерусалимский монастырь, музей деревянного зодчества в Истре).

- 86 См.: Зайцев Б., Пинчуков П. Солнечные узоры. М., 1978, с. 83—84.
- 87 ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 120, д. 1508.
- 88 Там же, оп. 135, д. 2289, л. 2.
- 89 ЦГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 861, л. 83 об. — 85.
- 90 Там же, ф. 1183, оп. 1, т. 41, д. 127, л. 7.
- 91 Там же, ф. 1201, оп. 2, д. 826, л. 35 об.
- 92 ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, д. 2421, л. 10.
- 93 ЦГАДА, ф. 1183, оп. 5, д. 1780, л. 85.
- 94 ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 120, д. 1503, л. 3 об.
- 95 *Немирович-Данченко В. И.* Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами. Спб., 1884, с. 134.
- 96 ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1, д. 52, л. 1—2 об.
- 97 Там же, д. 64, л. 6.
- 98 ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 1, д. 64, л. 6.
- 99 ОРГП ММК, ф. Сол. монастыря, д. 1240, л. 352.
- 100 ГПБ, ОР, Сол. 2 Анз/1370, л. 2—2 об.
- 101 Там же, л. 5; ЛОИИ, кол. 2, д. 149, л. 78—78 об.
- 102 ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 51, л. 21.
- 103 ОРГП ММК, ф. Сол. монастыря, д. 1134.
- 104 Там же, д. 1241, л. 47.
- 105 Там же, л. 114.
- 106 ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 990а, л. 9, 39, 46 об. 63, 74 об., 112 об.; оп. 2, д. 821, л. 1—34.
- 107 ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1, т. 41, д. 51.
- 108 ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 119, д. 1426.
- 109 Там же, оп. 124, д. 1837, л. 1.
- 110 *Досифей.* Указ. соч., с. 362.
- 111 ЦГИА г. Москвы, ф. 420, оп. 1, д. 1161, л. 52 об., 59 об., 63.
- 112 ГПБ, ОР, Сол. 1014/1123, л. 67—70, 80 об.
- 113 ЦГАДА, ф. 1201, оп. 2, д. 821, л. 24 об.
- 114 Там же, оп. 5, д. 4869.
- 115 ЦГИА г. Москвы, ф. 420, оп. 1, д. 1160, л. 24.
- 116 ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 109, д. 1461, л. 56 об.; оп. 110, д. 954, л. 3—3 об.; оп. 111, д. 742, л. 3.
- 117 Там же, оп. 112, д. 799, л. 3.
- 118 ЦГИА г. Москвы, ф. 420, оп. 1; д. 1161, л. 52 об.
- 119 ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 238, л. 6.
- 120 ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 157, д. 1419.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР.

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории.

ЦГИА г. Москвы — Центральный государственный исторический архив г. Москвы.

ОРГП ММК — Отдел рукописных и графических памятников Музеев Московского Кремля.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

БАН — Библиотека Академии наук.

ГААО — Государственный архив Архангельской области.

ОР — Отдел рукописей.

1. Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980.
2. Барсуков Н. Соловецкое восстание. Петрозаводск, 1954.
3. Богуславский Г. А. Острова Соловецкие. Архангельск, 1971.
4. Буров В. А., Скопин В. В. О времени строительства крепости Соловецкого монастыря и ее зодчем монахе Трифоне. — В кн.: Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1985.
5. Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836.
6. История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899.
7. Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. — Собр. соч., т. 7. М., 1958.
8. Колчин А. Ссылные и заключенные в острог Соловецкого монастыря в XVI—XIX вв. М., 1908.
9. Косточкин В. В. Новые данные о стенах и башнях Соловецкого монастыря. — «Архитектурное наследство», М., 1972, № 20.
10. Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977.
11. Летописец Соловецкий. М., 1790, 1815, 1821, 1833, 1847.
12. Макарий. Описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1825.
13. Максимов П., Свирский И. Новые материалы по древним зданиям Соловецкого монастыря. — «Архитектурное наследство». М., 1958, № 10.
14. Мелетий. Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1881.
15. Савицкая О. Д. Исследование трапезной Соловецкого монастыря. — В кн.: Реставрация и исследования памятников архитектуры. Вып. 1. М., 1975.
16. Савич А. А. Соловецкая вотчина в XV—XVII вв. Пермь, 1927.
17. Скопин В. В., Щенникова Л. А. Архитектурно-художественный ансамбль Соловецкого монастыря. М., 1982.
18. Скопин В. В. Иконописцы на Соловках в XVI — середине XVIII в. — В кн.: Древнерусское искусство. М., 1989.
19. Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск, 1970.
20. Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и обитатели Беломорья. Архангельск, 1975.

Фотографии выполнены
заслуженным работником
культуры РСФСР
А. И. Петуховым.

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ СКОНИН

НА СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВАХ

Редактор
И. А. КУРАТОВА

Художник серии
Ю. К. КУРБАТОВ

Рисунки к карте
Ю. И. Рапопорта

Художественный редактор
И. В. БАЛАШОВ

Подготовка фотооригиналов
Е. А. БЕЛОВ

Технический редактор
А. Н. ХАНИНА

Корректор
Л. Я. ТРОФИМЕНКО

И.Б. № 4135

Подписано к печати 7.12.90. Формат издания 70х90/32. Бумага тифдручная. Гарнитура школьная. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,312. Усл. кр.-отт. 15,22. Уч.-изд. л. 8,972. Изд. № 1507. Доп. тир. 150 000. Заказ 712. Цена 1 р. 20 к. Издательство «Искусство» 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати. 170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5.

НА ПРОТЯЖЕНИИ ПОЧТИ ЧЕТЫРЕХ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ НА СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВАХ

В БЕЛОМ МОРЕ СОЗДАВАЛИСЬ ПАМЯТНИКИ

КУЛЬТУРЫ РЕДКОЙ ЦЕННОСТИ.

КНИГА РАССКАЗЫВАЕТ О ЗАГАДОЧНЫХ

НЕОЛИТИЧЕСКИХ СООРУЖЕНИЯХ II—I ТЫС. ДО Н. Э.

О ЗНАМЕНИТОМ, ОВЕЯННОМ ЛЕГЕНДАМИ

СОЛОВЕЦКОМ МОНАСТЫРЕ,

О МНОГОЧИСЛЕННЫХ КУЛЬТОВЫХ,

ПРОМЫСЛОВЫХ, ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЗДАНИЯХ,

РАСПОЛОЖЕННЫХ В РАЗЛИЧНЫХ МЕСТАХ АРХИПЕЛАГА,

О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ ПРИРОДЕ СОЛОВКОВ.